

Еремей Айпин

Собрание сочинений
в пяти томах

Еремей Айпин

Собрание сочинений
в пяти томах

Редакционная коллегия:

В. В. Огрызко – литературовед, критик,
О. П. Пламадилова – литературный редактор,
Е. В. Косинцева – доктор филологических наук,
В. Л. Сязи – кандидат филологических наук,
М. Е. Айпина – редактор,
О. Е. Салтанова – редактор.

Ханты-Мансийск
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «НОВОСТИ ЮГРЫ»
2020

Еремей Айпин

Собрание сочинений
в пяти томах

Том 1

«В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА»

РАССКАЗЫ
ПОВЕСТЬ
ПЬЕСА
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

Ханты-Мансийск
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «НОВОСТИ ЮГРЫ»
2020

УДК 82-3
ББК 84 (2=665.1) 6
А 37

Автор вступительной статьи Е. Косинцева
Автор комментариев В. Огрызко
Художник Г. Райшев

В первом томе Собрания сочинений угорского писателя и общественного деятеля Еремея Айпина представлены рассказы, повесть «В тени старого кедра», пьеса «Красная нарта» и штрихи к портретам.

Все живое в прозе Айпина оборачивается первоначально космическим, божественным устройством земли, ибо высок и силен тот из нас, кого не тревожат тени забытых предков, а в памяти благодарной помогают жить в ладу с текущим днем.

*Владимир Рогачев,
литературовед, критик, Тюмень*

The first volume of the Collected Works of the Ugric writer and public figure Eremey Aipin presents story and novel as “In the shadow of an old cedar”, the play “Red Nart” and touches to portraits.

All living things in Aipin’s prose turns into a primordially cosmic, divine arrangement of the earth, for one of us is tall and strong who is not disturbed by the shadows of forgotten ancestors, and in grateful memory helps to live in harmony with the current day.

*Vladimir Rogachev,
literary critic, Tyumen*

© Айпин Е. Д, сост., 2020
© Райшев Г. С., иллюстрации, 2020
© Издательский дом «Новости Югрь», оформление, 2020

ISBN (т. 1) 978-5-6045403-2-9
ISBN 978-5-6045403-1-2

О ком и о чем говорят мои книги? Слово к моему читателю

Нашему округу – 90 лет. Это одно короткое мгновение в жизни Вселенской. А в жизни земной, в жизни народной это многие и многие лета и зимы, долгие и долгие дни и ночи.

Мне кажется, я помню все. Все, что нашептали мне остяцкие мифы. Помню времена, когда землю населяли наши боги и богини, наши покровители и покровительницы. Потом они ушли на небо. Очевидно, незадолго до Всемирного потопа. Сейчас они живут на небе. И с небесной высоты посматривают на меня, ведут меня по земным тропам-дорогам.

Наступил день, когда послышался далекий гул Большой Воды. Она пришла через семь дней, и вся земля ушла под воду. Священная птица Лули со дна бескрайнего моря-океана в клюве подняла кусочек земли, который начал расти для жизни людей. Так появилась Земля князя Самара, наша высокая Самаровская гора. Из нее выросла вся земля нашей планеты.

Помню времена наших богатырей с их славными подвигами во имя жизни людей, народа, человеческого рода на земле.

Помню времена протогосударства обских угров – остяцкие и вогульские княжества от истоков больших и малых рек до встречи Великой Оби со льдами Арктического океана. В прошлой жизни душа моя и души моих сородичей воплощались во многих князьях и вождах угорских земель. Ведь я помню времена Большого князя Самара Белогорского княжества, кодских князей Алачевых на Средней Оби, князей Бардакова княжества на моей родине на Сургутских землях, остяцких и российских, титулованных при Екатерине II князей рода Тайшиных Обдорского княжества, управлявших Инородческой управой вплоть до начала XX века, и многих других больших и малых княжеств на югорских бескрайних просторах.

Потом, как и в пору зарождения земной тверди, пришло время открытия первых месторождений нефти и газа, и наша Югра стала Центром Притяжения, опорой государства благодаря щедрости земных недр, щедрости душевной живущих здесь людей. В моей памяти неизгладимый след оставили Юрий-Рауль Эрвье, Валерий Грайфер, Фарман Салманов, Виктор Пархомович, Владимир Богданов, Вагит Алекперов и многие легендарные первооткрыватели кладовых недр нашей земли.

Не могли обойти без внимания и личного прикосновения к духовной и физической опоре страны лидеры Советского Союза и России конца прошлого и начала третьего тысячелетия, начиная с восьмидесятых годов двадцатого века посетившие наш округ. В самый сложный период в истории страны жители Югры доверили мне представлять их в Верховном Совете Союза ССР, а затем – первого президента России в Ханты-Мансийском округе. С этой поры я усвоил одно: основная и главная цель государства – обеспечить благополучие своих жителей, благополучие людей.

Эра в истории – это люди. Эпоха – это люди. Тысячелетие – это люди. 90 лет – это люди, человеки, человек. Чело-

век со своей судьбой, размышлениями, чаяниями. Люди – это клад для писателя, для его книг. В этом плане судьба преподнесла мне почти неподъемный клад.

Мы живем на Священной Первоземле. Мои герои обустроивают Центр Притяжения, нашу землю, и размышляют о том, как сохранить ее в первозданности и величии для наших потомков. Об этом рассказано в моих книгах.

*Еремей Айпин,
10 декабря 2020 года*

Е. Д. Айпин:
«Главная книга еще впереди...»

Имя Еремея Даниловича Айпина хорошо известно жителям Югры не только потому, что много лет он посвятил общественному и государственному служению на благо региона, но и потому, что его художественные произведения представили культуру и мировоззрение ханты, вписали югорскую литературу одновременно в историю финно-угорской, русской и мировой литературы. Благодаря высокому уровню образованности и профессиональной подготовки, таланту владения художественным словом произведения Е. Д. Айпина читают во всем мире.

До повестей и романов Е. Д. Айпина многомиллионная читательская аудитория в Европе или Америке вряд ли знала о том, что есть такой малочисленный этнос ханты, который проживает издревле на территории Югры. Писатель открыл миру Югру и познакомил со своим народом.

Е. Д. Айпин вот уже почти полвека задает вектор развития национальной литературе ханты, которая начинает свою историю с 30-х годов XX века. Трудно переоценить вклад писателя в развитие жанровой системы хантыйской литературы хотя бы потому, что до настоящего времени он является единственным автором романов (их в копилке писателя три); единственным автором лирических расска-

зов (сборник «Река-в-Январе»); единственным из авторов, кто опробовал свои силы в драматических жанрах. Его пьеса «Красная нарта» остается по сей день единственным образцом драматического жанра в хантыйской литературе, а Е. Д. Айпина можно считать первым хантыйским драматургом. Не обошел вниманием хантыйский прозаик и жанр путешествия. Его путевые заметки «Во льдах Нунавута», «В гостях у Танцующего Духа Солнечной земли» заложили традицию жанра путешествия в хантыйской литературе. Созданные им литературные портреты так же уникальны, поскольку никто больше из хантыйских прозаиков не обращался к этому жанру. Особую ценность имеет и авторская публицистика (сборник «Обреченные на гибель»). Экспериментирует Е. Д. Айпин и с жанром элегии. Яркий образец авторского эксперимента открывает книгу «У гаснущего очага». Обращается он и к жанру эссе. Интересный цикл эссе включен писателем в повесть «У гаснущего очага», не менее увлекательно эссе «Где же ты, осень?».

Многообразна и тематическая палитра прозы Е. Д. Айпина. Обращение к традициям анималистической и деревенской литературы включило его произведения в разряд нравственной литературы. Колоритные этнические герои, описание быта и характера людей Севера сделали народную тему одной из ведущих в ряде произведений писателя. Тема любви стала главной в лирической прозе автора. Обращение к истории страны и народа утвердило не только историческую тему, но и в совокупности с изображением социокультурной среды обозначило принцип историзма в его прозе. Нельзя не назвать тему родины, семейную тему, философскую тему и другие темы и мотивы, получившие развитие на страницах его произведений.

Е. Д. Айпин сегодня единственный писатель, который создал городской текст в хантыйской прозе. Урбанистический код его творчества включает парижский, канадский, американский, бразильский тексты, рецепцию городов Канады, Северной Европы и другие. Город осмысливается автором в совокупности его компонентов: культурного, исторического, территориального, социологического,

экономического, архитектурного и др., но при этом, при целостности восприятия, в каждом из городов отмечаются их специфические особенности. Конкретные географические пространства актуализируются на уровне персональной творческой системы прозаика. Одним из излюбленных способов презентации города становится сравнение, актуализированное в вариациях «свое – чужое». Большая часть топов представлена через взгляд путешественника, который может проводить параллели в силу своей культурной эрудиции и имеющегося опыта познания стран и городов, а также город предстает как новое, неизведанное пространство, иное для привычной культурной среды героя.

Отдельного внимания заслуживает вклад писателя в образную систему хантыйской литературы. Только под пером такого неординарного мастера смогли родиться образы: символический – Кровавого Глаза (рассказ «Клятвопреступник»), роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари»), лирические – Влюбленного и Возлюбленной в их нетипичной для этнического восприятия интерпретации (рассказы сборника «Река-в-Январе»), ребенка, познающего мир (повести «Я слушаю Землю», «У гаснущего очага»), матери (повесть «Я слушаю Землю»), роман «Божья Матерь в кровавых снегах»), воина (рассказы «В окопах, или Явление Екатерины Великой»), роман «Божья Матерь в кровавых снегах»), философа (роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари»), праведника (рассказ «Во тьме»).

Стоит подчеркнуть, что Е. Д. Айпин много сделал для развития женских образов в хантыйской литературе, поскольку до его книги «Река-в-Январе» никто из хантыйских поэтов и прозаиков не создавал столь открытый, откровенный женский образ, никто не писал столь предельно прямо о взаимоотношениях мужчины и женщины, никогда этнический герой не выражал столь явно свои чувства. Хотя первые предпосылки этого видим уже в отдельных эпизодах первого романа писателя «Ханты, или Звезда Утренней Зари».

Символизация и метафоризация образов – это любимое сочетание, гармонично вписывающееся в общую слож-

ную концепцию авторского мира художественного текста. И это при том, что Е. Д. Айпин в каждом произведении остается верен главной цели своего литературного служения – рассказать миру о своем народе. Поэтому мифологизация, фольклорно-литературные и культурно-религиозные параллели столь же четко прослеживаются в его образах, как и в сюжетно-композиционном решении.

Художественное творчество Е. Д. Айпина – это сложный сплав литературных традиций и авторских находок. Опираясь на энциклопедическое понимание традиции как «передающегося последующим эпохам и поколениям идейно-художественного опыта, откристаллизовавшегося в лучших произведениях фольклора и литературы, закрепленного в художественных вкусах народа, осознанного и обобщенного эстетической мыслью, наукой о литературе»¹, можно говорить о том, что хантыйский прозаик вносит существенный вклад в развитие анималистических традиций не только хантыйской, но и русской литературы XX века. В рассказах «Медвежье горе», «Лебединая песня», «Бездомная собака», романе «Божья Матерь в кровавых снегах» автор проводит параллели между человеком и животным. Двойственность животных персонажей – одновременно естественность и символичность – является отличительной чертой анималистического творчества хантыйского прозаика. Трагедию зверя видим в рассказе Е. Д. Айпина «Медвежье горе», созданном писателем в 1972 году. Повествование ведется от лица «лучшего медвежатника рода» деда Ефрема. Явственно помнит герой свои ощущения, свое внутреннее состояние от несчастья, которому стал невольным очевидцем: «А у меня аж сердце упало. И ноги пропали, будто убежали куда. Словно окаменел я, а шелохнуться не могу. Только глаза мои все видят, да ум все это укладывает в память. <...> Моему разуму и телу совсем плохо стало».² Охотничий привал, ночной костер располагают к рассказыванию былей, и дед

¹ Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 599.

² Айпин Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.: Русло, 1993. С. 8.

Ефрем вспоминает историю, которая глубоко отпечаталась в его памяти. Звучит мысль: «Медведь, как и человек, бывает разный...».³ Главным действующим лицом становится медведица, точнее, медвежья семья (медведица и два медвежонка). Е. Д. Айпин, используя олицетворения и сравнения, создает живой образ медведицы-матери. Не только человек поражен трагедией медвежьей семьи, но и природа вторит страданиям матери, потерявшей детей. Медведица «<...> вернулась к деткам. Но что такое? Медведица подняла валежину – а детки-то не шевелятся. С небольшим шумком, похожим и на бормотание, и на мольбу, она давай их тормошить и обнюхивать. Движения все быстрее, шум – все громче. Она неприкаянно туда-сюда, влево-вправо, вперед-назад. Что-то неладное случилось. Детки все неподвижны, все безмолвны. И тут медведица-мать заревела на весь лес:

– Бу-ху-ху-ууу!

Какой это был рев!

Дерева, показалось мне, и то заплакали».⁴

Горе матери затмевает разум. Зверь не отличается от человека, по мнению писателя, переживая утрату ребенка. В небольшом по объему произведении Е. Д. Айпин раскрыл внутреннее эмоциональное состояние животного, подчеркнув человечность его поступков.

В рассказе «Лебединая песня» он проводит параллель между людьми и птицами. Символичен и сам образ лебединой пары (образ лебедя – священный у ханты), ведь в литературе существует устоявшаяся семантика лебедя – олицетворения любви, семьи и верности. Не случайна у писателя и связь между птицей и Мариной – главной героиней рассказа, сердце которой настолько открыто, что она смогла прочувствовать голос, песню лебедей: «Девушка лежала в тепле спального мешка и слушала лебедей. Слушала так долго и внимательно, что стала понимать эту минорную музыку осени: до нее ясно доходило то, что играли лебеди

³ Айпин Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.: Русло, 1993. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

и мысль, что ей доступен язык этих гордых птиц, радовала ее. Никто еще не понимал языка птиц».⁵

Автор показывает человеческие отношения, а природа усиливает эффект их психологического анализа. Она зовет девушку к себе. В птицах Марина нашла ту искренность, которой ей не хватает в повседневной жизни. Именно во взаимоотношениях лебедей героиня увидела неподдельную, настоящую любовь, лебеди явились образцом отношений между мужчиной и женщиной. Автор сравнивает девушку с лебедем, белой, чистой птицей: «Улыбка ... легкая, ... нежная кожа ... ресницы затрепетали...».⁶ Она не смогла оставаться рядом с человеком, в котором разочаровалась, и здесь писатель использует анимализм как номинацию героини: «Улетела наша лебедушка».⁷

В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» писатель вновь обратится к анималистике, создавая образ Пойтэка. Ум становится ключевой характеристикой собаки – последней опоры героини в борьбе за жизнь ребенка. Помощь Пойтэка сохраняет искру жизни в матери и ребенке. Это своеобразное возвращение долга собаки женщине, которая когда-то пожалела щенка, уберегла его от участи собратьев, замерзших в лютую зиму. С Пойтэком связывает героиня надежду на спасение единственного оставшегося в живых сына Саввы и веру в то, что умная собака приведет помощь к обессилевшей хозяйке. Картина спасения появляется перед глазами женщины, впадающей в «сон-забытье»: «Вот Пойтэк подбежал к дверям дома и остановился. Хозяйские собаки подняли невообразимый лай на чужака, посмевавшегося прийти <...> со странной волокушей. Из дома вышли люди. Удивились. <...> Потом опомнились, отвязали люльку и с малышом вернулись в дом. Пойтэк постоял еще немного, оглянулся на пустую волокушу и затем сделал несколько шагов в сторону. Он знал, что от него требуется: он должен вернуться к хозяйке, туда, где

⁵ Айпин Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.: Русло, 1993. С. 50.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Там же. С. 56.

оставил ее. Сразу, немедленно. <...> А люди в доме вскоре хватились: где же белый пес, который привез малыша? Убежал обратно? Значит, там есть живой человек. И люди засобирались в дорогу, вслед за Пойтэком».⁸

Не менее значим вклад Е. Д. Айпина в развитии традиций деревенской прозы русской и хантыйской литературы. Деревня привлекала писателей не только своими социально-экономическими проблемами. Интерес вызывали нравственные, бытовые, эстетические традиции жизни народа, сохранившиеся в деревне. Главным в «деревенской прозе» становится человек, его характер, духовный мир в меняющихся условиях жизни. В художественных текстах Е. Д. Айпина есть и «концепция человека», и та универсальная эстетическая категория, которая сложилась в деревенской прозе; наблюдается обращение к художественному исследованию глубинных ценностей народной жизни, отразился процесс духовно-нравственных, культурно-философских исканий, несомненно, обогативший представления о сущности человека и специфике национального характера.

В повести «В ожидании первого снега» Е. Д. Айпина показано небольшое поселение Ингу-Ягун, состоящее из трех родовых фамилий ханты: «Все с рождения знают друг друга. И каждый считает своим долгом принять участие в судьбе другого: коль не делом, так словом».⁹ Писатель указал на важную вещь – этнические поселения формируются по принципу родства: «<...> все жители нашего селения до десяти домов, это люди Бобра – мои родственники»¹⁰. Видим в повести и надежду на то, что тайга вернет героя в отчий дом.

Для деревенской прозы писателя характерны герой-праведник (таков Ефрем в рассказе «Во тьме»); неизменяющийся герой, который пытается изменить мир, – этот тип ближе к естественному (например, Костя Казамкин в рас-

⁸ Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: Па-
крус, 2002. С. 244–245.

⁹ Айпин Е. Д. В ожидании первого снега: Повести. М.: Сов. Россия,
1990. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 134.

сказе «Последний рейс»); маргинальный тип (черты его в Диме из рассказа «Лебединая песня»).

Ефрем – главный герой рассказа «Во тьме», охотник и глава семьи, которого жена считает «со странностями». <...> Весь он, начиная с лохматой макушки, черных доверчивых глаз, вечно обветренного лица с плавными линиями и кончая короткопалыми руками и ногами – весь излучал божью доброту, божье всепонимание. И фигура какая-то округлая, и движенья мягкие, неспешные. Злые языки говорили, что он даже не пришьепнет комара, насосавшегося его крови, – жалко изводить живность. А на охоте будто бы сначала прощения испросит у зверя, только после этого стреляет, если тот не покажет ему хвост»¹¹. Главный герой молчалив, но все его поступки определяют длительные и серьезные размышления, раздумья. Основные качества Ефрема – открытость, доверчивость, наивность. Натиск цивилизации, окружение пытаются изменить героя. Каждый раз после того, как с главным героем случаются неприятности, он размышляет о «новых» людях. После того, как кражи стали систематическими, Ефрем понимает, что изменилась норма жизни. Меняется и взгляд героя на людей. Если он раньше смотрел в лицо и пытался понять, кто этот человек – добрый ли, хороший ли. То теперь он уверен, что пришлые люди: «Первограбители, первовзломщики... – как водится, не то подумал, не то вслух сказал Ефрем. – Вот кто они!...»¹² Ефрем становится замкнутым, почти ни с кем не разговаривает. Он начинает понимать, что живет не в том мире, в котором жили его предки: «Может быть, он раньше чего-то не понимал? Жил не так, как надо было жить?! А теперь времена изменились, по-иному все надобно делать. То мнилось ему, что взломали специально, чтобы посмеяться над ним, над его доверчивостью и добротой. То вспомнились слова жены, которая, видимо, более чувствительна к переменам в таежной жизни: «Добреньким теперь не проживешь – быстро заклюют, времена

¹¹ Айпин Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.:
Русло, 1993. С. 66–67.

¹² Там же. 72.

не те!»¹³ На пепелище собственного дома в финальном эпизоде рассказа герой понимает, что мир изменился безвозвратно. Его устоявшийся мир рушится. Новые условия жизни отторгаются героем. Попытки приспособиться к новым правилам жизни не делают его счастливым. Видим, что праведник не в состоянии справиться с цивилизацией, которая, как тьма, поглощает его: «Наступила ночь. Он не знал, куда ткнуться в этой тьме.

А тьма все сгущалась. А тьма все поглощала пепелища, берег, лес и, наконец, поглотила все вокруг, будто не стояло здесь древнее селение, будто никогда не жили тут люди охотничьего рода Ефрема...»¹⁴.

Четкая аналогия с Ефремом прослеживается еще в одном герое Е. Д. Айпина – Демьяне из романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари».

Стоит заметить, что все герои деревенской прозы Е. Д. Айпина благодаря нравственной интуиции, жертвенности, этическим нормам, определяющим их взгляды и поступки, в совокупности с этнической системой нравственно-религиозных ценностей и запретов реализуют концепцию праведности в хантыйской литературе.

Концепции праведности в деревенской прозе Е. Д. Айпина противопоставлена концепция маргинальности. Именно индивидуальная маргинальность стала визитной карточкой героев-маргиналов в произведениях писателя. Такой герой оторван от корней, город поглотил душу жителя деревни, поэтому забываются наставления отцов, древние законы предков, потребительским становится и отношение к природе. Все это видим в Диме – одном из героев рассказа «Лебединая песня». Городская жизнь уничтожила и чуткость героя, и уважение к старшим, заглушила в нем голос природы, изменила систему культурно-нравственных координат.

Фольклорно-этнографическая традиция, к которой обращается Е. Д. Айпин, становится способом познания дей-

¹³ Айпин Е. Д. Клятвopеступник. Избранное: Роман и рассказы. М.: Русло, 1993. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 74.

ствительности, особой формой творчества. Она формирует и важную черту его поэтики – этнопоэтику. Это отражается и в образной системе его произведений, и определяет особенности композиции, и подчеркивает языковую специфику текста. Знакомя читателей с культурным наследием ханты, писатель обращается к мифам, легендам, сказкам, приметам, запретам, молитвам, плачам-причитаниям, песням. Он использует фольклорные сюжеты в художественных текстах, создает художественный образ с опорой на фольклорный, зачастую прибегая к прямым сравнениям. Наряду с фольклорными жанрами, сюжетами и образами, Е. Д. Айпин апеллирует к обрядовому фольклору, культовым практикам, религиозным воззрениям народа, создавая характер, объясняя мотивы действий героев, изображая место событий в художественном тексте. Закономерно, что все это отражается на поэтике художественных текстов, где этнографизмы, табуированная лексика, этнические профессионализмы формируют главную особенность языка произведения.

При исследовании повестей прозаика «В ожидании первого снега», «Я слушаю Землю», «В тени старого кедра», «У гаснущего очага», романов «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья Мать в кровавых снегах» можно обнаружить в художественных текстах вкрапления нескольких фольклорных жанров. В повести Е. Д. Айпин включил этиологические мифы, например, миф о том, как Бог сотворил муку и проч., и космогонические мифы, например, мифы, повествующие о происхождении Луны, о «Старике-Мясеце», о младшем сыне Верховного Бога и др. Интересно, что писатель сохранил не только сюжет, но и индoкказательность, сказочность в мифах, вошедших в повести. На это указывают и названия отдельных глав. Например, «Старик Месяц», «Луна-Человек», «Люди Месяца», «Собака Старика Месяца», «В гостях у Скупой Снохи» и др. Поражает абсолютная вера героев повестей в правдивость мифического повествования.

Многие этнографизмы, используемые Е. Д. Айпиным, этимологически восходят к мифу. Повествование Отца

Детей о древних угорских войнах-богатырях в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» возвращает к «эпохе богатырей» – времени, характерном для мифа.

Е. Д. Айпин обращается к легенде о древних угорских войнах-богатырях в романе «Божья Матерь в кровавых снегах». Несмотря на характерные жанру сказки приемы и обилие фольклорной лексики, монолог Отца Детей больше похож на рассуждение, в котором он сначала доказывает величие, благородство и силу древнего угорского народа: «Угры – это воины-богатыри, не знавшие ни одного поражения в своей древней истории. Это обстоятельство подтверждается тем, что малым числом и за короткое время они заняли и закрепили за собой огромную территорию Западной Сибири <...> Угры умели воевать и могли постоять за себя. Даже самые многочисленные племена татар не рискнули идти дальше на угорские земли <...> для богатыря считалось позором обмануть врага и одолеть его в нечестном бою. Только слабый духом и телом может пойти на обман и таким путем завоевать победу»¹⁵.

При описании богатырей автор использует в романе гиперболизацию, свойственную сказочным жанрам: «Грудь спящего богатыря вздымалась до уровня трех нижних венцов деревянного терема».¹⁶ Следуя канонам волшебной сказки, наделяет их сверхъестественной силой: «мог обернуться иголкой и затеряться в траве-мураве под ногами иноземного войска. Богатырь заговаривал болезни, оставив кровь, снимал боль, прикосновением пальцев руки заживлял колотые и резаные раны, мог превратиться в невидимку...»¹⁷. Сохраняет автор в описании богатырей и устоявшиеся фольклорные сравнения: «Бесстрашны, как медведи. Проворны и ловки, как горностаи, быстры, как лоси. Живучи, как семиголовые великаны. Благородны, как угорские богатыри»¹⁸.

¹⁵ Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: Па-
крус, 2002. С. 151, 155.

¹⁶ Там же. С. 154.

¹⁷ Там же. С. 154.

¹⁸ Там же. С. 155.

Не обходятся тексты хантыйского прозаика без народных примет. Его герои – простые жители Обского Севера – приметами руководствуются в жизни, предсказывают будущее.

Например, «<...> наступить на пятку, значит, ровно через год с тем человеком по той же тропе пойдешь»¹⁹; «Гагара стонет к непогоде <...>. Ненастье видит»²⁰ и проч. Запреты в культуре любого народа – это комплекс требований, запрещающий совершение чего-либо. В повестях Е. Д. Айпина «Я слушаю Землю», «У гаснущего очага» запреты связаны с поведением человека и его отношением к окружающему миру. Например, вечером нельзя шуметь – «вечером воды и земли засыпают, они устали за день, нельзя их тревожить, пришло время их сна»²¹; возле киври строго запрещается браниться – «Слово упадет в колодец, и пьющий воду может проглотить его. И тогда человеку будет плохо»²²; «на Старика Месяца нельзя пальцем показывать – палец будет болеть»²³; нельзя «на кладбище привозить детей в люльке»²⁴; «после грозы ни в коем случае нельзя трогать копалуху. Нельзя в нее целиться, нельзя в нее стрелять. <...> нужно обходить ее стороной»²⁵ и другие.

Именно в запретах Айпин использует и табуированные наименования, употребляемые в хантыйском языке. Например, «Пупи – медведь, так называют его только опытные взрослые охотники, но не женщины и не дети»²⁶ или

¹⁹ Айпин Е. Д. В ожидании первого снега. М.: Советская Россия, 1990. С. 130.

²⁰ Айпин Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 226.

²¹ Айпин Е. Д. В ожидании первого снега. М.: Советская Россия, 1990. С. 113.

²² Там же. С. 131.

²³ Там же. С. 149.

²⁴ Там же. С. 159.

²⁵ Айпин Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 66.

²⁶ Айпин Е. Д. В ожидании первого снега. М.: Совет. Россия, 1990. С. 79.

«Отец не сразу, выждав некоторое время, поднимался и, приоткрыв дверь, словно нашалившему ребенку, кричал в небо сердитым голосом: «Эй, Гром-Старик, потихоньку иди! Разве дом и людей не видишь?! Не пугай детей, потихоньку иди!...». И, будто услышав человека, небесный старик умерял свой пыл и вскоре, понизив голос, ворча, удалялся вместе с тучей восвояси. Женщины никогда так не обращались к расшумевшемуся не в меру Грому-Старику»²⁷ и др.

В романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» находим плач-причитание Матери Детей над усопшими, молитву, произнесенную героиней над тяжелораненой дочерью. Этот жанр включает в себя обращение к Богу, моление за страждущего ребенка, просьбы и заклинания: «Анна. Я отниму твою боль, залечу твои раны, сделаю тебя здоровой, невредимой»²⁸. Молитва женщины к Божьей Матери закономерна в этом романе хантыйского прозаика: «И женщина обратилась к ней, позвала ее: «Божья Мама, приди, помоги мне добраться до человеческого жилья»²⁹.

У каждого этноса свои ритуальные традиции и обрядовые практики, в которых отражается мировоззрение народа. К погребальному обряду чаще всего обращается писатель в своем творчестве. Он занимает одно из центральных мест в романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах», отображается в рассказах «В полете в бездну», «В мире вечного покоя». Наиболее полно он описан в начале романа и в дальнейшем, по тексту, представлены его отдельные элементы. Из него можно вычленить информацию о вертикальной картине мира, о вере в то, что и в Нижнем мире люди продолжают жить, только уже «обратной жизнью»³⁰, и им необходимы все предметы, которыми они пользова-

²⁷ Айпин Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 68.

²⁸ Роговер Е. С., Нестерова С. Н. Творчество Еремея Айпина. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 123.

²⁹ Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: Па-крус, 2002. С. 250–251.

³⁰ Там же. С. 33.

лись при жизни в Среднем мире; о количестве душ, имеющих у женщин и мужчин, и многое другое.

Е. Д. Айпин в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» знакомит читателя с религиозными представлениями народа, обратившись к двоеверию, которое сложилось в народной среде после христианизации ханты. При рассмотрении религиозных мотивов в романе выявляется тесное переплетение языческих представлений и верований народа ханты с православными христианскими традициями. Христианские мотивы реализуются в романе через икону Божьей Матери и образ Богородицы, связаны с образом Белого офицера, языческие мотивы – в обычаях, обрядах, в культах, описываемых в романе, в мифологической картине мира народа ханты.

В романе появляются три православных образа, знакомых любому человеку: образ Богородицы, образ Христа, образ Иуды. Черты Ирода – библейского кровавого царя, заложены автором романа в Чухновского и его окружение, обобщенно палачом выступает в произведении «Красное время». Образ Богородицы – один из ключевых в романе. Он представлен иконописным ликом Святой Девы, и ее голосом, видением. Именно иконописному образу Богородицы уподобляет Айпин свою героиню. Не зря образы двух матерей – небесной и земной – путает Чухновский, сходство отмечает и Белый.

Главный православный образ – Иисуса Христа – своеобразно воплотился в романе в русском офицере. Однажды упомянув его имя (Петр Николаевич), Е. Д. Айпин на протяжении всего произведения именует героя Белым. Выбор цвета не случаен в имени героя. Это указывает и на избранность героя. Белый не только белогвардейский офицер, это человек со светлой душой, мыслями. Черты мученичества усиливают религиозное восприятие образа. Благая цель героя – молитва о спасении души всех живущих в России – своеобразный крест героя, который он несет с достоинством до последнего часа жизни. В романе прослеживается путь духовных исканий героя: от потомственного военного до страдальца, богомольца, принявшего на себя все

грехи людей и стремящегося отомстить их: «Буду молиться за упокой души государя и его детей, за души всех безвинно убиенных, буду отмаливать свои и чужие грехи»³¹. Для общения Белого с Богом важны христианские атрибуты: церковь, иконы, не случайно он строит в тайге «Русский Божий дом», рисует иконы.

Белому противопоставлены в произведении «красные» – «приспешники сатаны».³² Чтобы усилить это сравнение, автор наделяет предавшего свой народ каюра именем Иуда, и награду он получает столь же ничтожную, что и библейский прототип: «А этому остяку что пообещали власти за предательство? Каждый вечер по кружке спирта? За каждую отнятую жизнь глоток водки?»³³. Так в романе появляется еще один образ из библейской истории.

Символом православной веры выступают в романе и религиозные сооружения: храм в Европе, Божий дом-часовня на Севере. Все храмовые сооружения так или иначе связаны с Белым. Образ сада, в котором завершается земной путь Белого, имеет символическое значение. В художественной литературе и в подсознании христиан он по-прежнему остается символом рая, куда и попала душа героя: «И его белый конь взвился к небесам...»³⁴.

Языческие верования раскрываются в романе через особое миропонимание народа ханты, реализуемое в почитании духов огня, Земли, небесных светил (культ которых присутствует в произведении), в космогонических представлениях, в этнографических описаниях, в обрядах, в обычаях остяков.

Стремление к этнической достоверности стало одной из отличительных черт художественных текстов хантских писателей. Этнографический материал гармонично вписывается в идейное содержание произведений, накладывается на образы героев и отражается в их языке. И это одна из отличительных черт стиля Е. Д. Айпина.

³¹ Айпин Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. Екатеринбург: Парус, 2002. С. 159.

³² Там же. С. 106.

³³ Там же. С. 16.

³⁴ Там же. С. 238.

Еще одной чертой идиостилия писателя стало сочетание разных стиливых компонентов, наличие нескольких параллельных планов повествования. Его первый роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» не только подтвердил авторскую стиливую манеру (сочетание разностилевых элементов в пределах одного текста, параллель между притчевым повествованием о Вверх ушедшем человеке и художественным миром героев рода Медведя и Лося), но и закрепил авторские искания в области сюжета и композиции (вставные сюжеты и эпизоды, особую роль эпиграфов и проч.). Второй роман «Божья Мать в кровавых снегах» и третий роман «В поисках первоземли» упрочили базовые элементы авторского стиля писателя.

Нельзя недооценивать и вклад автора в развитие хантской детской литературы. Его серия детских книг с фольклорными произведениями разных жанров – воплощение детской мечты. На встречах с читателями он неоднократно рассказывал, что когда был маленьким, ему хотелось иметь всегда при себе книжку с историями, рассказанными близкими людьми. Детская тема получила развитие и на страницах его повестей «Я слушаю Землю», «В тени старого кедра», «У гаснущего очага» и романа «Божья Мать в кровавых снегах». Созданный писателем образ ребенка нашел живой отклик у читателей. Занимательность повествования, предельная откровенность, легкость слога заставили юного читателя принять многие произведения Е. Д. Айпина в круг детского чтения.

В серию «Сказки моего детства» Е. Д. Айпин включил литературную обработку нескольких сказок сургутских ханты. Традиции сказочного жанра прочно вошли в прозу Айпина. В ряде его произведений встречаются сказочные герои, появляется сказочный фрагмент. В роман «Божья Мать в кровавых снегах» писатель ввел сказку про птицу Карс. Сюжет сказки подсказал героине способ спасения единственного оставшегося в живых ребенка – Мать Детей кормит ребенка собственной кровью. В повести «В ожидании первого снега» встречается

Еремей Айпин

В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА

сказочный герой Манкв-ики из сказки про страшного богатыря-людоеда. В произведении писатель уточняет, что Манкв-ики друг Бабы-Яги. В повесть «У гаснущего очага» в главу «Нани и Порнэ» писатель включил эпизод сказки, а через сказочных персонажей попытался обозначить двойственность мира – противостояние Добра и Зла.

У ханты существует особая традиция сказывания сказок. Вечерами, собравшись в одном доме, все слушают сказителя, который начинает повествование с загадки. Поэтому неудивительно, что и загадка гармонично вписалась в творчество Е. Д. Айпина. Писатель включил их в сборник «Посреди бора длинный хвост». В повести «В ожидании первого снега» так же есть загадки, например: «<...> две сестрицы через валежину оглядываются-оглядываются, но никак не могут друг дружку увидеть <...>»³⁵, «<...> посреди бора длинный хвост <...>»³⁶.

Можно еще много говорить о творчестве Е. Д. Айпина, обозначая вклад писателя в развитие хантыйской, финно-угорской, русской литературы; анализируя его произведения, осмысливая образы, прослеживая развитие тем и мотивов, рассматривать проблематику, стилевые, композиционные особенности, но правильнее следовать мудрости известного выражения: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Чтобы открыть для себя Е. Д. Айпина и мир его произведений, лучше читать их, и тогда вы тоже прикоснетесь к мудрости хантыйского народа, по-новому увидите Югру.

*Е. В. Косинцева,
доктор филологических наук*

³⁵ Айпин Е. Д. В ожидании первого снега. М.: Советская Россия, 1990. С. 146.

³⁶ Там же. С. 146.

МЕДВЕЖЬЕ ГОРЕ

Вот уже третий день мы преследуем медведя-шатуна. Зверь попался матерый. Не раз догоняли, но на выстрел не подпускал. Сколько сырых ночей придется коротать под открытым небом?! Сколько будет еще костров и привалов? Одна надежда на деда Ефрема – лучшего медвежатника нашего рода.

В сумерках, когда глаз теряет след на снегу, мы распрягаем усталых оленей и разводим жаркий костер. Наскоро ужинаем, кормим измученных хвостатых¹, сушим мокрую одежду и обувь, развешиваем у огня оленью упряжь и арканы. Потом, утомившись, второй раз завариваем крепкий ароматный чай. Осенний вечер длинный – его надо скоротать. И тут наши взоры обращаются на седобородого деда Ефрема.

– Ну, Старый Человек, что-нибудь нам расскажи... – просим мы, молодые охотники.

Дед молча набил табаком трубку, потемневшую от времени и дыма. Не спеша прикурил от красного

¹ Хвостатый – здесь: собака. Когда охотники-ханты говорят о медведе, то «собаку» не называют «собакой», чтобы не унижить достоинство хозяина леса.

уголька и выдохнул сизое облако дыма. Проследил зорким оком, как дым поднялся и растворился в темном небе.

Отблески костра резвятся на серебристой голове Деда, освещают суровое лицо, перечерченное глубокими морщинами.

Потрескивает огонь.

На сосновых поленьях посипывает смола.

Мы терпеливо ждем.

– Шатун – это не обычный лесной зверь, – начинает наконец дед Ефрем. – Это проклятый самим богом медведь. Оленя ест. Огня не боится. Человека может кончить, потому как бог не помнит его – вот он и грешит...

Дед помолчал, потом добавил:

– Ой-ёй, много-много беды может наделать. Поэтому, если взял его след, нужно идти до конца...

И боровые сосны словно придвинулись к нашему костру, притихли, перестали меж собой шептаться. Им тоже, видно, интересно, что поведает нам бывалый таежник.

– Шатуна надо отличать от хорошего медведя, – проговорил Дед, не обращая на нас внимания. – Медведь, как и человек, бывает разный...

Помолчал он как бы в раздумье, посопел трубкой, потом неторопливо начал свой рассказ:

– То было в пору моей молодости. В одиночку промышлял зверя и птицу, всякое со мной случалось. Тайга-то она какая? – гораздо на разные неожиданно. Много слышал и пережил на своем веку, но такое только один раз видел...

Мы теснее придвинулись к Деду и затаили дыхание. Лайки-медвежатницы за костром, услышав голос старого охотника, наострили уши и, казалось, следили за каждым его движением. Олени, что копытили неглубокий снег возле нарт, теперь мирно жевали жвачку

и прислушивались к легкому дыханию тоже притихшего соснового леса и говору почтенного человека.

Жили мы тогда на болоте, на берегу озера Большой Вирсани, вспоминал Дед. За табаком да за чаем ходили на Аган-реку по Бору Зимних Домов. Кто бывал там – видел тропу. Видел и песчаные поляны на окраине бора. Летом такие пески очень любят дикие олени. Они так накаляются, что мошкара и комары не выдерживают зноя – крылышки сохнут. Вот олени и спасаются там от гнуса. В жаркий летний день я возвращался домой. Подхожу к пескам, гляжу – медведица! Да не одна, а с маленькими деточками. За корягой притаилась. Смотрю, что же дальше будет. Мать цап за шкуру медвежат, трясет и шипит, словно что-то внушает несмышленьшам. Затем оставила их, а сама крадется к поляне, где олени лежат. Медвежата присели, чернеют, как обгорелые пеньки. Только звездочки² сверкают черными ягодками. Забавные такие! Видно, не поймут, почему мать не берет их с собой. Поерзали немного и не выдержали – когда мать скрылась в кустах, пошли следом. Но тут под лапкой медвежонка треснул сучок. Мать в тот же миг вернулась. Грозно оскалилась, но не зарычала – побоялась спугнуть оленей. Оглянулась вокруг, увидела валежник. Подняла одной лапой конец замшелого дерева и сунула под него своих детей. Пусть, мол, побарахтаются, пока на охоту схожу. Сама – снова к поляне. Я привстал, вижу: медведица вскинулась на задние лапы и навалилась на оленя. Поймала добычу.

Стадо как ветром сдуло.

Разбежались олени.

На поляне осталась лишь медведица со своей добычей.

Ну, думаю, пора уходить. Я тут лишний.

² Звезды – здесь: глаза (о медведе).

Медведица немного постояла над убитым оленем, будто размышляла, прикидывала. То ли добычу тащить к детям, то ли детей привести к добыче. Как лучше сделать? Постояла еще немного и вернулась к деткам. Но что такое?! Медведица подняла валежину – а детки-то не шевелятся. С небольшим шумком, похожим и на бормотание, и на мольбу, она давай их тормошить и обнюхивать. Движения все быстрее, шум – все громче. Она неприкаянно туда-сюда, влево-вправо, вперед-назад. Что-то неладное случилось. Детки все неподвижны, все безмолвны. И тут медведица-мать заревела на весь лес:

– Бу-ху-ху-ууу!

Какой это был рев!

Деревья, показалось мне, и то заплакали.

А у меня аж сердце упало. И ноги пропали, будто убежали куда. Словно окаменел я, шелохнуться не могу. Только глаза мои все видят да ум все это укладывает в память.

А медведица-мать вихрем крутанулась по лесу туда-сюда и бросилась на дерево. Как полоумная, ломая сучья, полезла на большую сосну.

Что затеяла?!

Может, думаю, рехнулась с горя. Детки, ведь, как-никак. Ничего я не успел сообразить: с ревом она грохнулась с этой сосны. С самой макушки. Упала около мертвых медвежат. Моему разуму и телу совсем плохо стало. Я бросился к ней. Она застонала, вернее, зарыдала, как человек-мать, а потом звезды ее стали медленно гаснуть в страшной тоске. Вскоре она была уже мертва. Видно, сломала себе хребет...

Замолк дед Ефрем, наклонил седую голову. Мгновение сидел неподвижно, потом пососал потухшую трубку. Молча взял головешку, молча прикурнул. Затем отыскал на небе Большую Медведицу, прикинул время.

Пламя притухающего костра делало его еще более мудрым и таинственным.

Молчали люди.

Молчали сосны.

Молчали звезды на небе.

Молчал наш костер, догорал наш костер. Мы не гадавались подкинуть в огонь смолистого сушняка. А дед Ефрем был занят: набивал табаком свою древнюю трубку.

1972

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Когда тупой палец капитана лег на спусковой крючок и черные дула медленно поплыли вверх, Костя Казамкин вспомнил, как всходило солнце вчера утром. Он проснулся до зари и вышел на палубу. Серые домишки лесоучастка еще ползали в белесовой дымке утреннего тумана. Заречный лес замер в напряженной чуткой тишине. Тяжелая вода бесшумно лизала голубой борт катера.

Костя, прищутив зоркий охотничий глаз, наблюдал, как в тихой курье за рекой ондатра косила траву. Она плыла вдоль берега с пучком пырея, и волны двумя крылами расходились от нее. Иногда она останавливалась, заплывала в травы и пополняла свой пучок. Отсюда она виднелась темной точкой, но Костя не сомневался, что это ондатра: только она в такую рань выходит на кормежку. Подивился: сколько лесов вырубил на этой некогда щедрой реке Аган, сколько воды ее перемутили катера, сколько ее леса прочесывали лесорубы с ружьем, а зверь-птица еще не перевелась вся. Река яростно борется за свою жизнь.

Задумался Костя и забыл о времени.

И вдруг осеннее бледное небо вспыхнуло розовым пламенем, и округа вздрогнула от далекой журавлиной песни.

Взошло солнце.

Во сне ему привиделся точно такой же рассвет – неожиданный и стремительный. Только солнце упало тогда на оленью упряжку и старое зимовье в сосновом бору. Это было всего год с небольшим назад в прибрежье Агана...

Костя еще потоптался на палубе, не замечая пронизывающей свежести осеннего утра, и, наконец, нехотя взялся за холодную скобу дверцы. Войдя в кубрик, он почувствовал, что капитан уже проснулся. Его неподвижное лицо повернуто к потолку. Оно ничего не выражало – ни радости и печали, ни покоя и тревоги. Неподвижные серые глазки стеклянно уставились на желтые разводья на краске, словно неподвижными были и мысли в его голове, что не могли поколебать маску лица. Костя давно заприметил, что никто не задерживал взгляд на лице капитана: высокие старались смотреть вверх его головы, низкие же упирались глазами в его грудь. Костя же, поскольку был одного роста с капитаном, научился, не отводя глаз, не видеть его лица. А был капитан вовсе не уродом, а наоборот, был недурен собой. Но когда долго смотришь на его лицо, на душе становится тоскливо – человека охватывает необъяснимое беспокойство.

Капитан хрустнул суставами, скинул одеяло и хрипловатым со сна голосом пропел:

– Послед-ний рай-йсс!..

Костя ничего не сказал.

– Слышь, Костатин – последний райсс!..

– Слышу, – буркнул Костя.

– Люблю последние райсы, обожаю!

Костя все молчал.

– Тут каждый мысок, каждый заливчик накрепко запомнит капитана Буркина! Так-то, мой друг! – напевал капитан.

Он торопливо натянул на тощее тело тельняшку, сунул под мичманку прядь жидких бесцветных волос и шагнул к иллюминатору. Сонные глазки его ожили и теперь беспокойными мышатами метнулись на берег, где уже задымил печными трубами лесоучасток.

– Сбегаю в поселок и снимемся, Костатин! – низким голосом произнес Буркин, выходя из кубрика. – Готовь катер в последний райс!

Редко оживают его глаза – значит, что-то задумал, соображал Костя. И дался ему последний рейс – чем он лучше остальных?! Поскорей бы уж кончалась навигация!

Ему не терпелось взять отпуск, чтобы встретить первый снег в тайге на охоте. Плавал на катере первое лето. После школы одну зиму охотился с отцом, а потом поступил на курсы мотористов. Ох как тянуло тогда на сильные и быстроходные катера, что сновали по таежным рекам. Снился ему белый катер-красавец с мелодично поющим двигателем. Но у каждого времени свой сон – река быстро наскутила однообразием: плоты и баржи вниз и вверх по течению. Все рейсы одинаково скучные и нужные – разве с тайгой сравнишь?! Там ведь охотник редко когда пройдет дважды по одной и той же тропе. И в это утро, на рассвете, когда увидел ондатру в курье, понял, что тайга потянула его обратно на промысел зверей и птиц. Потянула, потянула решительно.

Стоя перед штурвалом в ожидании капитана, он задумчиво водил пальцем по запотевшему стеклу рубки. Под его рукой рождались резвые олени, пастушьи чумы, сосенки и легкие нарты охотника. Но линии тотчас же запотевали, и все растворялось в белесом

тумане, словно уносило в прозрачное осеннее небо. Он не знал, сколько оленьих упряжек умчалось ввысь – рука ходила сама собой. Тут его вывел из задумчивости грохот капитанских сапог по железной палубе. Буркин с длинным свертком под мышкой протиснулся в рубку, поставил его в угол и взялся за штурвал. Забурлила вода за кормой, катер круто развернулся и помчался вниз по течению. На буксире болтался пустой понтон из-под горячего.

Когда поселок скрылся за поворотом, капитан уступил штурвал Косте и развернул сверток.

– Во какую пушку заграбастал! – воскликнул он.

Костя никак не отреагировал.

– Стакнулся с продавщицей, в городе хрен купишь без бумажки!

Костя опять смолчал.

– Так-то, учись жить, Костатин, пока Буркин не попытается!

Костя неопределенно хмыкнул только.

– Шестнадцатый калибр, хромированные стволы – настоящая пушка! – продолжал бахваляться Буркин.

– Зачем тебе пушка-то? – спросил наконец Костя.

Он был удивлен тем, что за все месяцы совместной работы он ни разу не видел ружья в руках капитана. Кажалось, тот никогда всерьез не интересовался охотой. И вот на тебе – сразу «пушку» купил.

– Ха-ха, знаешь, какой я стрелок! – хохотнул Буркин. – Таких еще надо поискать!

– Да?

– Да, мой друг! На любого зверя аль птицу больше одного патрона не трачу!

– Хм-м...

– Хоть мишку косолапого – одним выстрелом уложу! Потому как всякое зверье предо мной страх чувствует. Возьми того же мишку – силен, а боится меня!

– Да не боится он, – вступился Костя за медведя.

– Ха-ха, не боится?!

– У него нрав нелюдимый, не любит зазря встречаться с человеком...

– Во-во, через страх и не любит человека! – упрявился Буркин.

– Не-е, это не так...

– Вот ежели я бы с кулаками ходил по лесу, так он не стеснялся бы встречи со мной! – разглагольствовал Буркин.

– В лесу голова нужна, а не кулаки.

– Ладно тебе, тут такая пушка и последний райс – пожалте, мишка косолапов, на бережок.

– Жди, так он тебе и пожалует! – пробурчал Костя.

– Хрен с ним! – махнул рукой Буркин. – Без него не будем скучать, все-таки последний райс!

– Ума он еще не лишился...

– Ты все о мишке?

– Ну-у, о нем.

– Я, брат, еще ни разу не заканчивал навигацию без пушки. Бывало, и мишки косолаповы попадались. Ты меня еще не знаешь!..

А Костя и вправду совсем не знал своего капитана. Весной Буркин сам вызвался взять к себе новичка. Ни о чем не спрашивал, только поинтересовался, на самом ли деле Костя сын охотника. Получив утвердительный ответ, Буркин тогда удовлетворенно хмыкнул. Мол, сработаемся, землячок. И верно, Костя быстро освоился на катере. Помогла и природная сообразительность коренного жителя тайги, род которого многому научился на таежных тропах, многое постиг в борьбе за жизнь. А Буркин оказался вполне сносным капитаном-шефом – был в меру требовательным, к мелочам не придирался. В леспромхозе он был на хорошем счету. Этим летом директор хотел взять его на свой катер,

да Буркин почему-то отказался. Мол, от начальства подальше спокойнее жить. Водил дружбу с егерями и рыбинспекторами, которых он частенько на катере угощал разными напитками. Смотри, кто что предпочитал. Словом, самый обыкновенный капитан. Только вот к его бесстрастно неподвижному лицу Костя никак не мог привыкнуть.

Двигатель работал ровно и монотонно. Шум его гулким эхом отзывался в настороженном осеннем лесу. Катер уверенно бежал по реке. Костя безошибочно угадывал русло, избегал отмелей и подводных коряг.

– Понимаешь, Костатин, я более двух десятков навигаций закрыл, – говорил Буркин, прочищая ружье от смазки. – Привычку имею к последним райсам. Вот прикинь, до города сколько можем плыть?

– Ну, как всегда.

– Э-э, нет. Вместо двух дней можем плыть четыре, а то и неделю.

– Как так?

– Ведь двигатель может отказать.

– Может, конечно.

– Все лето не можем без единой поломки плавать...

– Все бывает, – согласился Костя.

– Во-во, а в низовье я такие места знаю, что тебе, сыну охотника, и не снились!

– Какие такие места?

– Где что водится – увидишь, зенки на лоб полезут!

Эх, да ты неспроста пушку-то купил, подумал Костя. И сети, выходит, не зря припас для последнего рейса. Напоследок похозяйничать решил в низовье. И он впервые почувствовал острую неприязнь, почти ненависть к своему капитану и неосознанно отодвинулся от него. Он невольно насторожился и боковым зрением следил теперь за Буркиным, словно тот собирался напасть на него с новой «пушкой».

– Вообще-то, Костатин, хочурвануть на нефть али газ.
– Кем, куда? – спросил Костя, чтобы не так тягостно было от молчания.

– Дизелистом, к примеру, на буровую.

– Что, тут плохо?

– Знаешь, лес уже не в цене. Лес это что утлая лодчонка в луже, а нефть – это сила! Почему все на нефть перекинулись? Нефть это как крейсер, который любой океан переплывет!

«Сам-то всю жизнь по луже плавал и ничего!» – подумал Костя.

– Все сейчас плывет нефтяникам, все для них!

«Каждому свое: кому лодчонка утлая, кому крейсер!» – подумал Костя.

– Опять же бабки им отваливают не считая!..

«Это главное для тебя, капитан!»

– Хошь, и тебя возьму на буровую, Костатин?

– Зачем?

– Станешь там моим помощником. Дизелисту это положено.

– Что нам делать на одной буровой... вдвоем?!

– Как что?! – не понял Буркин. – Станем вкалывать. Держись за капитана, не пропадешь!

– Верно, с тобой хоть не утонешь, – ехидно заметил Костя.

Капитан был занят ружьем и не обратил внимание на интонацию своего напарника.

– Знаешь, почему я взял тебя на катер? – спросил Буркин.

– Нет, не знаю.

– У тебя совесть добрая, как у хорошо отлаженного двигателя.

– Как это... добрая совесть?! – удивился Костя.

– Зазря не обидешь человека, не умеешь пакости делать...

– А если ты ошибся, капитан?

Буркин оторвался от ружья и медленно повернул свое неподвижное немое лицо в сторону собеседника. Его холодные колючие глазки впились в Костин подбородок. И тому рулевая рубка показалась вдруг тесной и неудобной. Капитан молча смотрел на Костю, словно хотел убедиться, что это не кто иной, а его подчиненный, с которым плавал все лето. Наконец на его лице появилось что-то похожее на улыбку и приглушенно ласковым голосом выдохнул:

– Я, друг мой Костик... не ошибаюсь!

Я понял тебя, подумал Костя. Я должен показать, что ты не ошибся. Но ведь я не двигатель, не машина. Это вот катер куда повернешь, туда и пойдет.

Между тем Буркин закончил чистку своей пушки, пристегнул к ней ремень и, лихо сдвинув на затылок мичманку, прищуренным глазом глянул в стволы. Затем закинул ружье за плечо, крутанулся по рубке, хлопнул себя по животу и не выдержал:

– Ну как, похож на охотника?!

– Как наемник! – засмеялся Костя.

– Где ты наемника видел?

– В газетах такие снимки – хоть сейчас в Африку давай! Только пулемета не хватает на плече да усов! – сказал Костя и спохватился, что шутка-то получилась неуместная для капитана.

Но Буркин уже наполнялся какой-то неуемной радостью и словам Кости особого значения не придал, только пробурчал:

– Придумал тоже – наемник! Кто я, грабитель, что ль, насильник какой?!

– Просто обликом, с пушкой-то шибко грозный!..

– Держись, миша косолапый!

– А так вроде бы ничего, самый мирный капитан...

– То-то, мирный, а наемники мне и во сне не снятся.

«Да чтоб сегодня же приснились!» – мысленно пожелал ему Костя.

Буркин загнал в стволы два патрона с жаканом и дробью и вышел на палубу. Ружье он держал перед собой наготове. Замасленный короткий палец лежал между курками: на который нажать раньше – на левый или правый? Но, как назло, река будто вымерла – ни чирка, ни халея, ни пташки глупой.

Глаза капитана скользнули по прибрежному лесу – и березки зябко съежились и поникли.

Он долго стоял на палубе, оглядывая серое небо и молчаливый лес, бегущий навстречу катеру. Наконец опустил ружье, дыханием погрел красные от холода руки, перевернул на борту спасательный круг с номером катера и ввалился в рубку.

– Первый выстрел должен быть удачным! – сказал он.

– От тебя все зависит, – проговорил Костя, чтобы не молчать.

– Иди, приготовь что-нибудь, пора пожрать.

– Думал, свежим мясом накормишь.

– Все будет, дай срок.

Сначала капитан сам отнес ружье в кубрик, лишь после этого встал за штурвал. После обеда Костя не выдержал, снял со стенки капитанскую двустволку, внимательно осмотрел ее. С охотничьим пристрастием. Даже патроны вытащил и заглянул в стволы. Ружье ему понравилось. С такой пушкой он еще не ходил по звериному следу. Повесил двустволку на место и прилег на койку. Потом встал, взялся за кусок лосиного рога, из которого вырезал разные украшения и застежки для оленьей упряжи. Но все валилось из рук, и он отложил рог. Полистал книжку – и читать не хотелось. Беспокойство, что вселилось в него после того, как Буркин вытащил ружье, с каждым часом все усиливалось.

Словно в его душе вот-вот должна лопнуть важная и очень нужная струна, без которой жизнь станет бессмысленной и глупой. Да тут еще встала перед глазами Малая Излучина, что выше лесоучастка по течению. В прошлую осень, в это же время, когда только начался гон, там он наткнулся случайно на два оленьих трупа – срезаны только головы и ляжки. Искать виновников было бессмысленно: по реке сновало столько моторок и катеров, что ищи не ищи – все впустую. А олени хоры-самцы, видно, приглянулись кому-то своими ветвистыми рогами. Мало ли у кого был в ту осеннюю пору последний рейс по Агану. Может быть, Буркин там проплывал?! Может, как раз пристреливал новое ружье?! Кто знает, на воде следов не остается. В этой глухомани ни егерей, ни рыбинспекторов – никого. На Обь выедешь – там другое дело, быстро приберут к рукам. Катерники это хорошо знают, стрелянные все, на своей шкуре испытали.

Маялся Костя, не находил себе места. Терзало предчувствие неминуемой беды. Рано или поздно столкнется лоб в лоб с капитаном. И от того, как он поступит, во многом будет зависеть его дальнейшая жизнь. И не только его жизнь, иногда ему казалось, что от этого будет зависеть жизнь и реки, и тайги, и всего его маленького народа ханты. А что он сделает в решающую минуту – он еще не знал. И это еще более тяготило и томило его душу.

Но в этот день ничего не случилось.

Капитан раньше обычного поставил катер на прикол и объявил о ночлеге. Потом он немного побродил по берегу с ружьем. Вернувшись на катер, включил клотик и завалился спать. А Костя, промаявшись всю ночь, заснул под самое утро. И привиделось ему, что по первой пороше он распутывает след лисицы. И когда стал достигать ее, услышал крик

«лось!» Какой же это лось, подумал он. Ведь я бегу за лисой. Но крик повторился, и он окончательно проснулся. В иллюминаторах стоял день, стучал двигатель, за бортом бурлила вода. Он вскочил и высунулся из кубрика.

– Лось! – прошипел Буркин. – Ружье! Ружье давай! Изрядно помешкав, Костя подал двустволку.

– Становись за руль! – командовал Буркин. – Жми на всю катушку! Давай!

Из рубки хорошо был виден сохатый, переплывавший реку. Из воды торчали часть головы с крепкими бронзовыми рогами и темная полоска спины. Костя понял, что лося ввели в заблуждение крутой поворот реки и шум катера. Он услышал стук двигателя сзади и поэтому рванулся через реку. Но за это время катер обогнул мысок и выскочил на него. Костя прикинул расстояние – далековато, лось не подпустит на выстрел. Это же, видимо, сообразил и Буркин: выхватил старый топор и с остервенением ударил по толстому буксирному канату. Топор был тупой, и капитан безостановочно молотил по веревочному канату, приговаривая:

– Рраз – раз! Рраз – раз!..

По легкому толчку Костя понял, что катер освободился от понтона: Буркин перерубил-таки буксирный трос, скорость увеличилась.

– Нажимай, не успеем! – кричал Буркин.

Бросив топор, он помчался на носовую часть катера и уже оттуда командовал:

– Жми! Жми прямо на него!..

И сокрушенно вздыхал:

– Неужели уйдет, а?!

Сохатый уже подплыл к спасительному берегу, но не мог выбраться на сушу – было слишком круто. Он повернул вдоль яра, выискивая пологое место.

А катер, ревя, разрывая реку посередине, подбирался все ближе и ближе.

– Теперь не уйдет! – воскликнул Буркин. – Будет мой!

– Пока еще не твой, – сказал Костя.

– Не бойсь, буркинская рука не подведет!

Сохатый наполовину выбрался на сушу. И катер разъяренным зверем несся прямо на него.

И когда тупой палец капитана лег на спусковой крючок и черные точки дула медленно поплыли вверх, Костя Казамкин прокрутил в мыслях прошедшие сутки – со вчерашнего раннего утра до сего мига. Прокрутил и подивился тому, что проплавал все лето с капитаном, а так и не узнал его, не понял, не мог предположить, чем тот дышит.

Тут ружейный гром рванул осенний лес.

Сохатый удивленно глянул на катер и, отряхнувшись от воды, устремился к лесу и вскоре скрылся за деревьями.

Буркин, обескураженный, переводил взгляд то на берег, где скрылся лось, то на ружье.

– Во паразит, еще оглядывается! – наконец выругался он, придя в себя. – Погоди, еще попадешься мне!

– Бывает, – сказал Костя, убавляя обороты двигателя.

– Первый-то неудачный выстрел, – бормотал Буркин, вытаскивая гильзу. – Будто из кочерги выстрелил!

– В тайге всякое бывает, – односложно повторил Костя.

– Еще раз подведет пушка – утоплю ее, не пожалею! – бубнил капитан. – Сколько мяса упустил – не меньше пятисот кило!..

– Ружье ни при чем, – сказал Костя.

Буркин протер запотевшее красное лицо, поставил ружье в угол рубки и устало опустил на табуретку.

Некоторое время плыли молча. Костя крутил штурвал. А капитан, прикрыв глаза, будто задремал. Потом он пошевелился, поерзал на сиденье и вяло проговорил, будто самого себя спрашивал:

– И куда эта чертова пуля улетела?..

– Пуля? – переспросил Костя.

– Хотел бы я знать... – закончил свою мысль капитан.

Костя помолчал, потом сказал неторопливо:

– А пуля – вот она! – и он разжал кулак перед носом капитана.

Буркин остолбенел, будто гром его поразил. Только бесцветные глазки заматались: пуля – Костя, Костя – пуля. Он сидел неподвижно, лишь глазки носились туда-сюда, туда-сюда. Потом рука его рванулась за пулей, но Костя машинально сжал кулак.

– Дай, пар-разит! – тонко пискнул Буркин.

– Не дам! – крикнул Костя.

– Отдай, сукин сын!

– Не дам!

– Сам возьми!..

– На, попробуй!

И они сцепились, стукнулись об одну стенку, о другую.

Ружье грохнулось на пол. Бинобль сорвался с крючка. Кружки загремели со столика. Захрустело битое стекло.

Неуправляемый катер запетлял словно пьяный.

А команда в рубке перекатывалась от одной стенки к другой. Шла борьба за пулю, словно от нее зависело теперь все на этом свете.

Лишь когда по рубке дробно и гулко, как выстрелы, застучали береговые ветки и кусты, Буркин выпустил Костину руку и бросился к штурвалу, вывел катер на середину реки.

Костя отряхнул телогрейку, поднял с пола ружье. И, выходя из рубки, глухо сказал:

– Нету твоей правды!..

Но лицо капитана уже обрело былую неподвижность, будто ничего не произошло.

На палубе было свежо.

В просвет между облаков прорвались грустные лучи осеннего солнца, и стало вокруг заметно светлее. Сквозь шум двигателя Костя уловил птичий щебет. Значит, жизнь в лесу еще не замерла вконец, не остановилась. И бледное небо разрезал косой клин запоздалых журавлей. Их прощальную песню Костино ухо не уловило, видно, глушит ее двигатель катера. Но все равно он улыбнулся им вслед, будто пожелал счастливого пути.

Тайга готовится к зиме.

Вот и сохатый, что скрылся в этом лесу, торопится сейчас по своим спешным делам. А поглядел на Костю так, словно хотел что-то сказать на лосином языке. Может быть, поблагодарил. И, возможно, теперь в своем стаде рассказывает притихшей лосихе о том, как спас его сын охотника, плавающий на шумно чихающей огненной лодке.

Мысли его устремились в тайгу, куда еще не добрались пока ни буркины, ни катера и баржи, ни поселки временщиков – лесорубов и нефтяников. Пока все не уничтожили, не загадили, иди, протаптывай охотничьи тропы и дороги, распутывай звериные следы, до одурения вдыхай чудный запах свежих снегов и зеленой хвои. Иди, спеши...

Он взглянул в ту сторону, куда ушел сохатый, и разжал пальцы правой руки. С его ладони скатилась свинцовая лосиная погибель, которая булькнула за бортом и мгновенно скрылась под водой.

1972

ВОЛКИ

Бежал Охотник...

Убегал.

Деревья бешеным стадом неслись навстречу. И, подняв снежный вихрь и слившись в сплошную стену, уносились назад. Охотник кубарем скатился с обрыва и, поднявшись, бросился вперед.

Пот – в глазах. Усталость бьет сознание.

Еще шаг – и он упадет. Но волчий вой и предсмертный визг собаки ударили его лучше всякого хорей³ – и он снова рванулся, не разбирая тропы. Когда стая начинала наступать, он судорожно срывал с пояса беличьи тушки и швырял на снег. Волки мигом пожирали их и опять пускались в погоню. И, наконец, разорвали Лайку. Молодому Охотнику подумалось, что она сама набросилась на вожака стаи, чтобы спасти хозяина. Пугнуть зверей нечем – кончились патроны. И толку мало от малокалиберной винтовки. Выстрел – щелчок, выстрел – щелчок. То ли дело настоящее ружье! Бабахнешь – так хоть гром стоит в лесу! А потом и вовсе не заметил, как винтовку потерял. Огонь

³ Хорей – шест, которым подгоняют оленью упряжку.

не разведешь – спичек с собой не брал, поскольку не курил. Молодой, ум еще не подрос, сказал бы на это Дед.

До зимовья осталось совсем немного, когда он увидел впереди зеленые огоньки. Затем они появились справа. Послышался звук кльков слева. Идти некуда. Окружили, понял Охотник. Белок сожрали, собаку сожрали, а теперь хотите...

– Пос-смотрим, пос-смотрим!.. – пробормотал Охотник.

И он рванулся вверх по сучкастому стволу кедра.

Ветви в кровь царапают лицо и руки, но он, борючаясь, упорно ползет по стволу. Опомился на самой верхушке. Тут только перевел дух, смахнул пот с лица и увидел над собой жаркие звезды таежного неба, а внизу – их холодное отражение. Волки метались-клубились вокруг старого кедра. Вплотную к дереву не подходили. Видно, все же побаивались человека. Охотник беззвучно пошевелил губами: один, два, три... Получилось, вроде бы, семь. Он тотчас вспомнил рассказы стариков о том, что стая из семи ни пред чем не останавливается. Не боится человека с луком. Не боится огня. Говорили, что такая стая может войти в дом с горящим очагом. Это самое яростное и остервенелое сборище, которому все нипочем. Три-пять, рассказывают, – не так страшно. В старину, во всяком случае, так считалось.

Может, это выдумка стариков, подумал Охотник, успокаивая себя. Может, раньше так было... И какой черт занес их в тайгу?! Ведь живут они на севере, ближе к лесотундре, а здесь совсем не попадались. Почти никогда. Только давным-давно, в глубокую старину, по рассказам стариков, они изредка забредали в эти края. С тех времен и остались о них разные были-небылицы. Все дело в том, как они прокормятся зимой? Кого добудут в глубоких и рыхлых снегах? Осенней

зимой, по мелкоснежью, порыскают по тайге, а потом куда? И какой черт... А черт ли? По слухам, там, на севере, затеяли какую-то большую стройку. Может, как раз их землю, где они жили и охотились, отняли? Вот они и пустились по белому свету. Пустились не по своей воле...

Ночью наплыли облака, и погасли звезды.

Охотник, чтобы не свалиться во сне, пристегнулся ремнем к дереву и, обессиленный, обняв ствол кедра, будто бы задремал. Теплилась в нем надежда, что к утру волки уйдут. И привиделось ему, что сидит на деревьях вся его родная деревушка Еган. Волки всех загнали на деревья. На дремучем лишайчатом суку примостилась мать с вечным шитьем в руках. Возле нее младшие сестры грустно ловят прозрачные хлопья снега. Под деревом волки остервенело рвут их игрушки и буквари. Теперь малышам нечем играть, нечего читать, нечему учиться. Неподалеку от них, на другой сосне, устроился отец. Сидит он, перебирает шишки, поглядывает на восток. Видно, восхода солнца ждет старый охотник. Печальный и невозмутимый – похоже, ничего уже не удивляет его...

Волки всех разогнали по деревьям.

На верхушке тонкой березки покачивается плотный и тучный Иван Михайлович, управляющий Еганским охотхозяйством. Видно, березке невмоготу стало – все ниже и ниже наклоняется она.

«Первым, первым меня волки сожрут!» – кричит Иван Михайлович.

«Нет, ты – не первым будешь!» – сказал Охотник.

«Это почему?»

«Утром не поешь – березке легче станет».

«И то верно – завтракать-то нечем!»

«Не пообедаешь – тоже легче...»

«Верно...»

«И ужина, поди, не будет...»

«Так сколько не емши-то сидеть станем?..»

«Это уж кто кого пересидит – то ли они нас, то ли мы их...»

«А есть-то хочется!»

«Всем хочется...»

«У-у, проклятые! – рычит вниз Иван Михайлович. – И швырнуть им, чтоб убрались, нечего!»

«Им тоже есть хочется...»

«Будь дома, я б им что-нибудь швырнул, – принялся рассуждать Иван Михайлович. – Баба у меня запасливая, нашла бы какое кусичище. Мясо или рыбу... Может, и шкурку нашла бы. Все отдадим – только б убрались к черту, проклятущие!..»

Сидит управ на березке, покачивается.

В следующий раз, когда Охотник глянул на него, будто и впрямь березка чуть разогнулась, а Иван Михайлович словно бы легче стал, даже вроде бы повеселел. Знать, на пользу ему идет сидение на дереве.

Волки всех загнали на деревья.

Вот и Дед корчится на дереве. Трухлявая сухостоина досталась ему. И трубку запалить нельзя. Ствол смолистый, лишайчатый – вспыхнет ненароком, не жди добра. Пушистые хлопья снега белят его седые волосы. Казалось, голова его стала еще белее. Крепко досадили ему волки на старости лет. Сидит старый Дед, что-то недовольно бормочет. Возможно, ворчит о том, что вот на старости лет даже спокойно умереть не дадут. Вот времена-то пошли...

По соседству с ним учительница Еганской школы Александра Петровна. Тоненькая, почти прозрачная и совсем беспомощная. Ее белые локоны разметались по ветвям. А в ее огромных голубых очах мечутся незванные волки. Раньше читала о них только в книгах. Теперь же пришло время поближе узнать их. Охотник

хотел окликнуть ее, приободрить, но тут на своем дереве увидел невесту Анастасию. Она почему-то в серой волчьей шубе, показывает на звезды и целует Охотника. Ее волосы щекочут нос. А поцелуй отчего-то не томительно-сладкий, а смолисто-терпкий и холодный. Аж дрожь пробирает все тело. Он попытался оторваться от нее, от едких скипидарных губ, но никак не может. Задыхаясь, силился крикнуть – и тут проснулся. Голова сползла со ствола. Губы прижаты к заиндевевшему суку, а в нос попал стебелек лишайника.

Ночь. Холод. Тьма.

Поерзал по стволу, похлопал себя руками, пытаясь согреться. Когда же утро придет? Только прикрыл глаза, снова пригрезились жители деревушки, сидящие на деревьях. Услышал свое имя:

«Микуль, Микуль, ты почему на дереве сидишь?!»

Повернулся на зов и увидел вдаль, над деревьями, своего школьного приятеля Митрия Казамкина. Тот после школы определился на электростанцию, а потом устроился работать на буровую. Буровая та ищет нефть на дальнем урмане. В прошлом году Охотник побывал там, осмотрел ее. Похожа она на дерево – есть корни, есть ствол и вершина. А на середине ствола просторное, закрытое со всех сторон, гнездо. Тут и дождь, и снег – все нипочем. Сиди, стой и работай спокойно. Вот там и стал работать Митрий, верховым теперь он зовется. Как ни встретит Охотника, все расхваливает свое дерево-буровую, сбивает с таежной тропы. Заманчиво Охотнику, интересно, да знает – без тайги тоскливо станет. Как жить? Чем дышать?.. Теперь вот, вдаль над лесом, в срединном гнезде буровой Митрий маячил. Маячил, помахивал рукой и кричал:

«Микуль, Микуль, ты почему на дереве сидишь?!»

«Волки загнали на дерево!..»

«Давай сюда! Давай ко мне!»

«На чем – верхом на волке, что ль?!»

«Не можешь?!»

«Нет, конечно...»

«Ну, тогда я к тебе двинусь!»

«На чем?»

«Погоди, сейчас дизель запущу!»

«Зачем?»

«На буровой подъеду к тебе!»

На буровой?! – ужаснулся Охотник. Он видел на дальнем урмане, как ходит буровая. Мазутно-грязным чудовищем-великаном, слепым и беспощадным, медленно и неуверенно, на ощупь, покачиваясь, вцепившись стальными когтями в судорожно рычащие трактора-жуки, ползет по тайге, оставляя за собой лишь перекореженную землю и вывернутые с корнями деревья. Ползет, слепо и глухо, все сминая на своем пути...

И, ужаснувшись будто бы, Охотник крикнул:

«Не надо!»

«Кто же тебя с дерева снимет?!»

«Не надо – пусть меня лучше волки съедят!»

«За ними дело не станет!»

«Нет-нет, пусть лучше волки!..»

«Ну, смотри – волки сожрут и глазом не моргнут!..»

И Митрий исчез. И тут же покачнулся черный ствол чудовища-великана – и он рыча пополз к Охотнику. В срединном гнезде появился некто волкоподобный и, оскалившись клыками, принялся управлять чудовищем. Рычание все нарастало. Оглянувшись, Охотник увидел, что со всех сторон, рыча и простуженно чихая, поползли черные и смрадные чудовища. И с каждого, оскалившись, выглядывали волкоподобные. Они все рычали и чадили черным чадом. И гул их все нарастал и нарастал. И от невыносимой тоски сжималось-сжималось-сжималось – сжалось и исчезло сердце Охотника. И он проснулся.

Гул давил на него сверху вниз.

Гудела вся тайга.

Гул давил на него со всех сторон. Давил сверху, с боков, снизу.

Он сначала ничего не мог понять, откуда идет гул. Лишь окончательно проснувшись, сообразил, что это самолет в темном небе. Звук его, отзываясь в каждом дереве, кустике, хвоинке, наполнил всю округу. И теперь, удаляясь, начал слабеть и наконец совсем стих. Снова на землю опустилась тишина.

Чудной сон приснился, подумал Охотник. И верно, что бывает наяву, то еще чуднее покажется во сне. Только вот непонятно, если судить здраво, по-таежному, с чего волки держат зло на учительницу Александру Петровну?! Она всю жизнь детей уму-разуму учила, букашку зазря не обидит. А против волков и вовсе никогда не выступала. Другое дело – охотники. Их испокон веков кормила и одевала тайга, не однажды на лесной тропе сталкивались с разными хищниками... Правда, женщины и дети тоже никакого дела не имеют к волкам. Разве они виноваты в том, что родились в охотничьей семье?! За что им должны мстить волки?! За что их на деревья загнали?!

Тьма еще густо висела на деревьях. Но чувствовалось, что она быстро растворяется. Становилось заметно светлее, как это бывает в тайге перед самым рассветом. Рассвета еще нет, но вот-вот он придет...

Охотник стал всматриваться в землю.

Волки какой-то незаметной жизнью жили в кустах возле дерева. То тут мелькнет тень, то – там. Охотник определил жоака. Это матерый волчище со включенной шерстью и поседевшей гривой, по цвету белесый до серо-стального. Крупный полярный волк. Поблизости от него все время держался молодой, у которого вместо правого уха – два огрызка, будто рогулька

для кострища. Сверху, в зыбком полумраке, они показались Охотнику не такими страшными, как вчера на земле. Бродят себе клочкастые грязные шкуры без костей.

На востоке занималась бледная заря.

Волки не собирались покинуть свою жертву.

Ты, кажется, Анастасия, последний раз целовала меня, подумал Охотник и грустно усмехнулся.

Не позавидуешь: волки терпеливо ждут. А Дед-напарник поехал за продуктами – когда вернется, неизвестно. Если волки не уйдут, Охотник окоченеет на дереве. Либо волки, либо птицы-вороны – одно не лучше другого.

Он открыл меховой подсумок на правом боку: кусочек кожи, ткань с иголками, бечевка, нить-насторожка для самострела, петли на зайцев. Спичек нет, но есть тяжелый нож с костяной рукояткой. Он приятно оттягивает пояс. Может, спуститься и с ножом наброситься на стаю, подумал Охотник. Ну, кончу одного... Кончу второго. Останется пять разъяренных и голодных. Силы не равные. Значит, не выход. Надо придумать что-то другое. Что делать?! Разве можно смириться с такой кончиной на пороге в жизнь?!

Мысли его были бессвязны и безрадостны.

Хилое осенне-зимнее солнце зацепилось за гребеночку леса. Лучи его не греют, а своей тусклостью нагоняют лишь тоску. Не грусть и печаль, а именно тоску. Охотнику подумалось: без тусклого солнца было бы легче.

Хотелось тепла.

Хотелось еды.

Хотелось горячего чая. Хоть глоточек.

Он начал собирать снежинки с веток. Но это еще больше обострило голод. И он понял, каково голодным

волкам, согнанным с родной тундры. И, как ни странно, в нем шелохнулось что-то похожее на сочувствие к ним, бесприютным и гонимым...

Как ни слабы были лучи солнца, но они пробились в него и будто бы чуть-чуть согрели продрогшее тело. И он закрыл глаза и задремал. Пришел в себя от того, что кто-то пристально смотрел на него. Тихонько открыл один глаз, потом второй. С соседнего дерева черными бусинками буравила его белочка.

– Тебя тоже волки загнали на дерево? – спросил Охотник.

Белочка сложила на груди лапки, закивала головкой с пушистыми кисточками ушей, зацокала. Ее цокот был очень похож на утвердительный ответ:

«Да-да...»

– Вернее, волкоподобные?

«Да-да-да...»

– Поди, не сладко тебе живется в таком лесу?..

«Да-а...»

Она еще что-то сказала на своем беличьем языке и перескочила на соседнее дерево, затем на другое. И поскакала по тайге. Лишь снежинки сыпались с ветвей и, искрясь на солнце и медленно кружась, оседали на землю.

Как же я раньше не догадался, озарило Охотника. Надо попробовать, как белочка делает.

Он долго сидел в раздумье, потом, решив, что терять нечего, раскачал вершину кедра и прыгнул на соседнее дерево. Хвоя прожгла лицо, звонко треснул сушоч, но он удержался на второй ветке. Полез по стволу вверх. Теперь нужно перебраться на березу, что всего в трех-четыре шагах. Ветвей на ней немного – можно сорваться на зубастую волчью пасть. Но делать-то нечего, другого выхода нет. Раскачал дерево и, когда вершина приблизилась к березе, скакнул на нее.

Судорожно вцепился в ствол, потом отдышался, выбрал толстый сук, поудобнее устроился на нем.

Перескакивая с лесины на лесину, он понадеялся пробраться к зимовью. По деревьям, не прикоснувшись к земле. Напрямую рукой подать. Но нужно петлять, искать гривы, где лес гуще, где легче перескочить с дерева на дерево.

Отдышавшись, он огляделся. Оказалось, поспешил: дальше некуда, нет вблизи дерева, на которое можно перебраться. Вот так дела, теперь в обратную сторону надо. К тому старому кедру, откуда начал путь по воздуху...

Он прижался щекой к стволу, и сами опустились отяжелевшие веки. Снова пригрезилась ему чудовища-великаны с волкоподобными в срединном гнезде. Теперь волкоподобные виделись ему отовсюду. Внизу, в кустах притаились не волки, а волкоподобные. Прикрывшись волчьими шкурами, они преследовали Охотника. Они ждут свою добычу. Они ждут свою долю.

Охотник открывал и закрывал глаза.

Он все острее и острее чувствовал, что хочет есть. Его тело раздирали три волкоподобных.

Голод.

Холод.

Жажда.

Потом к ним прибавился сон. Сон тяжело наваливался на него. Он терял ощущение времени и чудом удерживался на дереве. Все смешалось в его сознании. То ли он все делал наяву, то ли во сне.

Время шло своим чередом.

Свет сменялся тьмой, тьма – светом.

Холод то отступал, то снова наступал.

Стая волков ли, волкоподобных ли зорко стерегла его в кустах на земле. Земля – это стая, а стая беспощадна, а стая – безумна...

На постоянно угнездились в нем голод и жажда.

Ветви в кровь исцарапали его руки и лицо, но он не чувствовал боли. Только вперед, только к дому, к зимовью. Ему хотелось жить...

Он уже не мог усидеть или устоять на одном месте. По стволу он двигался то вверх, то вниз. Потом не заметил, как спустился на землю. В сумерках, на вечерней заре, спустился на землю и пошел на стаю. А ему привиделось...

Ему привиделось, как раскачавшись, на макушке тонкой березы опустился на крышу домика-зимовья. Как сорвал замшелую доску и пробрался в сени, а оттуда в избушку. Как сдернул со стены двустволку и распахнул тяжелую сосновую дверь.

Он шел на стаю.

А ему привиделось, как он поднял ружье, и как предночные сумерки рванули два огненных язычка, почти одновременно выскочивших из ружейных стволов. Как стая взвилась в воздух и растворилась в густо нахлынувшей тьме.

Охотник шел на стаю...

1973

В УРМАНЕ

* * *

Старику снился Ленинград. Низкое, отяжелевшее от свинца небо давило на крыши домов. До костей пронизывал ветер студеной Ладоги. В глазах багровые молнии. Неутихающий рокот орудий.

Старик открыл глаза, прислушался: где-то на востоке раздавались раскаты грома. Вскоре полил дождь – в реке заплясала вода. На выцветший полог упали крупные, тяжелые капли, пробившие разлапистый шатер могучих кедров. Тайга глухо застонала.

По шуму деревьев, по взбулькиванию воды в реке таежник определил, что дождь скоро кончится, надо вставать.

Он вскипятил чай и позавтракал. Затем сел в одноместный обласок и направил его в низовье речки. Течение подхватило верткое суденышко и понесло.

Ездил он за гусями. В середине лета они пасутся в пойме реки, куда приходят с окрестных озер и болот. Старик каждый год ездил за ними. И теперь на носу обласка сидели два гусенка. Он разговаривал с ними:

«Что у вас отнимают люди?.. Озера с травянистыми берегами... Глиняные отмели рек, где так много жирных вкусных червей... Запах мокрой травы... Но вы на меня, старика, не сердитесь. Что поделаешь – жить-то надо. Лесорубы добрые – они вас хорошо кормить будут. Скажу им, чтобы не обижали вас. Подрастете, выведете им гусят... Молодые вы, привыкните, в тепле вам жить... А я вот, видно, старею, старею. Не знаю, как бы и жил, не будь у меня обласка, ружья, лесов этих и троп...»

Тени от деревьев укоротились – полдень. Река помертвела. В тайге словно все вымерло – ни зверей, ни птиц. В тишине слышится лишь писк комаров.

Поперек реки лежала осина.

«Утром грозовой ветер свалил», – отметил старик.

У него с детства была привычка: все подмечать в лесу и находить объяснение любому явлению. Потому и помнит все коряги и водовороты по Вонтъегану – Урман-реке, или Урманной.

Проплыл он под лежащим деревом и пристал к берегу.

«В половодье тут затор речку переключает», – подумал он, вытаскивая топор.

Взмах, еще взмах – и по воде поплыли бело-желтые ароматные щепки.

Ствол неожиданно переломился, и один конец скатился с обрыва. Лезвие скользнуло по дереву – и вмиг горячая волна объяла ногу. Зажал рану левой рукой, а правой развязал тесемки на кожаных ныриках и рубахой перебинтовал ступню.

До дома еще далеко – много поворотов и прямых, поэтому он старался сберечь силы.

На речку навалилась тишина, стало душно. Но охотник спокойно и равномерно работал веслом. Только изредка отрывал твердую мозолистую

ладонь от рукоятки весла и тыльной стороной смахивал с лица пот.

Над рекой носились стрекозы, хватали на лету комаров. Солнце играло в их прозрачных, слюдяных крыльшках. Вот одна, гоняясь за мошкой, так низко опустилась к воде, что не удержалась и села на гладкую поверхность, словно самолетик на поплавках. Стрекоза забилась, затрепыхалась, а когда крыльшки ее намокли, затихла. Охотник осторожно взял стрекозу и положил в вещмешок. Вскоре крылья ее обсохли, она спорхнула и улетела.

...К вечеру старик почувствовал себя совсем разбитым, уставшим. Руки еще делали свое дело, но сидеть в обласке стало мучительно. Поясница ныла еще сильнее, чем нога.

В сумерках пристал к пологому берегу, заросшему талом и березой. Обласок вытянуть не смог, привязал суденышко за тухт⁴ к низко склонившейся над водой березе, накрылся пологом. Знал, что на воде не уснет, но за ночь отойдут натруженные руки, ослабнут мускулы.

– Березовую чагу бы растолочь да рану присыпать, – сказал сам себе. – Да кабы ее достать...

Тупая боль не давала сомкнуть глаз. Нога отяжелела, опухла. Поймал себя на том, что думает только о прошлом. Почему? Может быть, в старости всегда так бывает? Человек подводит итог прожитой жизни? Или это от того, что есть о чем вспомнить? И сны-то в последнее время снятся совсем не лесные, не охотничьи, как было раньше... Чаще всего видится ему Ленинград... сорок третьего года... Низкое свинцовое небо, близкие разрывы артиллерийских снарядов...

Ночь он провел без сна.

⁴ Тухт (рыг) – поперечный брус обласка, распорка (хант.).

Утренние лучи солнца пробились сквозь прибрежный лес и теперь светлыми полосками резвились в темной воде Вонтъегана. В березняке трещали и свистели на разные голоса птицы. Тайга успокаивала.

На рассвете он отвязал обласок. Обогнув заросший тальником мыс, выехал на длинную прямую. Через борт плескала вода.

«Проклятое течение», – мысленно выругался охотник, выравнивая обласок.

Буровая вышка...

Она стояла там, где речка омывает сосновый бор – разрывает небо над стайкой берез, над хмурым сосняком, над приунывшей рекой. В сторонке столпились жилые домики. Доносился шум дизелей. Охотник уже видел на большой реке такие вышки, не раз наблюдал, как трубы уходят под землю.

По лицу его пробежала тень, отразилась в усталых глазах, словно тело его пронзила острая боль. «Там им места, что ли, мало?! Зачем на эту глухую речушку пришли? Погубят рыбу, чем кормиться станем? Лес вырубят, пожгут, где зверя промышлять? Совсем плохо жить станет...»

Плыл он по середине реки, где течение сильнее. На берегу сидел судочкой одинокий рыболов. Охотник даже не взглянул на него. Весло равномерно поднималось и опускалось. Смотрел он вдаль, на светлые плесы родной Урманной. В голове билась одна назойливая мысль: «Теряю последнюю речку, теряю...» Лицо его оставалось непроницаемым: будто нет искромсанного бульдозерами бора, нет ни вышки, ни балков, ни людей. Крепко задумался таежник.

И вдруг... обласок резко рвануло в сторону, опрокинуло. Рукой, в которой было зажато ружье, старик успел обхватить поперечник, тухт. С трудом освободил ноги; загребая свободной рукой, потянул обласок

к берегу. Обласок не поддавался. Течение сносило его, но старик боялся отпустить тухт, боялся потерять ружье. Нестерпимо жгло раненую ногу, силы покидали его... Последнее, что он слышал, – это тревожный писк гусят, вынырнувших из-под обласка...

Очнулся он в балке. Первое, что увидел, – солнечный лучик, пробившийся к нему сквозь маленькое оконце.

Запахло лекарством. На ступне разматывали тряпки.

Чей-то молодой голос рассказывал:

– Смотрю, нет его. И на помощь не зовет!

– Эх, ты, горе-рыбак, старика чуть не утопил...

– Паромный канат надо снять.

– Давно пора! Леня, что ли, весло выструтать...

– Кто знал, что такое случится!

Охотник огляделся: женщина в косынке возилась с его ногой. Помогал ей круглолицый плотный парень в синей беретке. В углу на некрашеном столе стояла рация. Тут же сидел пожилой мужчина с редкими светлыми волосами и худощавым лицом. На широком лбу гнездились тяжелые морщины. Одной рукой он настраивал передатчик. Взгляд его прищуренных глаз был устремлен в окно. «Что он там видит? Может, на лес смотрит, на тайгу? – соображал охотник. – Должно быть, главный – все к нему идут, слушают его... Где видел его? Не мог видеть, показалось. Маленько леший меня попутал, старого. Однако, все на тайгу смотрит – на что еще там можно смотреть?! Конечно, на лес... исковерканный, до которого никому нет дела. Не помню, никто, кажись, на тайгу так не смотрел...» Мысль, что этот человек понимает тайгу, обрадовала охотника.

Вскоре он задремал. Проснулся от гула вертолета.

– Ну, дед, выздоравливай быстрее! – сказал на прощание главный. – Мы с тобой еще на охоту ходим, на рябчиков. Возьмешь меня?

Охотника отнесли в вертолет, тот легко оторвался от земли и взял курс на районный центр.

Под лопастями, кивая верхушками деревьев, плыл черный урман.

* * *

Не одно столетие жил этот кедр. На его вершине было гнездо орла. Каждый год орлица выводила здесь птенцов. Но в этом году оно пустовало. Что с птицей случилось? Почему она не вернулась в свое жилище?

Ствол дерева давно замшел, кора догнивала на землю. Поредевшие ветви безжизненно торчали в разные стороны. Кедр умер стоя. Он простоял бы еще не одно десятилетие, не раз бы на его ветвях отдохнули стаи перелетных птиц, если бы не... огонь... Пламя вырывалось из дупла, лизало шершавый ствол, вгрызалось в обнаженные корни.

«Теперь его не спасти, – оправдывался охотник, вытирая рукавом малицы слезы, бежавшие из глаз от чада и дыма горевшего леса. – Долго жил, почти мертвый, а все жить хочет...»

Лес наполнился треском ломающихся деревьев и веток. Они словно убежали, искали спасения, но огонь догонял их.

Тайга стонала, как смертельно раненный зверь.

Кедр вздрогнул и рухнул на обугленный грунт. Стоявший рядом молодняк до земли поклонился ему. Под ногами охотника задрожали корни деревьев.

Пожар низовой, с ним легче бороться.

«Надо остановить огонь здесь, на излучине реки. Потом будет поздно, дальше пойдет сплошной лес», – думал старик.

Огонь был как бы в кольце: с трех сторон река, с четвертой – человек. На мшаннике он сбивал пламя

ветвистой елочкой. Следил, чтобы поблизости не было деревьев – огонь пересекал по веткам.

По лицу потоком струился пот, заливал глаза. Подняв голову, он увидел человека в телогрейке и светлой кепке. Тот окапывал пожар.

«Здесь это ни к чему, – подумал охотник. – Не поможет...»

Он выпрямился и крикнул:

– Деревом надо тушить, елку возьми! Смотри!..

Теперь он не делал ни одного лишнего движения, ни одного неточного хлопка по пламени, ненужного шага или поворота. Он не чувствовал усталости, он гордился своим превосходством над человеком, приехавшим из города, где нет таких лесов, таких деревьев и такого неба. Здесь, в тайге, он был намного грамотнее...

Наконец вышли на берег реки, огонь остался в кольце.

Оба вздохнули и спустились к воде умыться.

– Зовут меня Федором Петровичем, – сказал приезжий. – Короче, Петрович.

– Коска, значит Константин. Появилась седина – прибавили «ики», старик, значит, пожилой человек, – ответил охотник.

– Ну, значит, я тоже ики, видишь, и у меня седина, – улынулся Федор Петрович.

Коска узнал Петровича – тот, худощавый, что отправил его на вертолете в райцентр.

– Как сюда попал, на пожар-то?

– Ездил на сорок вторую скважину. Вижу, горит. Решил посмотреть. Увидел тебя, ну и...

– А-а, спешишь?.. Так езжай, Петрович, я тут за огнем присмотрю. Скоро дождь пойдет, потухнет.

– Откуда знаешь про дождь, батя?

– Вон туча – затяжная, наверное, будет – два дня или больше. И плечо болит – к худой погоде...

– Отчего болит-то?

– Железо там.

– На охоте?

– Не... Под Ленинградом. В сорок третьем...

– Под Ленинградом? Я ведь тоже с самого начала войны там... И семья...

Петрович как-то странно кашлянул и замолчал. Засобирился в путь. На прощание скороговоркой сказал:

– Так ты, Константин, приезжай к нам. Ружье заберишь, обласок.

– Приеду, спасибо.

– Ну, будь здоров!

– Йим улым!⁵

Коска долго смотрел вслед Петровичу. Ему опять вспомнились далекие годы и свои нелесные сны.

* * *

В Сибирь Федор Петрович приехал из Ленинграда сразу после войны. Был лесорубом, работал в приисковой геологической партии, затем стал буровым мастером. За его плечами не одно лето в таежной глуши, не одна зима с жестокими морозами и два месторождения нефти.

Встреча с охотником далеким эхом отозвалась в его сердце.

Это было в годы войны на холодной вьюжной Ладоге. В кузове попутного грузовика рядом с ним сидел солдат с прокуренными усами. Чтобы скоротать время, они разговорились. «У нас на Оби бывают такие холода, что деревья ломаются, – рассказывал попутчик. – В такой день об охоте и не думай: снег очень шумит. Зверь далеко слышит. Рыбачить тоже

⁵ Йим улым – до свидания (хант.).

плохо: лунку выдолбишь, невод под лед не успеешь спустить, как ее ледяной корочкой затянет. Особенно в тиховодье... Вот фрица бы в такой холод – хорошая приманка для песцов выйдет... У нас перед войной колхоз организовали. Школу в деревне открыли. Хорошо жил народ, дружно. Охотником я был, а теперь снайпером стал...» – Замолчал. Разорвался снаряд, потом второй, третий. Петрович и сейчас помнит, как ледяная вода словно парализовала его – все тело окаменело и стало тяжелее свинца. Смертельный холод рванулся от ног к сердцу. Вцепился в кусок льда, но продержался недолго – потянуло ко дну. «Конец!» – резануло в мозг. Тут он услышал напряженный голос попутчика: «Держись! Держи веревку!» На морозе шинель Петровича превратилась в ледяной панцирь. «Кровь... Да ты, никак, ранен?» – бормотал его спутник, расстегивая полушубок. Очнулся Петрович в санитарной палатке.

Когда он выписался из госпиталя, в кармане нашел веревочку, сплетенную косичкой... Та веревочка долго хранилась в нагрудном кармане его гимнастерки, но потом куда-то исчезла, потерялась... Потом он показал старику буровую, говорил о нефти, о будущем таежного края.

– Дедушка, иди к нам верховым, всю тайгу увидишь с высоты! – шутили рабочие в замасленных робах.

– Мне на земле хорошо, отсюда я больше вижу, – отвечал с улыбкой охотник, прищуренным глазом поглядывая на вышку.

– Он ко мне пойдет заместителем! – улыбнулся Петрович, похлопав охотника по плечу.

– По какой части?

– По научной! – серьезно ответил мастер. – Природа и люди...

– Соглашайся, дедушка, с нами не пропадешь! – весело предложил молодой чумазый дизелист. – Я ведь тоже потомок охотника...

– Мув нэма? – спросил старик.

– Я, деда, по-хантыйски не понимаю, – сконфуженно признался парень. – Сирота я, в детдоме воспитывался.

– Как зовут? Имя твое как?

– А, Митька. Дмитрий.

– Грех родной-то язык не знать, – покачал головой Коска. – Эх, времена-то какие...

Федор Петрович взял его за руку и, увлекая в балок, протянул мечтательно:

– Вре-ме-на-а!.. Вот откроем на этой площади нефть – еще одно месторождение будет. И это все на твоей земле, батя. Предки твои ходили по тайге и не знали, что у них под ногами такие сокровища!

– Э-э, всех рыб-зверей разгоните, где охотиться?

– Искусственные меха пойдут, из нефти.

– Почему тогда все покупают шкурки из тайги?

– Верно, батя, – проговорил Федор Петрович. – Все верно, но у каждого времени свои дела, свои люди. Тут ничего не поделаешь.

И добавил:

– В одном ты, пожалуй, прав – беречь надо природу, с умом подходить, – но все же завтра будет лучше, чем сегодня. На этом жизнь наша держится.

– Э, да завтра, может, меня не будет, – ответил охотник, вспомнив обугленный кедр-гигант. – Это не так важно. Я хочу, чтобы всем хорошо было, понимаешь?! Я что? Я уже отжил свое...

– Хитер, хитер ты! Чтобы волки сыты и овцы целы?! У тебя, Константин, светлая голова – попробайся все-таки понять наше нефтяное время!

Коска неопределенно хмыкнул, понизив голос:

– Скажи правду, Петрович, – от нефти пропадет рыба?

– Стараемся, чтоб не пропала... Не думай, что ты один о природе печешься...

С этого дня Коска стал часто навещать буровую: ему не нравилась нефть, зато нравились люди. С веселым и беззаботным Митькой его связывали кровные узы. Толковый парень, думал он, глядишь, совсем нефтяным человеком станет, тоже неплохо. Свой человек при нефти будет. Пришел по душе и немногословный мастер Федор Петрович, который разговаривал с ним, как с равным себе, был искренним. Коска ценил это выше всего.

Однажды Федор Петрович, когда провожал Коску на берег (тот торопился, недолго и побыл на буровой), увидел на обласке котелок в берестяном футляре, украшенном витиеватым узором. На ручке котелка болталась веревочка. Она была сплетена косичкой из трех толстых ниток. «Где я мог видеть такую веревочку?» – соображал он. А ведь видел, видел... Неужто... Нет, невозможно...

В тот день Петрович так и не решился заговорить с Коской о Ленинграде. Отложил до следующей встречи – слишком тяжелы для него воспоминания о родном городе, где погибла в блокаду семья – мать, жена и сынишка.

В тот день не решился.

* * *

Из-за деревьев выползло ленивое осеннее солнце. По реке плыли желто-оранжевые листья берез и рябин, и огненные – осины. По обоим берегам стояла тайга – кедры и ели. Лишь в прибрежье встречались лиственные деревья. Есть в этом массиве небольшие болотца

и озера, петляют речушки. Но хороших охотничьих троп нет.

Охотник спешил. До темноты хотелось добраться до Елочного. Это большой полуостров с настолько узким перешейком, что если встать на середине, то слева и справа виден Вонтъеган. Осенью лоси любят пастись на этом полуострове. Покрыт он густым ельником, по которому и днем-то нелегко пройти. По краям мелкий осинник и березняк.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда он добрался до полуострова. Походил по перетаске, осмотрел подстилающую глину тропы. Побродив по мелколесью, убедился, что сохатых нет. Ни зверя, ни птицы.

«По речке пришлый люд много ездит, – подумал он, – разогнали зверей своими тарыхтелками. В глубь урманов ушли, подальше от реки».

Осмотрел окрестность и утром двинулся дальше, в черный урман. Пошел снег. Идти становилось все трудней и трудней. От долгой ходьбы стерлись кожаные подошвы стареньких ныриков. Чтобы снег не падал внутрь и стельки из сухой травы не вываливались, обмотал нырики портянками. Но и это не помогло – к вечеру они намокли, хоть выжимай. Сапоги в тайгу никогда не брал: слишком тяжелы, громоздки и скрипят – зверь за тысячу сажений услышит.

Зачем он идет, куда? Никто его не обязывал протаптывать тропы в угрюмой тайге. Вспомнились слова Петровича: «Туго стало с продуктами. На базе вертолет вышел из строя. А по реке... скоро шуга пойдет... Что делать?..»

Все трудней и трудней становилось идти. Болела голова. Старенькое одноствольное ружье, с которым не расставался никогда, вдруг отяжелело, стало цепляться за кусты. Краска на ложе давно осыпалась, износился боек, но оно еще ни разу не подводило

охотника. Почему же теперь мешает движению? Приклад ружья покрыт зарубками. За ними – вся жизнь охотника. Отметины поглубже – медведи и лоси, а что помельче – лисы, выдры, соболя. Не крупные звери и птицы сюда не вписываются, не хватает места. За каждой зарубкой – целая история: то увлекательная и смешная, то суровая, полная лишений и риска. Этим и прекрасна жизнь охотника.

На лосей он наткнулся в прибрежном осиннике уже в сумерках. Когда поднимал ружье, деревья вдруг собирались в хоровод. «Не вовремя! – подумал он, потирая снегом виски. – Люди ждут, надеются... Петрович ждет...»

Опустился на снег, оперся о старый трухлявый пенек. Ствол ружья ходил из стороны в сторону. Последним усилием воли он заставил себя прижать приклад к плечу. Надо вовремя опустить курок, думал он, тогда не промахнусь, лишь бы... Только шевельнул пальцем, как серо-черная фигура лося переместилась влево. «Да постой ты на месте... ну, не шевелись...», взмолился охотник. Сохатый остановился, вытянул шею, захватил изжелта-зеленую кору осины. С кустов посыпался куржак.

На ружейном стволе таяли снежинки.

Осинник вращался в бешеной пляске.

* * *

Небо усеяно пронзительными звездами. Снег покрылся корочкой льда. Хруст его эхом отзывался в тайге. Коска расстелил на лапнике шкуру лося шерстью наружу и завернулся в нее. Он лежал теперь как в спальном мешке. Сначала немного зябко от сырой шкуры, но шерстью внутрь нельзя: при сильном морозе она так застынет, что не выбраться потом из нее.

Утро было необыкновенно звонким.

Коска сделал волокушу из шкуры, чтобы побыстрее перетаскать мясо на берег.

На ремне за спиной поправил пожелтевший медвежий клык, с которым никогда не расставался: по поверью, он снимает боль с мышц спины и позвонков. Его когда-то носил дед, потом отец. Затем вырезал из брюшной части шкуры два куска, обмотал ими нырики. Новые пимы не совсем удобные, зато теплые.

Устало подошел к кострищу под кедром, где оставил два дня назад обласок. Обласка не было. На снегу четкие отпечатки сапог. Пустые консервные банки, бутылки, втопанные в грязь окурки. На кустике трепыхались глухаринные перья.

На реке появились забереги.

Шуга скользит по черной воде, звенит в тишине серебряном.

Из-за леса вырвались скудные лучи осеннего солнца, скользнули по белому бережку, сверкнули и заискрились на заберегах, незаметно пробежали по темной воде и перескочили на маленький плотик из сухих лесин, плывший по середине реки, задержались на мгновение и заспешили дальше, чтобы охватить всю необъятную ширь тайги, чтобы разбудить зверей и птиц, чтобы отогнать ночную мглу и согреть одиноких путников. За первыми лучами брызнул поток света, осветивший всю окрестность.

Обрадовался Коска: он любил идти навстречу солнцу. Оно пригревало все сильнее, и он не заметил, как задремал. В его воспаленном мозгу опять всплыло и завертелось давно минувшее: тяжелое небо и кровавые молнии, стонущая земля и грохот орудий, разваливающиеся дома и лица... изуродованные голодом,

знакомые и незнакомые лица... живые и мертвые. Петрович... «Где-то видел, видел его и раньше...»

После сильного перенапряжения его всегда преследуют видения прошлого.

Вздрыгнул он от толчка, поднял отяжелевшие веки – плот зацепился за корягу. Надо съездить, посмотреть, думал он, как люди живут. Теперь, по слухам, там хорошо стало. С Петровичем надо поговорить...

Ему хотелось верить в то, что сегодняшний Ленинград отодвинет в его воображении тот, другой... что не дает ему покоя.

А шуга все поет свою песню.

Любил Коска осенний ледоход: у реки тепло и уютно, весело хрустят льдинки, перегоняя друг друга. Весной совсем не то, зябко у воды, на душе становится муторно. Льдины мрачные, обреченные на гибель. Охотнику всегда казалось, что льдины осенью смеются, а весной плачут.

За три поворота от буровой ухо таежника уловило странный, не свойственный тайге гул, который все нарастал и нарастал – словно ураганный ветер валит гигантский лес. Увидев буровую, понял – что-то стряслось: к редким дымчатым облакам тянулась черная струя жидкости. Она неистово резвилась на солнце. По воде плыли тысячи золотых чешуек. На них лежали крохотные летние радужки.

В это время Петрович возбужденно кричал в трубку: – У нас фонтан! Аварийный! Нефть с газом!..

Смахнув пот с осунувшегося лица, натянул телогрейку. Теперь техника бессильна, думал он, нужно попробовать перекрыть скважину вручную. Когда помощь-то прибедет?..

Он знал, какой это риск – нефть с попутным газом! От одной искорки в секунду все может взлететь на воздух. А для перекрытия скважины надо поднять

на вышку тяжелый фланец фонтанной арматуры, доски и прочее оборудование. Не сидеть же сложа руки?!

Коска торопливо закрепил плот, на котором привез буровикам мясо, и поднялся на берег. Вокруг вышки все было черным: и люди, и трава, и деревья. Струя с таким гулом вырывается из скважины, что ничего не слышно. Только по движению губ можно догадаться, о чем кричит человек.

Митька с товарищами тянет канат, пропущенный через блок. Груз поднимается медленно, с остановками. Охотник видит, как скользят крепкие рабочие руки по замасленной веревке, как с лихорадочной поспешностью перехватывают ее повыше. Вдруг веревка останавливается – замешкались рабочие. Коска поспешил на помощь и взялся за трос. В его шершавых мозолистых ладонях канат не скользит – и груз пополз вверх. Неожиданно трос ослаб. Коска ничего не успел увидеть – только перекошенное испугом лицо Митьки, тот что-то кричит старику, но что – не слышно. Потемнело в глазах, показалось – кто-то сорвал с неба солнце и уносит его. Он упал ничком.

Руки его распластались крыльями, словно обняли напоследок свою израненную землю. Нефтяной дождь давил его в глинистый песок и затягивал жирной пленкой пожелтевший от времени медвежий клык на спине и шнур на поясе, сплетенный косичкой...

Старому таежнику навсегда отоснился Ленинград...

1972–1973

КОНЕЦ РОДА ЛАГЕРМОВ

Маремьян Лагерм попал в эти края давно, когда глаза видели лучше лебединых, слух был острее, чем у дикой чернобурки, а в мускулах чувствовалась твердость лезвия копья – без ружья выходил на медведя. Река щедро кормила рыбой, а в прибрежных урманах водились и зверь, и птица. Место глухое, необжитое, зверье нагуленное, непуганое – привольно жилось. Только далеко в низовье реки находился маленький поселок, где были пункт по приему пушнины, магазин, школа и десяток-другой жилых домиков рыбаков и охотников. Оттуда Маремьян привез себе жену, срубил избышку. Жил он отшельником. Слыл человеком нелюдимым, угрюмым, с темным прошлым. Ходили слухи, будто пришел он с побережья Оби в смутные двадцатые годы. Жена родила ему семерых сыновей и дочь. Старший сын и дочь умерли во младенчестве. Оставшихся в живых сыновей он вырастил смелыми и удачливыми охотниками. Славились они как меткие стрелки и непревзойденные следопыты. Но двоих проглотила война, одного заломал медведь, другой погиб на дальневосточной границе. Остался самый младший

сын – Прокопий, единственный. Он стал известным в округе охотником. Жизнь шла своим чередом. Старая Анна с молодой невесткой Машенькой занимались хозяйством по дому, а мужчины – промыслом. Но обычный бег времени неожиданно прервался... За тремя песками⁶ от избышки Маремьяна вырос новый поселок лесорубов Чистоборск. Говорили – лес будут корезить. А еще ниже по течению – песков и прямиц восемьдесят надо проехать – нефтеразведчики основали свой город. Там землю таежную станут буравить.

По некогда тихой реке засновали быстроходно громкие дюралевые шлюпки.

В тихий летний дом Лагермов зачастили гости: то за рыбой и мясом, то за снастями рыбацкими. Но больше всего ценились меха.

В это лето повадился сюда главный лесничий из Чистоборска Никита Никитич Щепкин, добродушный коротыш с блестящей лысиной. Охотничьи собаки люто ненавидели лесничего и, когда тот появлялся, поднимали яростный лай, наверное, оттого, что от него всегда разило спиртным. «Мик! – сказал Маремьян. – Пусть будет так!»

В тот вечер Мик приехал с высоким белокурым парнем неопределенных лет. Оба подвыпившие. Маремьян быстрым цепким взглядом окинул незнакомца: его красивое возбужденное лицо было помятым и красным от выпитой водки. Глаза ледяно-голубые, мертвые. Казалось, плесни туда воды – вывалится кусок льда. «Беспальый, – определил Маремьян, здороваясь с ним. – Без мизинца».

– Здорово, мужики! – Мик кричал так, словно все вокруг него были глухими.

⁶ Песок – здесь: песчаная речная коса в Сибири, средняя протяженность которой километр – полтора.

– Здорово, здорово...
– Как поживаем, мужики!
– Живем помаленьку...
– Это вот Митрий! – представил Мик своего попутчика.

– Так скажи...
– Вишь, какой красавец!
– Ну...
– Мой новый помощник!
– Как варежки, ты их через каждый месяц меняешь, – заметил Прокопий, чинивший вершу перед домом.

– Этот надолго – твердый орешек!
– Твердый, значит?
– Дак! – лесничий повернулся к помощнику. – Старик верно бачит, Митрий?!
– Старик знает, что бачить! – подыграл Беспалый.
– Ну, мужички, пошли в избу – мы вам кое-что привезли! – крикнул Мик.

Все двинулись к дому. Прокопий нехотя отложил в сторону вершу и присоединился к незванным гостям. Приезжие поставили на стол литр водки, попросили свежей малосольной рыбы.

Мик без умолку болтал и размахивал короткопалыми ручищами. Лишь время от времени, прерывая себя, раскатисто похохатывал, как мелкий бес.

Беспалый же изредка вставлял словечко, скалил зубы в нераскрытой полуулыбке. Глаза его беспокойно что-то выискивали вокруг, ощупывали все предметы. «Что он вынюхивает, как лиса? – размышлял Маремьян. – Наверно, что-то ему очень нужно».

Тут Мик снова наполнил стаканы.

Из открытых окошек избушки вырывались невнятные фразы, бестолковый шум. Собаки наострили уши, потом глухо взвыли.

Лесничий подсел к Маремьяну:
– У тебя мотор поломался, говоришь?

– Да, не работает.
– Пойдем, я мигом сделаю!
– Ты же... пил.
– Ну и что?!
– Разберешь мотор, а собрать не сумеешь.
– Так я ж не пьян!

Мик проворно вскочил на ноги:

– Вишь, стою – не падаю!
– Вижу.
– А разбирать мотор не стану – так скажу, что барахлит!
– Это я сам знаю...

– Пошли, дружище! – Мик потянул хозяина за рукав. – Нет, стой! Дай, чмокну тебя, дружище!

У него была привычка, подвыпить, целовать всех подряд. Однажды Маремьянова медведевая собака чуть не откусила ему нос. Мик вздумал чмокнуть ее за то, что она удержала медведя, мясом которого он потом всласть полакомился.

– Ладно, посмотри, – неохотно согласился Маремьян, чтобы отвязаться от него.

Они вышли на улицу. После их ухода нить беседы подхватил Беспалый, оборотился к Прокопию:

– Много в тайге соболя?

«Расставляет сети на зиму», – подумал Прокопий.

Помолчав, он неохотно ответил:

– Раньше водился, теперь меньше стало.

– Отчего мало?

– Всякий зверь покой любит, тишину.

– Что, покоя не стало?

– Раньше один хозяин в тайге был – охотник, а теперь сколько?!
– Сколько?!

– Считай: геолог, сейсмик, нефтяник, лесоруб...
Все в лес идут – кому надо и кому не надо. С ружьем и без ружья...

– Соболь совсем не перевелся?

– Нет...

Беспалый, помолчав, жестко сказал:

– Мне позарез нужна дюжина соболей!

Прокопий ничего не ответил.

– Если деньги не нужны, могу достать все, что тебе надо...

Охотник будто не слышит.

– Хошь дюральку, лодку?..

Охотник молчит.

– Хошь «Вихрь» достану?

Охотник ни слова.

– Хошь бензопилу?

Охотник все молчит.

– Могу карабин! Кого хошь замочишь!..

Но охотник и на это не отреагировал.

– Может, техника какая нужна, а?! Говори, что хошь!..

Прокопий приподнял голову, перевел взгляд на собеседника.

– Ну... Ну-ну, давай!.. – подбодрил Беспалый.

И Прокопий серьезно, без всякой усмешки, медленно и тяжело отвесил свои слова:

– Мне вот позарез нужен вертолет!..

Беспалый в упор глянул на него ледяными глазами:

– Шутишь, что ль?

– Какие шутки!

– Зачем тебе вертушка?

– На дальние урманы летать...

– Тебе что – земли мало?

– Вблизи мало что осталось – все ваш брат-браконьер до срока выбивает... Вот вертолет пригодился бы...

Беспалый недоверчивыми ледяшками вцепился в охотника, протянул тягуче:

– Изгаляешься, что ль?..

На что Прокопий опять же с твердым лицом сказал неспешно:

– Ежели бы все охотники сдавали пушнину лесорубам, так государство, поди, давно бы развалилось...

– Зря стараешься: героя все равно не дадут – не та отрасль!

– Без всяких героев жили и проживем.

– Знаю: все равно ведь кое-что налево фугуете, мошенничаєте, коль навар есть.

– Мы не мошенники...

– Пожалеешь, что не мошенник! – пообещал Беспалый и положил на стол руку с неприличной картинкой-татуировкой.

Эта выставленная напоказ татуировка показалась Прокопию особенно оскорбительной и наглой, и он неожиданно вспыллил, сдерживая внутренний огонь, резко бросил:

– Гротишь?!

– Пожалеешь!.. – многозначительно повторил Беспалый. – Мошенником легче прожить!

И тут Прокопий кивнул в сторону выхода:

– Это вот... дверь...

– Пожалеешь... – еще раз повторил Беспалый и вышел вон.

В доме водворилась тишина.

Вдохнула старая Анна, мать Прокопия. Поднялась молодая хозяйка Машенька, начала убирать посуду со стола. Прокопий тоже встал, потоптался посреди пола и направился к выходу. Вершу нужно закончить и невод прибрать, ответил он на вопросительный взгляд жены.

В это время Маремьян и Мик мирно копались в подвесном моторе, лежавшем на куске брезента.

Вдруг глухой дуплет рванул вечернюю тишину.
Все бросились на берег.

Прокопий лежал наполовину в воде. Беспальный отчаянно дергал шнур стартера, но «Вихрь» не заводился.

У Маремьяна вмиг вышибло всю водочную одурь. Он подскочил к Прокопию и выхватил его из воды. Лицо сына стало берестяно-белым...

Речная вода всколыхнулась и алым пламенем лизнула берег.

Маремьян мгновенно почернел... Приложил ухо к груди сына и замер.

Мик бочонком носился по берегу, размахивая руками и пискливо кричал:

– Ружье! Ружье! Дайте мне ружье!

Беспальный бешено рванул шнур – мотор чихнул. В его руке осталась рукоятка от шнура. Он схватился за весла и поплыл к противоположному берегу. А там в несколько прыжков скрылся за деревьями. Тут Мик увидел катер, вынырнувший из-за поворота.

Маремьян оторвался от сына – в затуманенных глазах блеснула надежда: «Жив еще!»

– Неси тряпки! – вдруг заорал он на обезумевшую старую Анну, которая душераздирающе взывала. – Не вой, не покойник!

Старая рысцой помчалась к избушке. Она продолжала всхлипывать и выть, и древнее морщинистое лицо ее было совершенно сухим: выплакала все слезы за долгую и суровую жизнь. Вскоре она вернулась.

– За невесткой присмотри! – крикнул Маремьян, трясущими руками перевязывая сына. – Перестань выть!

Он не терпел слез. Невестка Маша была в положении. И когда увидела мужа в окровавленной рубашке, мертвенно бледного, подкосились у нее ноги – упала на желтый речной песок.

В суматохе не заметили, как причалил катер, из рубки вышел начальник лесоучастка Шнейдер.

Накануне они с Маремьяном собирались на рыбалку.

– Несите его в каюту! Да побыстрее! – крикнул Шнейдер, увидев Прокопия.

Мик вертелся у всех под ногами и, захлебываясь, рассказывал:

– Он его, наверное, в упор. Я, я... Меня там не было. Ружье мое картечью... Мне ружье не дали, а то бы такого гада...

Катер круто развернулся и, оставляя за собой белые бурунчики, помчался к лесоучастку.

Молоденькая белокурая фельдшерница опустила руки и почти шепотом сказала:

– Я не могу, операция нужна. Скорее в район! И пить... Пить не давайте!

Шел девятый час вечера.

Радист, не выслушав до конца, отрубил:

– Нет, связь у меня в одиннадцать утра. Кто сейчас меня примет?

– Через другие станции попробуй! Можешь? – попросил Шнейдер. – Пойми, задержка даже на час...

– Человек может умереть, дубовая твоя голова! – взорвался лесничий Мик.

– А я тут при чем? Сказал же – завтра... А сейчас нет...

Неожиданно Маремьян с нестариковским проворством выскочил из-за спины Шнейдера и схватил радиста за грудки, прошипел, приподняв его:

– Как нет?! Как нет?!

Он вцепился в радиста с отчаянием загнанного зверя, который готов на все. Первым опомнился Шнейдер: он схватил Маремьяна за руки и вывел на улицу.

– Вот что сделаем, Маремьян, – заговорил он. – Я дам самый быстроходный катер, вези сына к геологам. Фельдшера возьмете. Там в экспедиции базируются вертолеты, дадут. Иного выхода нет. Выиграете десять часов...

Из небольшого юркого «костромича» выжимали все. Механик-моторист что-то смазывал, чистил, закручивал, прикладывая ладонь к корпусу двигателя, прислушиваясь к его дрожанию.

Северная ночь настолько коротка и светла, что не зажигали фару. Гул мотора тревожным эхом отзывался в спящей тайге.

В каюте на жестких нарах в бреду лежал Прокопий. Маремьян, не доверяя молоденькой девушке-фельдшерше, ни на минуту не отходил от сына. Сын с трудом стонал, губы запеклись, лоб покрылся испариной. Отец прикладывал к его горячему лбу мокрые бинты. Когда они нагревались, он убирал их. Смачивал водой запекшиеся губы. Иногда сын порывался встать, скрипел зубами. Отец успокаивал его, что-то шептал ему, обещал, умолял, хотя вряд ли потом мог вспомнить то, о чем говорил.

К утру сын очнулся – в глазах появилось осмысленное выражение. Он долго смотрел на отца, губы пытались выголкать невнятные, добытые мукой, слова:

– Сын... бу...

Отец кивнул и попытался улыбнуться: мол, отлично все понял. Но потом до него дошел истинный смысл этих слов, и он ужаснулся: может быть, это последнее дыхание сына, слова прощания... грань между жизнью и смертью. Иначе зачем просить, для чего? И вдруг так горько стало отцу, словно сердце прищемлено глыбами льда и оно стало медленно-медленно плющиться. И само собой, без его воли, на заросшую щеку выкатилась слеза, выжигая и вспахивая глущо-

кую борозду. Сын, кажется, заметил это, хотел успокоить отца:

– Па-а...

Отец замотал головой. Он заметил, что глаза сына снова туманятся, что он вот-вот потеряет сознание. И тогда отец заговорил. Ему надо многое сказать сыну, его прорвало – говорил захлебываясь, без остановок. А что говорил – не мог потом припомнить. Может быть, оправдывался за свою нечаянную слезу, которую не удержал потому, что умирает последний сын – продолжатель рода, умирает на его руках, а он беспомощен перед костлявой старухой. Старшие сыновья погибли далеко от дома, и он не видел, как они умирали. Поэтому он выдержал их погибель, перенес. И надежда на своего младшего, бывшего всегда под рукой, помогала: передал ему весь свой жизненный опыт и свою мудрость, вложил в него свою душу. Быть может, говорил об отцовском горе. Оно не легче материнского. Мать выплечется – ей легче станет. А отцу нельзя плакать, мужчины не плачут, тайга презирает тех, кто плачет. У отцовского горя нет выхода – оно жжет изнутри и порою все выжигает... Возможно, он говорил молитвы, обещал богу в жертву все, что у него было, и даже собственную жизнь, – лишь бы Верховный спас последнего сына. Если в ураган рухнет старое дерево – его не жалко, отжило свое, а когда погибает молодое неокрепшее деревце – погибает сама жизнь.

Сын застонал тяжело, с надрывом. Отец замолк.

Сын давно потерял сознание и не слышал отца. Голова Маремьяна сникла, отвалилась на грудь, словно шея отказалась держать ее – тяжелую и лохматую, она семь десятков была черная как смоль, а теперь за одну ночь подернулась седым пеплом.

...Речной кулик пропел что-то на своем птичьем языке, и взошло солнце. Катер развернулся и мягко

приткнулся к причалу. Городок геологов спал сладким предутренним сном.

Маремьян побежал к начальнику нефтеразведочной экспедиции, человеку лет пятидесяти, с иссеченным морщинами лицом, многое повидавшему на своем веку. Тот сам разбудил командира вертолета, наказал, чтобы тот на подходе вызвал санитарную машину.

Вертолет рванулся в небо.

...Заряд разорвал печень. Операция длилась четыре часа. После этого еще одиннадцать часов жизнь боролась со смертью. Но исход этой борьбы не мог решить ни Маремьян Лагерм, отец семи сыновек и дочери, ни врачи, ни бог. Все были бессильны.

На следующий день Маремьян вернулся домой. Старуха Анна кое-как выдавила:

– Машенька ро-дила...

– Кого?! – встрепенулся Маремьян.

– Сына... мертвого...

Они взглянули друг на друга и замолкли.

Время безжалостно и жестоко, как и судьба. Они остались с тем же, с чем встретились полвека назад. Только тогда им было по двадцать и все было впереди, а теперь по семьдесят и все, все уже позади.

На полуглиссере приехал вечно сонный участковый лейтенант Петушков. Осмотрел место происшествия, поводит замусоленным карандашом по записной книжке, такнул, дважды чертыхнулся и собрался уезжать.

– Никуда не денется, – сказал он, заметив хмурый взгляд Маремьяна. – Два дня уже прошло. Еще через два кончатся патроны, комары не дадут житья. Сам придет, куда он денется!

Участковый зевнул, вполз в кабину и был таков.

Маремьян сидел на перевернутом обласке и смотрел на темную речную воду. Трубка давно потухла. Старуха беспокойно наблюдала за ним. Она не знала, о чем он думает. Но по тому, как голова его клонилась все ниже и ниже, она догадывалась, что думы мужа тяжкие и мрачные. Наконец он сказал:

– Приготовь сухарей на четыре дня.

– Ох-хо-хо! Что задумал опять? – запричитала старуха. – Головушку потеряешь свою! Ох-хо-хо!..

Но все же отыскала заплечный мешок. Ей еще ни разу не удавалось отговорить Маремьяна. Что западет ему в ум – хоть шею свернет, но не отступится. Таков он был, особенно в молодые годы.

...По едва заметным признакам таежник находил след человека, который намного грубее и заметнее наметанному глазу, чем звериный в чернотропье. Сломана ветка, ободрана кора, осыпаны цветки и примяты мхи – все это о чем-то говорит, это язык тайги.

Беспальный шел прямо на юг, к Оби. Там большой поселок, отделение совхоза. Туда и метил преступник. Его нужно догнать на водоразделе или на худой конец в поселке. Если он, Маремьян, опоздает, то преследуемый скроется, вырвется из тайги. Вырвется туда, где он, Маремьян, безвластен и бессилен, потому что его сила только в знании тайги, ее законов. А там он кто?!

Не давала покоя мысль, что убийца сына, как и он, Маремьян, видит солнце и небо, вдыхает хвойный запах. Эта мысль острой болью вклинивалась в мозг. Имеет ли право на все это тот, кто сгубил жизнь? Он сам себе подписал приговор. Сам, никто не вынуждал. Значит, я должен судить его во имя единственного сына и внука. Взять грех на душу нелегко, но и не взять... еще тяжелее. Тяжко бремя усопшего, но во сто раз тяжелее оно у живущего на земле...

Жизнь за несколько соболиных шкурок? Человеческая жизнь... разве это мыслимо? Человек превратился в зверя... только более опасного, чем лесной хищник.

Маремьян шел всю ночь. Было светло и мошкеры меньше, чем днем. След Беспалого все время тянулся по левому берегу ручья. Видимо, опасаясь заблудиться, тот не отходил от воды.

Когда солнце выбралось на верхушки хмурых елок, Маремьян сделал первый привал. После кружки крепкого чая покормил собаку. Затем натянул полог в тени, в нескольких шагах от солнечных лучей, и задремал. Солнце разбудило его вовремя, как раз в намеченный срок.

В полдень Маремьян услышал лай своей собаки. Она тьякнула несколько раз и замолкла. Он насторожился. В голове лайки не было ни озлобления, ни беззаботности, ни игривости, а будто только удивление: погляди, хозяйин, что я нашла. Маремьян снял с плеча ружье, раздвинул кусты. У ручья лежала вздувшаяся лосиная туша. Над ней висел рой мух. Маремьян подошел к кострищу, что оно скажет. Пепел есть, а ветрено было вчера ночью. Значит, был здесь днем. Пустая бумажная табакерка – курево кончилось. Мясо жарил, с собой взял. Спал недолго, животом болеет... С лосихой, однако, погано обошелся, даже кишки не выпустил, разве можно так? Он покачал головой, вытащил внутренности лосихи и на совесть, по-хозяйски накрыл тушу ветками, словно собирался когда-нибудь вернуться сюда.

Маремьян уже хотел уйти, когда с другой стороны ручья на него вышли два ушастых лосенка, чудом державшихся на длинных тонких ногах. Солнце тонуло в их грустных выразительных глазах. Идут прямо на него, словно он убил их мать, он лишил их радости земной...

Лосята остановились у самой воды: Маремьян не мог отвести от них глаза. Выживут ли?.. С каких пор дикие звери без страха стали подходить к человеку? С каких пор перестали бояться?! Может быть, что-нибудь в мире изменилось, случилось что-то непонятное и страшное?! Да, да... страшное и непонятное!.. Маремьян вмиг вспотел, по спине поползла тяжелая липкая капля...

Он взял собаку на поводок и рысцой, ломая сучья и кустарник, бросился в глушь, подальше от злополучной поляны.

Усталое солнце стало медленно падать за горизонт. На мохнатых лапах елей застряли последние гаснущие лучи, медно отражаясь в струях ручья. Тайга насторожилась, замерла. Провалится солнце за лес – настанет время хищников.

На закате Маремьян попил чаю, взглянул на уходящее солнце, чтобы знать, каким будет завтрашний день, и пустился в путь.

Ручей давно исчез меж корневищ столетних гигантов-елей, и теперь Маремьян шел по следу, чтобы не потерять Беспалого в этой глуши. Помятая трава, поломанный кустарник и трухлявые колодины говорили о том, что преследуемый уже кое-как передвигает ногами и делает частые привалы.

Начался водораздел – густая, сумрачная и труднопроходимая грива, заросшая кедром и пихтой. Моховой покров по колено – трудно ступить. После пойдет смешанный лес и там будут река и поселок.

Всю ночь пробирался Маремьян сквозь девственный урман. Терял след, снова находил и шел дальше. Поутру впереди взлаяла собака Маремьяна, чуть позже выстрел. Лайка, взвизгнув, свалилась под куст. Вздрогнул кедр. Маремьян заскочил за ствол дерева, притаился. Стало так тихо, словно остановился бег времени.

Следопыт снял кепку, стряхнул с нее паутину, разгладил и осторожно высунул из-за кедра, поскреб ногтем по коре. Гулко бабахнуло – на козырьке осталась рваная дырочка.

– Черт возьми, козырек попортил, – досадливо пробормотал Маремьян.

Пуля шмякнулась о ствол рядом стоявшего дерева. Кедр брызнул янтарно-чистыми слезами. Они неторопливо катились на неровной серой коре и уходили в изжелта-зеленый мох, в землю. Маремьян пристально смотрел на капли, бегущие по шершавому стволу кедра. Время излечит тебя, Кедр! Теплые ветры зализжут твою рану, осенние дожди промоют ее, яркое солнце согреет, и через год-другой все пройдет. Ты молод, ты силен. Ты проживешь много-много лет...

Раздался треск ломающихся веток. Беспалый небольшими перебежками от дерева к дереву уходил от таежника. Охотник даже не взглянул ему вслед: о чем-то думал, что-то прикидывал. Может, решал, быть или не быть...

Маремьян похоронил собаку и пустился в погоню. Но шел теперь не след в след, а сторонкой, присматриваясь к каждой коряге, прислушиваясь к шорохам и звукам. Знал, что Беспалый попытается любой ценой оторваться от него, думая, что за ним идет несколько человек. Но осторожность никогда не повредит.

Солнце плыло высоко над тайгой – наступил полдень.

Вдруг Маремьяна остановил звук, похожий на стон. Он доносился откуда-то из-под земли. «Что за черт? Какая нечистая сила днем-то?» Удивленный Маремьян сделал шаг, другой... Никого нет, а стон слышится... из-под земли. «Леший, что ли, меня водит!» – выругался он, собираясь уйти. Но тут увидел ружье – двустволку Мика. То самое ружье... Оно лежало на мху, сверкая

лакированным прикладом, вот, протяни руку и... Маремьян схватил ружье и хрястнул по дереву. Неистово молотил двустволкой по чему попало. Ему казалось, что при каждом ударе ружье повизгивает и стонет. Это доставляло необъяснимое удовлетворение. Уже отлетел приклад, рассыпались железяки и винтики. Когда от ружья ничего не осталось, он остановился, тяжело перевел дух, недоуменно поглядел по сторонам и, опустошенный, повалился на землю, как в бездонную пасть какого-то чудовища. И не мог потом вспомнить, сколько пролежал так без всяких мыслей и чувств. Пришел в себя от того же подземного стога. Маремьян сделал шаг и замер – будто на стену наткнулся. В яме под корягой лежал Беспалый. Волосы в красно-бурой глине, лицо от мошкары стало безобразным, бледным и безжизненным. По носу сновал муравей с кедровой иглой. Лежал какой-то бесформенной грудой, присыпанной сверху мхом. Ничего общего с тем Беспалым, которого преследовал Маремьян. Только глаза те же – до дрожи ледяно-голубые и мертвые.

«Медведь могилу приготовил», – не то подумал, не то пробормотал вслух Маремьян.

...На ночлег Маремьян выбрал поляну между двух разлапистых кедров. Напоил Беспалого чаем и уложил в полог. Сам прикорнул возле костра из гнилушек. Прошедший день вконец измучил его, поэтому задремал сразу, но спал чутко. Во сне слышал, как вздыхала тайга и трещал сверчок на стволе умирающего дерева.

Беспалый неподвижно лежал на спине. Он видел сквозь ситец полога неясные очертания деревьев, далекое небо в сизой дымке, да слышал унылую песню комаров. Боль в ноге не унималась. Но он старался не стонать, хотя знал: когда стонешь – легче. Боялся, что Маремьян проснется, будто таежник мог проникнуть в его мирок, заглянуть в душу. Этого он смертельно

не хотел. Как ни странно, в этой глуши он боялся умереть. Теперь, когда смерть подошла почти вплотную и бродит где-то совсем рядом, со страшной силой хотелось жить. Где угодно, хоть в клетке. Ничего не нужно, готов отдать все, чтоб только вернуть жизнь. Раньше смерть была где-то далеко, говорил о ней презрительно, с гонором. А теперь?.. Все зависит от этого угрюмого человека, который не сказал за весь день ни одного слова. Молча подносил кипяток и пищу, молча стелил постель, словно был один в лесу. А ведь он, Беспалый, совсем не хотел убивать этого парня. Сначала он озлился на несговорчивость Прокопия – ведь мог просто пообещать, до зимы вон сколько времени, а он даже слово обещания пожалел. А когда понял Беспалый, что охотник не чувствует страха перед ним, то вконец взбесился. Не помнит, кто бы мог выдержать без внутреннего содрогания сковывающий холод его ледяно-мертвых глаз, когда, чуть сощурившись, буравил взглядом человека. А тут какой-то охотник только усмеялся небрежно – или малость тронутый, или сильнее его, Беспалого. Неужели сильнее?! В нем что-то зашевелилось, заерзало – не то страх, не то слабость. Потом его охватили испуг и бешеная злоба на всех, кто был сильнее и не хотел попадаться в его сети.

Там, на пристани, все вышло как-то случайно, он сел в шлюпку, чтобы отрегулировать дозирующую иглу в моторе. Но шлюпка была не привязана, ее подхватило течением и стало относить от берега. «Эй, подтяни, уносит меня», – крикнул он Прокопию и протянул ружье Мика. «Давай», – сказал Прокопий и взялся за стволы бескурковки. И тут Беспалый увидел, что дула смотрят прямо в охотника. Если нажать на спусковые крючки... ведь курков – не то не надо взводить.

Свое прошлое он почти не вспоминал. Война сделала его сиротой. Бродяжничал, скитался по детдомам.

Потом попал в воровскую шайку, где кое-чему обучился. И сам начал добывать деньги всеми способами, ничем не гнушался. Грабил сберкассы в небольших селениях и скрывался. Первый раз пошел на «мокрое» вроде тоже случайно. Ночью, после очередного ограбления, подвернулся милиционер – видимо, заподозрил что-то неладное. Пришлось тюкнуть его по голове, чтобы отключился на время. Оказалось – совсем. Подобрали только утром. После Беспалый оправдывал себя тем, что не мог предвидеть последствий... Сюда, в Сибирь, Беспалого привезли на старой железной барже как рабочую силу. Но рук он не стал мозолить: кому это нужно?! Есть другая сфера деятельности: недавно вдвоем с дружкой очистили в селе отделение связи и рванули в тайгу, неделю блуждали. Когда осталась буханка хлеба, он решился, и труп в болотной жиже утопил. Рассуждал: «Зачем делить на двоих? Кому нужен этот дружок? Лягачи спасибо скажут, когда узнают – давно его разыскивают. Если бы не я его, так через день бы он меня кокнул!»

Он лежал, и мир сквозь полог виделся ему прозрачным и далеким. Не мог понять, почему Маремьян лопит под ним свою хребтину. Он всегда презирал людей непонятных, таинственных. Если не хочет марать руки – оставил бы, все равно не выжить. Так поступил бы всякий здравомыслящий. Так поступал он, Беспалый. Зачем спасать убийцу сына? Предать законному суду? Лучше самому свершить. И даже не своими руками, а с помощью угрюмой тайги. А вдруг старик рехнулся?! Рехнулся – вот и тащит...

Трудно постигнуть душу человеческую. Но вдвойне трудно, если она бесхитростна и кристально чиста.

Втайне Беспалый надеялся, что, когда кончится последний сухарь и выйдут все патроны, когда Маремьян выбьется из сил, что-то произойдет: таежник

должен покинуть его в этой глуши, чтобы спасти себя. Тогда все станет на свое место и он умрет со спасительной мыслью, что все люди – звери, что каждый старается урвать приличный кус: только одни это делают незаметно, красиво, изящно – на их стороне закон, а другие – грубо, открыто, всеми дозволенными и недозволенными способами, как он сам. Такие стоят вне закона.

Но настало утро и Маремьян снова пристроил его на свои плечи.

Наконец, кончились сухари, патроны были уже на исходе. Самое время спастись сильному, а не то будет поздно. Беспалый по ночам не смыкал глаз: прислушивался, когда Маремьян потихоньку встанет и ускользнет в тайгу. Ему казалось, что охотник обязательно бросит его ночью. Но наступал день, и все началось сначала. Маремьян шаг за шагом пробирался сквозь дебри к спасательной реке. Чем труднее становилось, тем с большим упорством шел он вперед. Откуда у него берутся силы, откуда это упорство – Беспалый силился понять, но тщетно.

Маремьян иногда сам удивлялся тому, что не бросил Беспалого, взвалил на себя такую ношу.

Тот день прошыл в каком-то тумане, хотя на небе не было ни единого облачка, солнце золотым шаром висело на своем обычном месте, щебетали птицы. Все шло своим чередом, жизнь не останавливалась, спешила. Узловатые сильные пальцы охотника беспокойно крошили веточку лиственницы, словно они должны были решить, что ему делать. «Может быть, надо побыстрее убежать отсюда, пусть медвежья берлога станет ему могилой. Но медведь – этот дух тайги – никогда не простит, что Дом его стал кладбищем, а я видел и не вычистил. Но ведь Беспалый приносит людям только зло. Кому такой нужен? На земле и без него

много зла. Никто не будет упрекать старого Маремьяна. Да и за что? За то, что похоронит убийцу. Но мертвого можно закопать и жить со спокойной совестью, а этого, живого... попавшего в беду... В беду... По неписаным законам таежным попавшему в беду надо помочь. Давно в тайге перевелись бы все охотники, если бы не помогали друг другу, если бы не спасали попавших в беду, если бы не отдавали все, что нужно, для поддержания жизни. В тайге это свято соблюдали. Ни один настоящий таежник не может преступить этот закон. Большой грех – дать угаснуть жизни, когда можешь предотвратить смерть. Человек иногда бывает сильнее смерти... и намного сильнее, чем думают...» Маремьян сипнул потухшей трубкой, вытащил ее изо рта, наклонился, чтобы высыпать пепел. И увидел под ногами кожаный бумажник. Из рассыпанных денег и бумаг глянули на него детские глаза. Большие и выразительные. Он отступил на шаг – глаза следили за ним. Несколько мгновений стоял неподвижно, затем выволок Беспалого из берлоги, приспособил к его переломанной ноге выструганную из сушняка дощечку. Брезгливо вытер руки, словно прикоснулся к дерьму.

После, пробираясь по ельнику, Маремьян подумал, что вот вроде бы немало прожил, а никогда толком не знаешь, какие разумные и безрассудные поступки сделаешь. Не знаешь, а жизнь заставит... Пришла мысль о медведе. Этот всевидящий чернолицый тайги вряд ли простил бы то, если бы его Дом стал могилой и охотник не вычистил бы его.

...На вечерней заре Маремьян вышел на тропу и остановился на склоне таежной сопки. Сбросив свою ношу и не оглядываясь, направился в сторону поселка.

Он решил, что участковому тоже надо поработать.

Он шел, и на него нахлынули воспоминания. Полвека тому назад, здесь, на этой реке, в леденящую

стужу вооруженные военными ружьями всех его родных кончили. Под обрывом, в полынье... За то, что его отец вывел из-под смертельного удара других с такими же ружьями. А он, Маремьян, на охоте был, жив остался. Но потом и он отомстил за них – жестоко, беспощадно. И навсегда покинул эту реку, чтобы она не напоминала о тех днях, смутных и горьких. И вот приходится возвращаться...

От недалекой реки повеяло пронизывающей стынью.

1974

СТАРШОЙ

По ночам Никиту Ларломкина будил шум дизелей.

Он прислушивался к их ровному бесперебойному голосу и узнавал о подъеме и спуске инструмента, о бурении или смене долота. Говорили дизели и о многом другом, чего не уловит слух неискушенного в технике человека. Голос у них густой, мощный. Стены утепленного балка слегка приглушали его и от этого он становился более мягким, выразительным. Широкой волной он окутывал промерзшую насквозь тайгу – с кедровой лапы серебристой искрой сыпался куржак, в чаще хмурые елки вздрагивали лишайчатými бородами, а сугробы мягко поглощали все звуки. Буровая не давала тайге вздремнуть. И от говора дизелей в ней становилось как-то теплее.

Шум двигателей усыплял Никиту Ларломкина, словно колыбельная песня. Такую песню, кроме буровой, он нигде не слышал. И тотчас же просыпался, как только в этот голос вплетались посторонние звуки, не слышные другим, но режущие его слух.

В эту ночь Никита проснулся от натужного рева дизелей – они работали на пределе. По звуку – подъем

инструмента. «Обороты, обороты добавь!» – взмолился он, обращаясь к дизелисту, там, на буровой. Но тот – то ли задремал, то ли отлучился куда. И дизели, еще раз всхрапнув, заглохли.

Никита накинул телогрейку и выскочил в стужу декабрьской ночи, пожалев, что встал не сразу. Бросился под навес и запустил дизели. «Подниму инструмент, все равно теперь не уснуть», – подумал он и кивком головы указал помазку на электростанцию, освещавшую жилые балки и вышку. Тот молча взялся за ветошь. А дизелист – «вот беда-беда!» – видно, решил пока не попадаться на глаза Никите.

Дизелисты немного побаивались и недолюбливали Ларломкина за угрюмый характер и излишнюю требовательность. Называли его просто Старшой, хотя этому смуглому, скуластому пареньку было всего лет двадцать шесть.

Когда подняли инструмент, на небе бледно занялась декабрьская заря. Никита так и не ушел спать – какой тут сон, если сегодня добуриваются последние метры. Бригада улетит на новую скважину, а он, старший дизелист Никита Ларломкин, останется здесь. Останется, чтобы не расставаться с дизелями. Можно, конечно, слетать на базу и вернуться с испытателями скважины. Но он не любит болтаться без дела. Такая уж судьба у старшего дизелиста – временный член любой буровой бригады, куда дизели – туда и он. Прилетят монтажники, разберут вышку, чтобы перекинуть на новый участок. А Старшой всюду сопровождает свои дизели, отвечает за них головой, ведь буровая без них – просто мертвая вышка. И на эту работу ставят всегда людей надежных, с большой практикой.

На обед Никита пришел последним – задержался в дизельной.

Повариха вновь, в который уже раз, пожурила его:

– Дались они тебе, Никитушка, машины эти – опять все остывает!

Никита виновато улыбнулся: мол, в желудке согреется.

– Расстаемся, значит, завтра, – сожалела повариха, гремя мисками. – А женить тебя так и не успели – вон у нас какие коллекторши, чем не невесты! Ведь ты, со своими машинами, так бобылем горьким и останешься. Попомни мои слова!.. На другой буровой кто тебя так кормить будет, как я кормила?! Горе ты мое!

Вздыхнула повариха, подавая Старшому миску, которая была прикрыта и стояла отдельно, на углу горячей плиты.

Вполуха слушая повариху, Никита молча ел, думая с уважением: «Хорошо готовит – значит знает свое дело!»

К нему с бездонной кружкой чая подсел мастер и возобновил свою давнюю речь:

– Ну, что, Старшой, останешься в бригаде?!

Никита ничего не ответил.

– У меня глаз – вижу, кто на что способен...

Старшой будто не слышит.

– Редко ошибаюсь...

Старшой молча продолжал есть.

– Я из тебя, брат, такого бурильщика сделаю – все рекорды твои будут!

«Нужны мне ваши рекорды!..» – усмехнулся в душе Старшой.

– А со временем, глядишь, первым бурмастером своего народа станешь...

«Какой из меня мастер?!» – подумал Старшой.

– Ну как?!

«Хитрит, старик, хитрит. Собака не тут зарыта...»

А старый мастер, прихлебывая чай, все поддразнивал:

– Бурильщик главный – на первом месте!
«Ну и что...»
– А что твои дизеля?!
«Будто сам не знает!»
– Ты вон насквозь промаслился от них, просоля-
рился...
«Будто без масла и солярки можно обойтись», – по-
думал Старшой.
– Того и гляди – вспыхнешь!
Наконец Никита медленно, как бы с трудом, в пер-
вый раз раскрыл рот и выдал о дизелях свой главный
довод:
– То – сердце буровой!..
Мастер-бригадир тут же встрепенулся:
– Так ведь сердцу нужна разумная голова, Старшой!
Никита, как бы извиняясь, побряхтел и молча вы-
шел на улицу. И подался в дизельную: пообедал, делать
в столовой нечего, а убивать время на пустые разгово-
ры не привык.
Озадаченный мастер посидел над пустой кружкой,
потом, обращаясь к поварихе, проговорил:
– Чудак наш Старшой-то...
– Да-а...
–хлопотно с дизелями, особенно зимой.
– Известное дело...
– Мается парень, а выгоды своей не понимает.
– Или не хочет понять...
– Работящий мужик.
– Только вот на баб не глядит...
– Откуда ты знаешь – не глядит?
– Да уж знаю...
– Сама, поди, глаз положила?
– Это уж мое дело.
– Ну, гляди: в тихом омуте сама знаешь, кто водит-
ся... – ехидно заметил мастер.

– Знаю, не пугай.
Мастер отодвинул кружку, поднялся из-за стола и,
обведя взглядом тугие телеса поварихи, спросил шут-
ливо:
– Не могла, что ль, очаровать за-ради бригады?!
Та лишь плечом повела.
– Жаль... – сказал мастер.
– Что жаль?
– Мне не помешал бы в бригаде толковый меха-
ник...
Мастер пожалел об одном, женщина – о другом.
На этом и разошлись.
На другой день буровиков сменили испытатели, за-
тем прилетела бригада монтажников – начался демон-
таж буровой.
Никита все эти дни занимался мелким ремонтом
в своем хозяйстве – «подтягивал гайки и винтики». Был он доволен – все дизели у него в порядке, хотя и не-
мало поработали; сделал заначку – собрал кое-какие
запчасти, которых у него не было, и теперь разные
мелкие поломки сможет устранять сам; удачно пробу-
рили скважину – почти на два месяца раньше срока вы-
полнили план проходки... Что еще надо?
По вечерам он долго не засыпал от непривычной
тишины.
Во сне дизели жалобно, с отрывистым запоздалым
стоном звали на помощь, и он среди ночи вскакивал
с постели. Но, кроме завывания ветра за окном и глу-
хого шума тайги, ничего не слышно. Он лежал с откры-
тыми глазами до тех пор, пока его не начинала убаю-
кивать тихая и нежная мелодия стальной упряжки.
И утром он просыпался бодрым и веселым, с необык-
новенной легкостью во всем теле.
Стояла странная зима: середина декабря, а на-
стоящих сибирских морозов еще не было. Оттепели

сменялись обильными снегопадами. Земля долго не промерзала под снегом, не твердела. Поутру на болотах из-под сугробов вырывался белесый пар. Округа еще дышала, не омертвела вконец.

Утром, выйдя из балка, Никита чутьем коренного сибиряка уловил, что зима повернула другим боком: вот-вот ударит мороз. Снег стал серебристый, светлей. Суровый ельник замер в ожидании чего-то, не шелохнулся ни единой иглой. Только беззаботный дятел звонко гремел на всю тайгу. На закате Никита убедился, что не ошибся. Как говорили охотники-ханты, солнце «надело шапку и варежки» – появились протуберанцы. «Пора уж, пора, – подумал Никита. – Какая зима без морозов?!»

Ночью его разбудили не дизели, а простуженный женский голос, до боли знакомый. Он поначалу никак не мог понять, во сне ли это, наяву ли. Только будто кто-то шепнул ему: «Она». И этот шепот на мгновение парализовал его. И потом, когда отпустило и он облегченно вздохнул, все равно не решился взглянуть на нее. Придя в себя и окончательно проснувшись, он взял с протянутой руки лист бумаги. Не прикоснулся к ее руке, но почувствовал, что она холодная.

Буквы долго прыгали перед глазами, и смысл написанного дошел до него не сразу. Это была радиограмма, подписанная начальником экспедиции. В ней приказывалось срочно доставить дизели на скважину Р-19. Подумал: «Почему она приехала?.. Кто она теперь?.. И кто дизели запарол – Семенов? Коваленко?..»

Он знал, что эту скважину во что бы то ни стало должны сдать до Новогоднего праздника – конец года, план, премии. «На орден жмет, – подумал Никита о начальнике. – Замучили со своими рекордами, только технику гробят!»

– Когда? – задал он ненужный вопрос, чтобы услышать ее голос и по интонации определить, как ему быть.

– Грузят монтажники, – сухо ответила она, выходя из балка.

Вдвери ворвался сизый клуб морозного пара.

Одеваясь, Никита все думал о ней. Прошло более трех лет с той весны, как она ушла от него. Ушла и бесследно исчезла, как в воду канула. А жили вместе почти два года, вроде, и ссорились-то редко. Правда, иногда скажет: «Ты все о машинах думаешь» или «Почему ты меня все зовешь «Татьяна да Татьяна?» На такие, как ему казалось, мелочи он не обращал внимания...

Везли дизели на двух тракторах с саночными прицепами. Грунтовая, недавно проложенная дорога была в заносах и ухабинах. Тракторы вгрызались в сугробы, буксовали, но... тихонько ползли вперед. Никита сидел в кабине второго трактора рядом с Венькой, мужичком неопределенного возраста, с пухло-бледным лицом. Все его движения неуверенные, какие-то корявые, а фигура помятая, будто без костей. Чем-то напоминал он изношенный коленвал – мало толку, но и выбрасывать жалко.

Мысли снова вернулись к Татьяне. С каких это пор стала она трактористкой? Была техником-геологом, училище кончила, а технику, помнится, не любила. Где была она эти три года? И с кем? Чем занималась? Может быть, Венька – ее муж?.. Нет, не похоже. Она почти не изменилась. Только черты лица стали по-женски жесткими и решительными да блеск глаз острее, колючее – верные признаки одинокой женщины. Вообще-то никогда не угадаешь, что пережила женщина и что у нее на уме...

Мороз все набирал силу: тракторы плыли в облаках серого тумана. Бока железной печурки в кабине малиново накалились. Венька торопливо швырял в огонь короткие сосновые чурки и поминутно одергивал полы затасканной шубейки. Но холод со всех щелей неутепленной кабины протягивал свои руки.

– Трактор бы не накрылся, елки-палки, – бормотал Венька. – Накроется – капут нам, елки-палки!

«Видно, осердился не на шутку, хочет наверстать упущенное, – подумал Никита о морозе. – Пусть жарит, пусть!»

Поглубже нахлобучив шапку-ушанку, уселся поудобнее. Ему зябко не от холода, а от мысли, что рядом с ним человек – то ли свой, то ли чужой – который знает всю его подноготную. И хотя в его короткой биографии нет ничего предосудительного, он никогда не рассказывал о себе.

Ничего необыкновенного в его жизни не было. Вырос в глухой охотничьей деревушке, воспитывался у тетушки. Все началось с маленького подвесного моторчика. Его привез из райцентра тетушкин муж. Детвора ни на шаг не отходила от хозяина, когда тот копался в моторе или запускал его. Однажды мотор забарахлил – не заводится да и только. Бензин идет, искра есть, а работать не хочет. Полдня бились, собрали всех маломальски разбирающихся и совсем не разбирающихся в технике. Дело не сдвинулось с места. Наконец Никита глухо сообщил, что нет на свечке медного колечка, оттого-то и не заводится мотор. Не поверили охотники, но все же надели на свечу прокладку, направили как следует. Дернули раз, другой – и запыхтел мотор. Тут порешили охотники-старички, что быть Никите не следопытом таежным, а «машинным человеком».

В четырнадцать лет он уже хорошо знал устройство всей «техники», бывшей в деревне, начиная с электро-

станции и кончая киноаппаратурой в клубе. Через год он собрал свой первый двигатель из металлолома. Поработал всего минуты две-три – разлетелся на куски. Но память оставил – рваный шрам на левой щеке.

Потом плавал капитаном-мотористом на местном катеришке, поскольку желающих работать на нем не находилось. Двигатель держался на честном слове: всевозможных пробок и деревянных затычек было больше, нежели металлических. Но Никита не унывал и ладил с этим мотором до той поры, пока не развалился деревянный корпус старого катеришки. Затем сейс-мопартия, а позже пришел на буровую помощником дизелиста.

Декабрьский день короток как первый шаг младенца. В третьем часу пополудни на тайгу надвинулись сумерки. Фары бледными лучами выхватывали стлелые сугробы, продрогшие стволы и оледеневшие лапы таежных елей.

Лес мертвел от холода. Не слышно ни зверей, ни птиц.

В потемках переезжали реку по бревенчатому накату, вмороженному в лед еще в ноябре. Когда головной трактор выбрался на другой берег, Венька тронул свою машину. Он чаще обычного переключал скорости, чтобы быстрее миновать опасный участок пути: бело-ледяная река угнетающе действует на человека особенно в жестокий холод, напоминая теплое лето...

Почти у самого берега прицепные сани съехали с обледеневшего наката.

– Стой! – закричал Никита, схватив Веньку за плечо.

Звонко хрустнуло железо – опоздал. Лед затрепал и сани медленно, как бы нехотя, погрузились в реку. Когда Никита выскочил из кабины, все было кончено: из воды торчали цилиндры трех дизелей.

Течение играло свежесколотыми льдинками. Они звучно бились о серебристое железо дизелей.

Полынья выдохнула серое колючее облако.

В чаще гулко, как выстрелы в ночи, лопались от мороза сосновые сучья.

Вдруг стало жарко – Никита распахнул полушубок.

– Гони трактор на берег! – услышал Никита властный голос женщины.

Венька вздрогнул, чертыхнулся и бросился к машине.

Женщина возле трактора осматривала обломки прицепа, лопнувшего по отверстию. Зачем-то вытаскивала штырь, постучала по серьге, будто проверяла на прочность.

– Усталостный излом, – неуверенно выдохнул из кабины Венька.

– А морозный не хочешь?! – насмешливо спросила женщина.

Венька захлопнул дверцу. У полыньи они остались вдвоем.

– Застегни шубу, – сказала она таким голосом, словно только вчера расстались. – Пошли на берег!

Никита молча повиновался.

Теперь втроем сидели у костра и пили крутой кипяток. Тепло разморило Никиту – слипались глаза. А Венька примостился возле женщины, и они пикировались меж собой. Никита молча слушал сквозь нахлынувшую дремоту.

– Ну, что, Вениамин, не хочешь искупаться?

– Ей-ей, у меня ангина!..

– С утра был здоров?!

– Хворь в любой миг пристанет.

– Когда особенно ждешь ее.

– Может, на буровую сгонять? Так я мигом!..

– По такой-то дороге?

– А что – дорога как дорога!

– Да и там мало охотников найдется.

– Эх, если бы не ангина да не сердце... – вздохнул Венька.

– Между прочим, у всех сердце имеется.

– Так-то оно так...

– И про печенку можно вспомнить, которая не любит ледяную воду. Как быть?

– Как быть? Эх, кран бы сюда! – мечтательно протянул Венька.

– А водолазный костюм не хочешь?!

– А что – не отказался бы. А еще лучше – спиртику бы!

– Тогда бы, небось, про ангину и сердце не вспомнил бы.

– Эдак, с литрочку – эх, потрянул бы стариной!

– Тогда бы любой дурак полез...

– Дураки тоже в тайге на снегу не валяются – ценить их надо...

– Пусть уж где-нибудь на другом месте валяются.

Венька поводит шеей влево-вправо, втянул голову в плечи, вздохнул:

– Ух, глянешь на эти Севера – душа к косточкам пристывает, ей-богу!

– К пяткам, поди, пристывают, а еще муж-жик!..

– А что – я еще мужик что надо!

На этом они смолкли.

Никита приоткрыл глаза.

Люди, снега, ночь.

Теперь, при свете костра, тьма стала густой и черной, как смоль. Никита покосился в сторону полыньи и сердце тоскливо защемило, словно окунулся уже в ледяную воду. Дизели ни разу не подводили его, и он никогда не подводил их. Неужели теперь придется их бросить?!

Железо при жестоких морозах становится хрупким и легко ломается. Человек выдерживает немного больше. Поэтому-то Никита любил сильные морозы: все наносное погибает или убирается восвояси, легче дышать. Теперь он впервые чертыхнулся и на мороз, и на железо прицепа. С чем приедет на Р-19 он, старший дизелист? С неполным комплектом дизелей? Бурить-то ведь невозможно в полную силу. Черт с ними, с их рекордами и премиями – это его никогда не волновало. Главное – буровая без сердца, мертва она. По ее стальным жилам нечем гонять живительный раствор, крутой кипяток, сжатый воздух, электрический ток. Нечем поднимать многотонный буровой инструмент. Никому это не под силу, кроме старшего дизелиста со своей стальной упряжкой.

Проклятая река, просто так она не выпустит пленные дизели.

Между тем услышал слова «Сама полезу...» и подумал, что как мало она изменилась и, пожалуй, если считает нужным – и вправду полезет. Он хорошо знал ее характер.

Все эти годы Никита тешил себя тем, что встретится когда-нибудь с ней. Как и при каких обстоятельствах – этого он не представлял. Оттого-то сегодня ночью долго не мог проснуться – думал, что это сон. Только вот почему они разговаривают между собой так, будто его здесь нет? Может быть, уже обращались к нему, а он, занятый своими мыслями, просто не слышал? А разговаривают как люди близкие, давно знающие друг друга. Неужели все-таки муж?!

«Сама полезу...». Полезет... А стоит ли рисковать? Но вскоре его сомнениям пришел конец: он услышал голос своих дизелей. Они звали его на помощь, звали жалобно, настойчиво. Так звали они обычно по ночам, когда он моментально просыпался. Только теперь их

голос был хриплый, приглушенный толщей воды, будто они захлебывались. Никита снял рукавицы, заткнул уши: они все звали, звали, уверенные, что он услышит их зов, не оставит в беде. Никита облегченно вздохнул – теперь не будешь хитрить с самим собой, не будешь искать уловок.

А они все зовут, зовут. Их зов слышится все явственней, все отчетливей. Деваться некуда...

Стоя у черной ямы полыньи и обвязывая себя веревкой, Никита взглянул на женщину, жену, которая ушла от него три года назад. От холода она будто накалилась вся, но мороз не исказил черты ее лица, а сделал их резкими, суровыми и... милыми, словно вдруг она слилась с холодными снегами, декабрьским небом, с белой рекой, с чутким простуженным лесом, где отзывается малейший шорох. И, топчась у черной воды, Никите захотелось не ей, а чуткому лесу шепнуть: «Люблю». Лес повторит его слова. Для нее... Никита ни разу не говорил ей «люблю», все не было времени... Да и нежность считал он пустым занятием, стеснялся ее. Он покосился на Веньку – не украдет, не перехватит ли это слово. Но тот с бормотанием носился вокруг полыньи, подтягивал стальной трос и, видимо, был рад, что сыскался «дурак», который добровольно лезет в эту пучину. Ему было не до шепота ночного леса.

Завязывая последний узел, Никита сообразил, что в воде-то ведь плюсовая температура, а наверху под пятьдесят. И он осторожно шагнул в тихо журчащую бездонь реки, внушая себе, что там теплее.

...Когда он выбрался из воды – сразу окутался сизым паром, будто загорелся вдруг. Непослушным, одеревеневшим языком выдавливал:

– Са... ни примм... ерзнут выгт...

Венька бросился к трактору.

Женщина схватила Никиту за руку – повела к костру. Она не чувствовала холода. Ее рукав с каждым шагом все сильнее примерзал к оледеневшей телогрейке Никиты.

Мороз все крепчал.

Но звезды на небе сияли приветливо и тепло.

1977

ВО ТЬМЕ

Поздней весной, в конце Луны Нереста⁷, впервые за всю жизнь Ефрема обокрали. Из лабаза пропали две пары кисов⁸ – его и женины. Подивился Ефрем: кому летом понадобились зимние кисы? Кому же, кому?! С тех пор, сколько помнит себя, ничего не терялось. А ведь немало воды утекло за эти годы – по охотничьей книжке ему пятый десяток идет. Ничего не пропадало. А на лабазе даже пробоев для замка нет – кожаным ремешком дверцу привязывал, чтобы ветер не распахнул. И вот поди ж ты – обокрали!

Одно хорошо знал Ефрем: свои, местные рыбаки и охотники, не могли такой грех на душу взять. Не могли. Это ясно, как то, что сейчас полдень, а потом будет вечер, позднее – ночь и утро. И на кой черт своим летом нужна зимняя обувь?! Бывало, если кому-то и приспичит и что-то возьмет у соседа, так свой знак оставит. Мол, был у тебя человек такого-то рода и такую-то вещь взял. Свой родовой знак оставит. А потом сам

⁷ Луна Нереста в хантыйском календаре, основой которого являются небесные луны, соответствует концу мая – началу июня.

⁸ Кисы – меховая обувь до паха.

объявится и взятое вернет. Здесь же был посторонний, не знающий древних обычаев народа.

И в доме наследили. Три пустые банки из-под еды, коробки с замысловатыми картинками – курево, видимо, было. Чувал топили – летом кому это в голову взбредет?! Пищу на улице, на таганке готовят. По лежанке шкуры раскиданы – разве охотник в чужом доме такое допустит?! Ночевали, значит, и не убрали за собой. А перед уходом, видно, заглянули в лабаз и кисы прихватили.

На другой день все прояснилось. Недалеко от становища Ефрем обнаружил просеку – прямую и, казалось, бесконечную. Появляя хвоя лесин и пни с серым налетом подсохшей смолы сказали ему, что со дня их гибели Луна успела один раз народиться и умереть. За это время новые владельцы искусно разукрашенных орнаментами кисов бог знает сколько отмахали. Ефрем прикинул: острым, хорошо закаленным топором он бы за одну Луну проложил такую просеку до Озера Светлой Воды, откуда они с женой только вчера вернулись. А настоящие рубщики, наверное, уже до устья Агана добрались.

Он и не думал преследовать их. Все это прикидывал из охотничьей привычки определять всякое расстояние определенным временем.

Жена, как водится, сердито ворчала:

– Замок, замок надо купить! Сколько я тебе говорила?! Вон, у низовых, когда уже вещи стали пропадать!.. Тебе говори – не говори – все мимо ушей идет!.. Горе мне, горе! В чем зимой будешь ходить?! В чем зимой буду ходить я?! Тебе-то все равно!..

С Ефрема не так-то просто вытянуть слово. Все молчит. Видно, дорого ценит слово. Зато этот его недостаток с лихвой возмещала жена. Когда она говорила, казалось, кроме своих слов, ничего не слышала.

Ефрем всегда удивлялся, откуда у нее столько слов берется. На этот раз жена чихнула два раза подряд – получилась пауза. И он низким басом сумел слово вставить:

– Пешие, може, их обувь изнасилась...

В глубине души он надеялся найти какое-то оправдание рубщикам просеки. Вот, скажем, приспичило и взяли кисы, а свой родовой знак не могли оставить. Ведь они все без роду-племени, ибо давно утратили то, что связывает род с родом, человека с человеком. Но по тому, как взвилась жена, он понял, что сказал не то.

Жена градом обрушила на него поток слов:

– Пешие, говоришь?! Пешие! А твое-то какое дело? Обувь из-но-си-лась! Ох, скажешь тоже! В доме сколько сапог было?! Твои сапоги, мои сапоги, детей сапоги!.. Резиновые сапоги, кирзовые сапоги!..

«Женщина права», – подумал Ефрем.

– Новые сапоги, старые сапоги, дырявые сапоги!.. По-че-му не взяли?!

«В самом деле – почему не взяли?..»

– Ты мне скажи: почему не взяли, а?! – спрашивала жена.

И она такими глазами взглянула на мужа, что тому стало не по себе: будто он обокрал собственный лабаз, уволок свои и женины кисы.

– Эй-я, пропадем, – между тем причитала жена. – Пропадем мы с тобой, ни за что пропадем. И где я тебя такого выкопала? У всех мужья как мужья, а у меня?! Голову твою украдут – не заметишь, нет. Разве есть такие люди, а?..

Но она воочию убеждалась, что есть на свете и такие.

Он был со странностями. Так по крайней мере считала жена. Весь он, начиная с лохматой макушки,

черных доверчивых глаз, вечно обветренного лица с плавными линиями и кончая короткопалыми руками и ногами, – весь излучал божью доброту, божье всепонимание. И фигура какая-то округлая, и движения мягкие, неспешные. Злые языки говорили, что он даже не прищепнет комара, насосавшегося его крови, – жалко изводить живность. А на охоте будто бы сначала прощение испросит у зверя, только после этого стреляет, если тот не покажет ему хвост.

Но несмотря на это, Ефрем считался в колхозе не последним охотником.

– В суд надо подать, – бубнила жена. – Может, найдут воров, стоимость кисов вернут...

«Куда только ум женщины не ходит, – молча удивлялся Ефрем. – Суд ей подавай, придумала же. А кого судить-то?! И где в тайге-то этих судей возьмешь? Всю жизнь без них жили – и теперь как-нибудь проживем...»

– В поселок бы съездил, к председателю Совета сходил бы, – продолжала жена. – Может, помог бы чем. Какие кисы, какие лапы⁹ были! Осенние лапы. Белые, как первый снег. Где ты теперь такие возьмешь?

Ефрем помалкивал.

«Кого вспомнила – председателя! – удивился он. – Не помню, когда видел его трезвого... Надейся на него!..»

– Хотя умел бы что-нибудь доставать! – ворчала жена. – А коль сам не можешь, так на помощь надо звать, в поселок надо ехать!..

Ефрем только побряхтел осторожно. Сколько живет на своих угодиях, все время обходился без посторонней помощи. На охоте ли, на рыбном ли промысле, с топором на срубе дома или лабаза – все делал своим

⁹ Лапы, или камус, – шкура с ног крупных домашних и диких животных.

умом, своими руками. Никому еще не кланялся, а тут из-за каких-то кисов. Как-нибудь обойдемся без них, решил он. Не пропадем, поди.

Лето пролетело спокойно.

Осенью, перед ледоставом, семья перекаслала в Осеннее Селение на Старице, а оттуда потом перebrалась в Зимнее Селение на сосновом бору.

Зиму, слава богу, перезимовали. Ноги не обморозили.

Дожили до весны.

А вскоре комары принесли на крыльшках знойное лето.

Это лето оказалось не похожим на все другие лета. Вода в Агане совсем помутилась: ползут и ползут вверх по реке самоходки и катера с баржами на буксире. Везут большие и малые машины, деревянные и железные домики, ошкуренные бревна и тес, какие-то мешки и черные трубы.

Все это наблюдал Ефрем, когда вечерами усаживался на широкий пенек перед домом и курил трубку. Бывало, катер гуднет и приткнется на берег возле лодки Ефрема. Выходят катерники, разминают ноги, прищелкивают языком, оглядывают селение.

Голосистые все, как птенцы, вылетевшие из гнезда.

Разговор держит хозяйка. Катерники ее Секлетиной Ивановной кличут. На русском языке у нее столько же слов, сколько и на родном. А может быть, даже больше. Потому как многие ее слова не доходят до Ефрема, хотя он понимает почти все, когда спокойно говорят. Но у женщины, известное дело, язык без костей – сразу за двоих или троих работает.

Между тем хозяйка угощает гостей чем бог послал. Насчет этого у Ефрема строго: пришел гость – кто бы ни был – угощай чем богат, не роняй достоинство дома. Твое гостеприимство учтут Распределяющий

Зверя, покровитель таежных зверей-птиц, и Ас-ики¹⁰, покровитель рыбьего царства. Эти боги потом с лихвой возместят то, что было поставлено гостям. Может быть, поэтому удача всегда сопутствует Ефрему на промысле. Ведь он ничего не жалеет для гостей.

Он вглядывался в гостей, прислушивался к интонациям их голосов. Его цепкая память навсегда укладывала в голове их внешность. После, если будет нужно, он вспомнит, где видел человека.

Лица-то вроде бы доброжелательные, отмечал он про себя. И глаза будто бы чистые. Только у одного катерника не разберешь, спрятался за железными глазами – очками. Не сразу поймешь, что за человек...

Когда гости собрались в путь, хозяйка, как это было принято испокон веков, приносила им копченую рыбу или мясо, ягоды или орехи. Смотря, что есть под рукой.

Ефрем провожал гостей до причала. Если не сделаешь это – удачу дома увезут. Поэтому обязательно нужно проводить, чтобы удачу вернуть. Молча смотрел он на бурлящие под винтом воды Агана. Раньше такого оживления на реке не было. Только по веснам, в половодье, шлепали вверх рыбокооповские катера с баржами на буксирах – завозили в поселок продукты и другие товары на год. Те караваны никогда здесь не останавливались. Видно, спешили. Ходил в те времена и маленький черный катерок – почту возил. Двое там плавали. Ефрем с ними дружбу завел, иногда ездил на их суденышке за покупками. Теперь, по слухам, заменил их почтовый вертолет.

Все меняется. Как-то незаметно идут дни и годы, месяцы и десятилетия...

– Слышал, в верховье новый город начинают строить, – сказала жена после отъезда гостей.

«Зачем этот город?!» – молча удивился Ефрем.

¹⁰ Ас-ики – буквальный перевод: «Обь-старик».

– Перво... перво... проходимцы, что ли – так они себя называют – там станут жить, – пояснила жена. – Словом, кто первым ходит по нашим тропам...

Это немного озадачило Ефрема. Дело в том, как он считал, что первые очень давно, еще в задревнюю древность, протоптали тропы на землях Севера. Кто они? Ханты ли, ненцы ли, возможно, селькупы и чукчи... А эти, вновь пришедшие, стало быть, тоже хотят быть первыми. Будто не было первых. Впрочем, какое это имеет значение. Пусть зовут себя, как им нравится.

– Какой-то горючий жир земли ищут, – рассказывала жена. – Что-то вроде керосина.

Она помолчала. Потом вдруг ее осенило:

– Может, этот горючий жир в лампу можно заливать, а?

Ефрем, как водится, слушал молча.

– Вместо керосина – вот хорошо было бы!

«Если и дальше так пойдет, хорошего будет мало», – подумал Ефрем.

– Только одна беда – спокою теперь не будет!..

Жена помолчала, потом сделала неожиданный вывод:

– Спокою не будет – замок покупай, замок!

Но Ефрем и не подумал о замке. Он по-своему рассуждал. Человек всегда лезет туда, куда его не пускают, размышлял он. Увидит замок – заинтересуется, что там такое от него прячут. И захочется ему полезть туда из любопытства, будь он даже и не вор. А нет замка – значит, ничего там необыкновенного нет. Все зло, значит, от замков, от недоверия к человеку. Жили всю жизнь без замков – так и теперь проживем, решил он.

Так в нем и не появилось уважения к замку.

Наступила пора спелой морошки.

На болото за ягодами надо съездить, настаивала жена. Пока морошка в мох не капнула. И дети, две

девочки и мальчик, приехавшие из школы-интерната на летние каникулы, ходили за отцом. Просились в дорогу, просились на морошку. Ефрем и сам не прочь был поездить. Давно не видел свои болотные земли, поэтому махнул в сторону лодки – мол, собирайтесь. Собрались, уехали.

Вернулись через неделю. И обнаружилась новая пропажа, исчезли две капроновые сети, висевшие на деревянном крюке в доме. Как водится, жена завелась на ходу:

– Что я тебе говорила, убедился?! Что скажешь?! Может, скажешь, у них карманы из-но-си-лись?! – вспомнила она слова мужа про кисы. – Деньги износились, купить не на что?!

Молчал Ефрем. Что тут возразишь?!

– А сети капроновые, колхозные, советские! Слышишь, колхозные, советские. Раньше за такое дело под суд отдавали. За потерю, за вредительство. Раз сам никого не хочешь судить, так тебя самого возьмут, самого засудят в темном доме...¹¹

Жена тяжело вздохнула.

– Тебе-то, может, все равно, а я куда с детьми денусь?!

Как-то нехорошо стало на душе у Ефрема. Сети все-таки не кисы, из оленьих жил не сплетешь. Да тут еще жена со своим судом... И он тяжело разомкнул челюсти:

– Ими-эй!..¹² – отпечатал он и замолк – не знал, что дальше сказать.

Жена запнулась на полуслове – так весомо и внушительно прозвучал голос мужа. Чертовски трудно разозлить его, но если выведешь из себя – добра не жди. Это ей было ведомо, и теперь она поняла по интонации,

¹¹ Темный дом – тюрьма.

¹² Ими – жена, имиэй – обращение к жене (хант.).

что незачем раздувать огонь – лед тронулся, он что-то предпримет. Она помолчала, а потом, значительно поубавив тон, для приличия еще поворчала немного себе под нос.

Посадить-то, конечно, не посадят в темный дом, думал Ефрем. Не те времена. А вот стоимость сетей за просто вычтут, заплатить придется. Что поделаешь – украли так украли, теперь не вернешь. Ну, зверь есть, рыба ловится – как-нибудь проживем...

На этом он вроде бы успокоился. Но полного покоя все равно не было. Будто сам виноват в том, что у него украли сначала кисы, а потом сети. Хотя, в чем его вина?.. Не в том ли, что не может остановить воровство? Но как его остановить, каким образом?! К судье не пойдешь, прокурора не отыщешь, сторожа не поставишь, а делать что-то надо. Сам себя от воров должен оградить, сам...

И в конце августа, когда отвозил детей в школу-интернат, привез из поселка два амбарных замка. Выбрал самые большие, какие только нашлись на складе.

Жена облегченно вздохнула – наконец-то муж обрассумился. Но, однако, замки спокойно пылились на полке навеса-коптильни до следующей осени. Ефрем, будто позабыв об их назначении, явно не спешил водрузить их на свои двери. Но и жена знала свое дело – нудила потихоньку, донимала его. А когда поспела брусника и настало время выездов на ягодники, она наотрез отказалась оставлять селение «без присмотра замка». Тут уж Ефрем не стал перечить, наконец-то уступил: без жены план по бруснике никак не одолеешь.

Но совсем не долго продержались замки.

Однажды, в конце сентября, вернувшись с ягодников, женщина поспешила в дом готовить ужин, а Ефрем принялся выносить на берег берестяные кузова

с брусникой. Вдруг остановил его крик жены. Из неразборчивого потока проклятий на двух языках он разобрал только три слова:

– Взломали, украли, убили... – и так далее.

Ефрем осмотрел лабаз.

Неотомкнутый замок висел на одном пробое. Второй вырван ломом – на бревне остались вмятины. Весь пол покрыт шерстью и перьями. Воры не убрали лещенку, по которой проникли в лабаз. По ней поднялись туда мыши и попортили меховую одежду – хоть выбрасывай.

Отпороли выдровый капюшон малицы – видно, на шапку. Исчезли одна оленья шкура и две гусиные шкуры. Это, конечно, уже не мышьяная работа.

А самая большая потеря – украли малокалиберную винтовку. Единственную, бесценную.

Ефрем сначала не поверил – весь лабаз перевернул, все перетряхнул, но винтовку не нашел.

Охотник без ружья – не охотник.

У ружья, как и у человека, своя судьба. Историю этой винтовки Ефрем помнит до мельчайших подробностей. Он, как только увидел такую «малопульку» – так их еще называли, – сразу опытным глазом таежника оценил ее. Далеко бьет, легка при ходьбе пешком, не нужно заряжать патроны, почти не портит шкуру зверя. Словом, никакого сравнения с дробовиком. В не столь давние годы ружья свободно продавались охотникам в поселковом магазине. Но потом, особенно на покупку нарезного оружия, стали требовать кучу разных справок и разрешение милиции. А где она, эта милиция? В городе, районном центре, на Оби. В ту пору самолеты не летали. Зимой ездили туда на оленях, а летом – на попутных катерах. После долгих колебаний Ефрем все же пустился в дальнюю дорогу. В городе он многие дни потратил: за начальствующи-

ми чинами ходил, нужные им бумаги делал. Но малопульку все же добыл.

А как добывал – тайной осталось.

Никому он не рассказывал про свою поездку. И в районный центр больше не ездил. С тех пор встречу с милиционером считал плохой приметой.

Сейчас он угрюмо смотрел на замок, не оправдавший великие надежды его жены. Бормотал то ли вслух, то ли про себя:

– Проучу... Сам проучу...

Но проучить пока некого.

Теперь плохо дело, думал он. Малопулька на учете – потребуют, что скажешь?

Если раньше из него трудно было вытянуть слово, то теперь и вовсе замолчал. Даже с рыбаками-соседями, заезжавшими к ним, разговаривал неохотно, односложно отвечал на вопросы. По вечерам уже не садился с трубкой во рту на пень перед домом и не наблюдал за караванами судов и моторными лодками, что сновали вверх-вниз по Главной Реке, Агану. Что ни год – их все больше и больше. Что ни год – все дольше и дольше мутят они воды, с начала ледохода до самого ледостава. Что ни осень – тут и там вмерзающие в лед буксиры, не добравшиеся до порта назначения.

Суда по-прежнему причаливали к их дому. Но теперь, если прижимистая хозяйка не одаривала катерников при отъезде положенными им древним обычаем гостинцами, он ничем не выражал своего недовольства. Многого у него в голове перепуталось-переплелось: возможно, сегодня это гости, а завтра – воры. Как это объяснить?! Как это понять?! Разве этакое можно уразуметь?!

– Эти называют себя первопокорителями земли, – сказала жена после очередных гостей. – А те, что утром были, больше говорили о первооткрывателях... Очень

уж по нраву им это слово – перво... И кому ведомо, что они там напекоряли, наоткрывали, напроходили?...

– Первограбители, первовзломщики... – как водится, не то подумал, не то вслух сказал Ефрем. – Вот кто они!..

Взлом лабаза совсем сбил его с толку, будто по темечку ударили. Ведь никогда такого не случалось. Может быть, он раньше чего-то не понимал? Жил не так, как надо было жить?! А теперь времена изменились, по-иному все надобно делать. То мнилось ему, что взломали специально, чтобы посмеяться над ним, над его доверчивостью и добротой. То вспоминались слова жены, которая, видимо, более чувствительна к переменам в таежной жизни:

«Добреньким теперь не проживешь – быстро закроют, времена не те!»

Вот и выходит, что она права. Надо бы бежать с большой реки, перебраться в какую-нибудь глухую курью или старицу. Но как покинешь родовое селение, куда врос всеми своими корнями! Вростал многими поколениями, вростал столетиями. Кто знает, как вырвать эти корни?! Вот и жена после взлома заговорила об этом же.

Но и без ее поучений оскорбленная душа Ефрема требовала отмщения...

И вот, когда собрались в поселок сдавать бруснику, он решил проучить взломщиков. Замаскировал и насторожил старый образ-самострел. Выстрелит, как только заденут нитку-насторожку, привязанную к замку на двери лабаза. Заряд соли должен навсегда отбить охоту к чужому добру. Все рассчитал до мелочей, чтобы задело только руки. Хорошо бы, конечно, у взломщика мягкое место как следует посолить – тогда ни сесть, ни лечь, чтобы надолго запомнил. Но пожалел проходимца: ненароком повредит жизненно важный «струмент» – «маленькое ружье».

Несколько дней были в пути.

Съездили, сдали бруснику.

Сходили в магазин, закупили продукты и другие нужные вещи.

Вернулись домой под вечер. В сумерках лодка бесшумно ткнулась в белый песок причала. Осенние дожди подзадержались и вода все убывала – поэтому берег стал высоким. А склон до самого верха зарос долгой осокой, за которой не видно строений селения. Чтобы не спускаться лишний раз, Ефрем сложил покупки в пустой бочонок для брусники и вслед за женой по узкой тропке двинулся к дому, в гору.

Неожиданно из рук шедшей впереди жены посыпались вещи. Ее худая спина словно дернулась от удара, подкосились ноги – и она свалилась. Всю ее беззвучно закорезило. Ефрем машинально сунул бочку в траву и бросился к жене. Но когда выскочил наверх – остолбенел.

Дома – нет!

Вместо дома – пепелище...

Глаза метнулись к лабазу.

Лабаза – нет!

Вместо лабаза – пепелище...

Глаза рванулись к навесу.

Вместо навеса – пепелище...

Тут – пепелище...

Там – пепелище...

Всюду – пепелища...

Только хлебная печь, вылепленная из глины, как бы стыдясь, что избежала участи соседней-товарищей, сиротливо горбилась, пытаясь вжаться в землю, на своем обычном месте.

Бочка, наспех сунутая в траву, словно от ужаса сорвалась со склона и, рассыпая покупки, понеслась вниз. Река пенным фонтанчиком приняла ее,

распаковала бумажные кульки и коробки, лизнула пряники и горький сахар.

Сколько времени Ефрем остолбенело вращал глазами – не помнит. Потом ноги понесли его от одного пепелища к другому. Словно надеясь разыскать что-то очень нужное, разрывал руками остатки головешек, обуглившиеся бревна, ощупывал обгорелые столбы. Перемазался в саже, забил ноздри пеплом, чихал, бормотал что-то – видно, ругался. Не найдя ничего, остановился перед пепелищем дома и неожиданно расхохотался: кого хотел проучить, глупый человек?! Самого проучили!.. Вот так!..

Жена очнулась от его смеха. Он чертом предстал перед ней – грязный, лохматый, черный от сажи и угля, светятся лишь белки глаз и зубы. Она все еще не могла вымолвить ни слова, лишилась дара речи, вся дрожала в ознобе. Наконец от испуга разлепила губы и прошептала:

– Спя-тил...

Но Ефрем вдруг выхватил попавшее под ноги ведро, будто нашел то, что искал так упорно, сунул в него нос и, повернувшись к жене, выкрикнул разумные слова:

– Вот тебе горючий жир земли!..

Он отшвырнул ведро в сторону реки и, повернувшись спиной к пепелищам, тяжело опустился на подгнивший пенёк. Кое-как набил табаком трубку, раскурил ее и, лишь задохнувшись горьким дымом, вроде бы затих.

Было пусто.

Было пусто в голове.

Было пусто в душе.

Тоскливая пустота больно сдавила сердце. Затих, впал в забытье. Вывел его из этого состояния далекий голос жены:

– Вставай, ночь уже на наши головы легла...

И он, как бывало, не то подумал, не то сказал вслух:

– Вот и конец нашему Дому...

Наступила ночь. Он не знал, куда ткнуться в этой тьме.

А тьма все сгущалась. А тьма все поглощала пепелища, берег, лес и, наконец, поглотила все вокруг, будто никогда не стояло здесь древнее селение, будто никогда не жили тут люди охотничьего рода Ефрема...

1977

ВРЕМЯ ДОЖДЕЙ

Дождь родился так давно, что коллектор буровой Вера Тарлина уже забыла тот день, когда продырявилось небо и наступило время кислой воды. Тучи облезлыми оленьими шкурами лежали на вершинах кедров, прижав к земле таежных птиц, продрогших и насквозь мокрых. Дождь сеял бисеристо мелкий и нудный – проникал во все, что стлыло под небом. Буровики стали неуклюжими и сырыми, как тяжело больные водянкой. На небо уже не смотрели, а угрюмо, без всякой надежды взирали на чвакающую под ногами грязь. В деревьях и травах путались туманы, пригнулись кусты, унылые и безрадостные.

Возле буровой глухо ворчал ручей, разбуженный дождем.

По утрам небо прояснялось, тучи нехотя напозлали друг на друга, на мгновение прорывался изможденный лучик солнца. Вместе с ним прорывался на буровую и вертолет с глиной и бурильными колоннами, с людьми и продовольствием. Но потом все начиналось сначала.

И сегодня, когда Вера бегала на вышку замерить раствор, промокла до нитки – не любила кутаться в грубые казенные плащи. В темноте тесного балочка она скинула одежду и переоделась в сухое.

На дощатой крыше монотонно плясали дождевики. По стеклам ползли темные струйки воды. Ночь уставилась черным оком в маленькое оконце.

Девушка долго сидела на постели, прислушиваясь к шуму дождя. А он бесконечно вел свою грустную беседу. Вел торопливо и тревожно, будто спешил, чтоб кто-нибудь не прервал. Но за окном непробиваемая стена августовской ночи. Девушке стало зябко, она закрыла глаза и натянула одеяло до самого подбородка. Дождь напоминал, как она попала на буровую. Он пересказывал ее жизнь.

У противоположной стены одиноко белела постель тети Устиньи, уборщицы и кастелянши. Она вместе со вторым коллектором Зинкой улетела на выходные. За год работы на буровой, несмотря на разницу в возрасте, Вера подружилась только с тетей Устиньей – дородной женщиной с громовым басом. По утрам, опершись на перила крыльца, словно командующий, она отдавала приказы, которые тотчас же исполнялись. Даже мастер, мужик крутой и своенравный, побаивался ее. Она знала только русский язык, хотя предки ее по отцовской линии были охотники-ханты. Она устроила Веру в нефтеразведочную экспедицию после того, как ее отец, возвращаясь из удачного промысла, по дороге на подбазу попал в «автомобильную катастрофу». Остались изуродованный труп, испуганная упряжка оленей и деревянный промысловый инструмент. Около Тарлина не обнаружили ни ружья, ни добытой пушнины. И осталась еще в таежном поселке семья – шестеро детей у матери на руках. Все мал мала меньше, лишь старшая Вера училась

в десятом классе. До весны кое-как тянули, сводили концы с концами. Потом Вера бросила школу и пошла работать в колхоз. Но от этого мало что изменилось. Тут-то тетка Устинья и пришла на помощь – помогла определить Веру на курсы коллекторов. Затем она забрала девушку к себе в бригаду, где работала. На парней рычала свирепой росомахой, не стесняясь в выражениях: «Эй, кобелье, кто обидит – шкуру спущу, собакам скормлю!». Поначалу всеобщее внимание смущало Веру. Смущало и в то же время просветляло жизнь: она не могла не улыбнуться человеку доброму. Но как только буровики начинали заигрывать, она становилась холодной и строгой, как безмолвная языческая богиня. Наконец оставили ее в покое. Лишь новички глазели на недоступную, заманчивую в своей восемнадцатилетней свежести девушку и пытались завоевать ее расположение, но натыкались на ледяную отчужденность и отходили. Еще она постоянно ловила на себе откровенно вожделенный взгляд лохматого плюгавенького помбура Митрохи, вечно угрюмого и озлобленного. Кроме отвращения, он ничего не внушал, не было даже страха.

В эту ночь, возвращаясь с вышки, она видела свет только в одном балке. Если бы замедлила шаг, то сквозь шум дождя уловила бы свое имя. Но она спешила.

Дождь проникает во все закоулки. Он плохо видит в ночи, но хорошо слышит. И водяным языком пересказывает все, что услышит. Девушка уснула, не услышала, что говорил дождь. А он, не зная, что она спит, продолжал рассказывать о том, что делается на буровой в эту темную ночь.

В соседнем балке не спала вахта, что вот уже третьи сутки из-за дождя не может выбраться в поселок на отдых. Заросший угрюмый помбур Митроха, злобно сверкая кровавыми белками, тихонько рычал:

– Все прошел – но такой пакости не видел: помочь не выйдешь.

– Льет классно! – поддакнул молодой буррабочий.

– Разве это жизнь?!

– Не жизнь...

– Проклятый дождь! – ворчал Митроха.

– А на базе водка да бабы ждут, – поддразнил верховой.

– Канать надо отсюда, пока не скисли совсем!

– Кто же тебя загонял сюда, Митроха? – усмехнулся дизелист.

– Кто загонял?

– Сам себя и загнал за жирным куском – на кого ж рычать!

– Не твоего умишка дело – кто загонял! – огрызнулся Митроха.

– Не расстраивайся, Митроха, – водка от тебя не уйдет, – сказал верховой.

– И Маруська твоя не уйдет! – добавил буррабочий.

– Не расстраивайся, Митроха, – поддел въедливый дизелист. – Твоя Маруська сейчас с каким-нибудь помбуром спит! Ты там пока не нужен!

– Не тр-рожь!.. – зарычал Митроха.

– Что ты, Митроха, пошутил твой кореш! – миролюбиво сказал помощник дизелиста.

– Растравите мужика – так, пожалуй, пешком на базу рванет, – заметил верховой.

Тут все замолкли. Возможно, задумались о предстоящем отдыхе. После паузы бурильщик перевел разговор на другое. Ни к кому не обращаясь, сказал:

– Уголок дикий, что и говорить. Эдак лет через двадцать таких мест не будет – всем завладеет человек.

– Завладеешь! – скривился Митроха. – Тогда не останется ни одного грамма нефти, ни одного дерева, медведю не хрен будет делать. Я видывал уже такое.

– За двадцать лет всю тайгу не вырубить, шалишь!
– Ты будешь рубить, не я. Не все же тебе к Зиночке бегать.
– Хе, а кто сегодня к Зиночке идет?
– Куда ее в такую погоду?
– Да она же улетела последним рейсом. Видал, как садилась в вертолет. Сейчас она с пилотами али с технарями в худшем случае. Осталась одна Верочка.
– Ну, эта мигом глаза выцарапает.
– Да...
– Приручить бы надо. Ничто перед топором не устоит, на что уж тайга стояла веками, и то под корень бульдозера срезает.
– Попробуй, это дитя природы никому спуску не дает...
– Где Устина? – поинтересовался Митроха.
– На выходные, поди, улетела.
– Тэк, тэк...
– Да, в поселке счас лафа – эх, скорей бы этот чертов дождь кончился. Вкалываешь ради выходных, теперь жди.
– Будет погода, все наверстаем, ребята, а пока – терпи.
– Митроха-то вон уже расклеивается от сырости, аж слышно, как косточки скрипят.
– Иди, Митроха, пошарь у Михеича – у него спирт для втирания был. Найдешь – королем станешь!
– Может, завтра распогодится, не вечный же дождь!..
Помолчали, потом верховой начал:
– Вот у меня шмара была...
– Кончай базар, спать пора, – прервал бурильщик. – Вырубай свет.
– Так ведь рано еще...
– Утром не поднимешь вас.

– Ладно, давай уж...

В балке понемногу угомонились.

Дождь отяжелил мрачные елки, незванным гостем забрался в укромные дупла, в некогда уютные и теплые гнезда, врывался в норы и логова лесных обитателей. Будто перед всемирным потопом, он давно переполнил реки и озера. А ручей, что петлял недалеко от балков, срывал листву с прибрежных кустов и в мутном потоке мчал в темноту ночи.

Теперь дождь городил неведомо что. И девушка, проснувшись, перевернулась на другой бок, потеплее укуталась в одеяло. Из шума дождя приглушенно урчала буровая. Подумала девушка – идет спуск-подъем инструмента, не нужно замерять раствор – нет пока надобности по раскисшей тропинке бежать к вышке. Но тут же устыдилась этой мысли: она вот здесь, в тепле, на минуту боится выйти на улицу, а каково сейчас односельчанам, рыбакам, охотникам, да и тем же ягодникам, которых дождь застал в лесу?! Над головой у них неказистые шалаши, а то сидят просто под разлапистым кедром у костра. А при обложном дожде огонь едва тлеет. Она почувствовала, что холодная капля поползла за ворот и, как в детстве, по телу прошел озноб. Хотя, помнится, тогда все-таки в жизни ее было больше солнечных ясных дней. Может, теперь так кажется. И этот дождь... беспросветный, постылый, неожиданно вторгшийся в эти дни, пришел задолго до времени ненастья. Отец, бывало, говаривал, что август – лучший месяц лета – щедрый месяц созревания плодов и семян, ягод и трав, месяц окрепшей птицы и тучного зверя, а тут?! И в природе, кажется, все смешалось. Зима в этом году была на редкость сырой и тягостной, в январе шел дождь. Циклоны-антициклоны?.. С чего это?!

На буровой делаешь замеры раствора и заносишь их в вахтенный журнал и все. Какая же это работа?!

Вот у матери в колхозе – раз поднимешься по шаткой лестнице вверх на крышу холодильника, да с носилками измельченного льда, так сразу поймешь, почем фунт деревенского хлеба...

И Вера с тяжелым вздохом задремала.

А дождь уже пересказывал сон, который ей снился. Будто приехала она домой, а бывший одноклассник Вася Карамкин уговаривает ее, чтобы она не возвращалась на буровую. Я удачливый охотник, говорит Вася, поженимся, возьмем к себе твоих сестер и станем жить в деревне. Я стану приносить тебе самых лучших зверей и птиц тайги, буду кормить самой вкусной рыбой ее рек и озер, самой спелой и сочной ягодой ее болот и боров. Снаряжу в соболя и лисьи меха, как нашу древнюю богиню. Что тебе еще нужно?! Зачем тебе буровая, которая плачет днем и ночью, пугает зверя и рыбу. Захочешь – и я стану самым смелым и отважным охотником, один буду ходить на медведя и на сохатого в осеннюю пору. Она в ответ засмеялась и поцеловала его. Сказала, что буровая вовсе не плачет, бывает только веселой. Или грустной бывает и никого уже давно не пугает и Васе никуда не надо ходить – и так хорош, и не нужно спешить – ведь впереди еще столько светлых и радостных дней. И нет большего наслаждения, чем жизнь в ожидании счастья. Что же на это ответил Вася? Ах, как жаль, что сон на этом оборвался.

Дождь залепетал что-то несуразное, о чем-то неведомом и темном. Почему сладкие сны обрываются на середине? Почему они так коротки? И почему они быстро не сбываются?!

Лицо Васи, размытое дождем, уплыло в ночь, его милый голос потонул в шуме воды.

Буровая спала, опутанная сеткой дождя. На вышке дремали фонари под привычный стук дизелей и визг

лебедок. Тайга, вплотную подступившая к буровой, настороженно молчала.

Девушка лежала с открытыми глазами. Дождь теперь донимал ее зловещим шепотом, что время повело ее куда-то вперекос, не туда, куда ей надо было. И это началось полтора года назад, до этого не было никаких зигзагов. Была у нее мечта, не видимая никому тропа, которую указала бабушка. Бабушка умирала тихо, без стонов и причитаний, будто не больная она вовсе, может быть, оттого ее кончина так четко врезалась в память Веры. На лице старухи не было страха, а только грусть, до того земная человеческая грусть, что девочка не поверила в ее смерть. Но бабушке закрыли лицо и сказали, что она теперь не человек. Что было после – Вера не помнит. Потом выяснилось, что бабушка умерла из-за какой-то пустяковины, и будь в поселке врач, он бы спас ее. А врача в те времена не видали, жил здесь только фельдшер. Почему не было врачей – никто толком не знал. Может быть, их просто не хватало, а может, никто не хотел ехать в глухое таежное селение. Вот с тех пор и решила Вера выучиться на врача. Выучиться и обязательно вернуться в родное селение, и лечить рыбаков и охотников, их жен и детей. Разве найдешь лучше профессии, чем врач? Разве не в этом смысл жизни, чтоб искать и находить свое место на земле?! Разве дочь охотника теперь не хозяйка своей судьбы?!

В школьной библиотеке Вера перечитала всю литературу, где хоть чуть-чуть упоминалась медицина. Она с нетерпением дожидалась летних каникул, чтобы устроиться санитаркой в поселковый медпункт. Приходили и радости, большие и маленькие. Главным событием стал тот день, когда фельдшер с мясистым красным носом, по прозвищу Скипидар, подарил ей старый фонендоскоп, и она замерла, услышав биение

своего сердца. А сердце, оказывается, умеет разговаривать: оно прыгало, скакало, трепетало – столько в нем было жизни и радости, что хватило бы на все село. Да что на село, на всех живущих на земле хватило бы! И легкие тоже... поют, но поют тихо, чуть слышно, словно воздушные лесные феи. Чудо, а не прибор. Слышишь, как едет, именно едет, а не бежит кровь по своим таким важным делам. Едет неторопливо, степенно. Приложи палец к чуткому стеклянному уху этого чуда и услышишь, о чем бормочет он. Можно, наверное, услышать разговор подснежников ранней весной, любовную песнь цветущей черемухи, дыхание листьев и трав в пору белых ночей. Это ли не чудо? Если ты однажды уловил все это, то потом невозможно свернуть с намеченной тропы...

Проснулась Вера от тягучего скрипа оконной рамы – в балокдохнула сырость и ворвался шум дождя. И тут же мокрая склизкая ладонь ожгла ее губы – кто-то черный и лохматый, дохнув перегаром, навалился на нее. Рванулась из последних сил – затрещала разрываемая ночная рубашка. Захлебнулась криком – не вырвался крик, умер, погас крик, не родившись...

Дождь неистово молотил по балкам. Небо рыдало не переставая. Тайга угрюмо насторожилась, тревожно зашелестела, вздрогнула от корней до хвоинки, забормотала что-то, обреченная. В ложбинке за буровой стонал осинник, роняя пурпурно-красную листву, – как только они отрывались, их пожирала бездонная ночь, что тонула в переполненных реках и озерах. На гриве морщились и стонали древние кедры – у них шелушилась кора, будто дождь раздевал их донага...

Ручей яростно клокотал и давился желто-мутной пеной и ветками.

Смуглая девичья рука безжизненно откинута на скомканную подушку. Пальцы холодны и непод-

вижны. И вся она словно помертвела заживо. Не слышала тяжкого стога тайги, взволнованного торопливого голоса дождя, равнодушного говора дизелей. Все слилось в черный комок ночи, которой не будет конца. Бесконечность ночи. Не существовало буровой, тайги и людей. Солнце уже никогда не поднимется на небо. И не осталось ни одного человека на земле. Нет и милых образов близких когда-то людей. И оттого, что все кончается так просто и мгновенно, ее охватил черный негасимый огонь. Этот огонь сушил слезы – она не могла выплакать свое горе. Утро все не приходило, темнота стучалась, стала вязкой, как раствор на буровой. Дышать становилось все труднее, все тяжелее.

И вдруг она поняла, что утро больше не придет, солнца для нее не будет, а ночь эта бесконечна...

Скорбно, без слез смотрела тетя Устинья в неподвижное строгое лицо Веры, словно дожидалась, когда она встанет и улыбнется. Но тому не суждено быть. И старая женщина не выдержала. Опустилась на колени, простонала:

– Загубили душеньку мою... ироды!..

И заплакала навзрыд.

Дождь лил не переставая.

1977

КЛЯТВОПРЕСТУПНИК

1

Ослепительная вспышка полоснула по сухому темному лику Михаила Копылова, и над крышей так громынуло, что задрожала избушка и с потолка и верхних венцов посыпалась труха. Вздрогнул и Копылов. Он вскочил и заметался по избушке, словно загнанный волк. Стон просохших половиц еще больше подстегивал его – шальные глаза буравили старые стены и рвали черные сумерки. Ему померещилось, что сам Всевышний устами Ильи-пророка напоминает ему о неисполненной клятве и отцовском проклятии.

Его престарая матушка в темном закутке вцепилась в икону и шептала молитвы бесстрастной Казанской богоматери.

Грозы в июльский зной каждую ночь штурмовали село. Штурмовали всухую – оттого гром грохотал особенно яростно и часто. И в избах становилось невыносимо тяжело и душно.

Загрохотало пуце прежнего. Загрохотало возле самой печной трубы, словно молния метила в избушку

и вот-вот разнесет ее в клочья. Этот грохот вытолкнул Копылова в дверь – и он в два прыжка пересек двор и влетел в сарай. Тут он перевел дух и на ощупь пробрался в дальний угол, отодвинул ящик с каким-то хламом, по локоть запустил руки в рыхлую землю и вытащил завернутую в мешковину металлическую коробку. Откинул крышку, развернул тряпицу и клацнул хорошо смазанным затвором.

Глухо рыкнул.

И, сунув обрез под мышку, в темноте, между двумя молниями, пересек двор и открыл добротные ворота. Прижимаясь к пряслам, выжидая послевспышковые затмения, небольшими перебежками, не подобающими его возрасту, заторопился к чернеющему за околещей лесу.

Он спешил на расправу с комиссаром.

Выжидая очередную вспышку молнии, Копылов присел возле ветхого прясла. Хотя был уже поздний час и дело шло к полуночи, в окне светилась плошка и сквозь раскаты грома доносились голоса. Стукнула дверь – кто-то нетвердыми шагами вышел во двор и остановился у калитки. Заструилось где-то совсем рядом, чуть ли не над головой, и Копылов вжался в зловонную землю. Он сообразил, что это изба сельмаговской продавщицы Маньки и, стало быть, стоит над ним командировочный, который не знает местных. И Копылову захотелось раскрошить ему башку, но здравая осторожность и предстоящая расправа с комиссаром еще сильнее вдавили его в подгнивший навоз улицы.

Тут погасла молния, и он поспешил убраться подальше от злополучного жилища любвеобильной Маньки.

Хотя по-прежнему грохотал гром и на улице не видно было ни души, все равно Копылов хоронился у плетней и прясел, будто кто-то невидимый следил за ним.

Рука наткнулась на толстые венцы, затем, словно из тумана, выплыл белый резной наличник. Он прижался к старым стенам и ощутил их древесное пыльное тепло, и сердце забилось чаще. Мой дом, подумал он. Бог когда-то надоумил – не пустил красного петуха. Про пепелище не скажешь «мой дом» и не ощутишь его тепло. Этот единственный двухэтажный дом в селе поставил дед Корней Копылов, здесь родился Михаил и теперь бы сидел и хозяйствовал в селе, кабы не «комсарик Никишка и Советская власть». И на него нахлынул прилив бессильной ярости: ироды, до чего довели его дом! Поочередно сюда вселялись Совет, потом правление колхоза, после – рыбкооп с конторой. А сейчас второй этаж отдали каким-то мелким конторкам, на первом же ютились спившиеся колхознички, называемые бичами. Одному богу ведомо, как еще не спалили! Но, главное, как он обветшал: резьба с наличников ободрана, крыльцо, словно хромяя нищенка, покосилось на один бок. Прохудилась крыша, и угол, по которому стекала дождевая вода, осел, вжался в землю. И Копылов молил бога, чтобы он непременно наказал красных за кровь и разорение России. И крепко надеялся, что его молитвы дойдут-таки до Всевышнего. Хотя нутром понимал, что при его жизни вряд ли будет возврат к тем временам, когда Копыловы были полновластными хозяевами, но мириться с этой мыслью не хотел.

Еще прапрадед Копыловых, ямской охотник¹³, за пятерку купил у живших здесь остяков¹⁴ этот лесистый остров и, постепенно завладев богатыми окрестными угодьями – пастбищами, покосами, рыбными прото-

¹³ Ямской охотник – так в XVII веке назывались переселенцы из России, жители ямских слобод, обеспечивавшие зимние и летние перевозки.

¹⁴ Остяки – прежнее название народа ханты, или обских угров.

ками и промысловыми урманами, заложил новое село. Русские переселенцы стали называть его «Копыловым», а обские же остяки сохранили прежнее название Поснакурт, что означает «селение на острове».

Было время, крепко стояли Копыловы на этом острове.

Он никак не мог оторваться от теплой безопасной стены «собственного дома». Вот за этими венцами, в угловой горнице на первом этаже умирал отец, Лаврентий Копылов. Зимой девятнадцатого года, в междувластье в селе, его привез на оленьей упряжке охотник-остяк в темную холодную ночь. Он лежал на широкой деревянной кровати и его жесткое лицо, обрамленное черной бородой, было обращено в потолок, словно он беседовал с самим господом богом. Наконец он оторвался от потолка и глазами подозвал жену. Она подошла и с почтительным трепетом остановилась у изголовья его кровати.

«Позови сына и оставь нас!»

Она мигом исполнила его приказание.

Мишка, со страхом поглядел на отца, осторожно приблизился к кровати. Отец приподнял воспаленные веки, поймал сына ясным и жгучим взором и тихо спросил:

«Ты знаешь, где твой дед?»

И хотя спросил он очень тихо, но Мишке показалось, что громыхнул на всю горницу – в здравии-то голос у него был дай боже. И поэтому Мишка поспешно прошептал:

«Знаю, на войне».

«А дядья твои где?»

«Там же, на войне...»

«На войне, на войне... – передразнил отец. – Нету их уже на войне...»

«Где же оне?» – робко спросил Мишка.

У отца что-то клокотнуло в горле, и он тяжело, с на-
тугой, почти выкрикнул:

«На том свете!..»

Мишку передернуло словно от удара.

А отец все клокотал утробно:

«Их всех комсарик Никишка кончил!.. Кого забил!..

Кого утопил!.. Кого заморозил!..»

Отец яростно сверкнул очами, в глухом бессилии
выдохнул:

«Ублюдок говенный!..»

Тут отец закашлялся, и у него горлом пошла кровь.
Мишка бросился за матерью. Прибежала мать с тряп-
ками. Она приподняла отцу голову и, поглаживая его
заросшую щетиной щеку и шею, что-то ласково стала
нашептывать ему. Возможно, молитву. Отец немного
успокоился, перестал кашлять – и приостановилось
кровотечение. Мать начала поить его отваром каких-
то трав, а потом он будто задремал. Но вдруг открыл
глаза, знаком велел матери выйти из горницы и, со-
бравшись с силами, спросил сына:

«За что комсарик их кончил?»

И сам же ответил:

«Потому как помыкать собою не позволили!»

Пауза – и снова ответ:

«Потому как разора не потерпели!»

Пауза – ответ:

«Потому как за батюшку-царя стояли крепко!»

Пауза – ответ:

«Потому как живота своего не пожалели!»

Отец снова помолчал, потом сказал наставительно:

«Заруби себе: всех твоих родичей комсарик Никиш-
ка кончил!.. Мне бы тоже каюк, кабы не ранило в бою!..
Ты – последний...»

Отец опять замолк надолго, наконец тихо и грустно
сказал:

«Помру я, Михайло...»

Помолчал, потом снова заговорил:

«За матушкой пригляди, Михайло – больше неко-
му...»

Мишка припал к постели отца и всхлипнул:

«Не надо, батенька-а-а!..»

«Ну-к, не хнычь, не хнычь! – сурово-ласково про-
говорил отец и положил руку на голову сына. – Дело
есть!..»

Он помолчал и, поманив сына поближе, зашеп-
тал что-то ему на ухо. Затем отстранил сына и застыл
на кровати. Мертвенно-синий свет луны резко отте-
нил черты его костлявого и властного лица. Он лежал
с закрытыми глазами, и Мишке невольно почудилось,
что отец не дышит. Он попятился от постели, но отец,
не открывая глаз, разомкнул губы:

«Смазывай хорошо, слышь?»

«Слышу!»

«А матери – ни-ни!»

«Понял, батенька!..»

«Неси икону!»

Мишка принес икону и отец глухо, будто уже с того
света, прошептал:

«Клянись!»

И Копылов-младший поклялся.

«Не отомстишь – прокляну! Слышь?»

«Слышу!»

«Михайло, ты – последний, больше никому...»

«Понял, батяня...»

«А на том свете я встречу комсарика как подоба-
ет!..»

«Слышу, батя...»

«Ну, так-то вернее», – отец будто свалил какую-то
тяжесть и, облегченно вздохнув, протянул тяжелую
жилистую руку.

И сказал сыну последние слова:

«Ну-к, упаси тебя, бог!..»

Сказав, он вытянулся на кровати – высокий и жесткий – и затих, будто преставился уже. Но мать, скорбная и тихая в последние дни, только на второе утро, с трудом сдерживая крик, глухо зарыдала. И Мишка понял, что отца не стало.

Нахлынувшие воспоминания еще сильнее прижали Михаила Копылова к стене «своего дома». Да тут еще настораживал сельский клуб, что стоял наискосок через улицу. Это была когда-то небольшая, но на совесть срубленная церквушка, которую тоже поставил в начале века дед Корней Копылов. Дед занимал в ней почетное место во время праздничной службы, а в будни ходил сюда отмаливать свои земные грехи. Без бога нельзя, гудел он в бороду. Теперь же здесь по вечерам крутят кино и устраивают пляски. Это у них «танцами» называется. Сейчас, вроде бы, там никого не должно быть. Но его смущал садик возле церквушки, густо заросший лебедой и бурьяном. Парни обычно девчат сюда водили. Между раскатами грома «туговатый на ухо» Копылов уловил шорохи в садике. Можно было обойти его стороной, но ему не хотелось тащиться по задворкам – отчего-то собаки недолго любили его и всегда рады побрехать на него.

Все сверкали молнии, но гром погромыхивал теперь где-то на окраине села, возле самого леса. И Копылов вдруг испугался, что упустит гром и тогда ему не расквитаться с комиссаром в эту ночь. Он все не мог оторваться от «своей» стены – садик нагонял-таки страхи. Тут он стал внушать, что тем, кто в садике, сейчас не до него – они ж ходят туда, чтобы укрыться от людских глаз. Стало быть, им нет никакого резона попадаться ему.

Илья-пророк снова подстегнул, и он, укоротив свою долговязую фигуру, засеменял к чернеющему невдалеке пряслу.

Копылов торопился к комиссару Никишину.

2

Революционер-большевик Арнольд Никишин в этом селе отбывал ссылку. Жил он в пятистенке бабки Лукерьи подле леса. Корнею Копылову он сразу пришелся не по нутру – молодой ссыльный мутит народ. Со всеми он выискивал общие интересы: и среди степенных мужиков терся, и к седебородым дедам подкатывался, и молодым сладкие речи пел. Полсела словесным поносом обмарал, ворчал Корней Копылов. Всем райство сулит, а сам за-ради райской жизни хребет не гнет, на казенных харчах сидит. Клянет батюшку-царя, а его куском не гнушается. Ишь, трутень-мутень свалился на наши головы!.. Копылов-старший особенно всерьез его не принимал. Но в смутные времена такие всегда на первом месте, соображал старик. Всегда наверх выскакивают. И чем они людей привораживают? Хитросплетенными словесами?! Бесстыдными посулами аль чем-то еще?! Но так и не разобрался, не успел. На село накатила Октябрьская революция, и Арнольд Никишин объявил себя представителем народа и новой власти, которую нарекли Советской. Копылов-дед мог тешить себя лишь тем, что в своих предчувствиях не ошибся. Но это не доставляло ему радости или удовлетворения.

Свои счета с комиссаром Никишиным были и у Копылова-внука. К тому времени Мишка отдал свое сердце глазастой Евдокии Сухоруковой. Крепко-накрепко она завладела его сердцем и умом, будто каким приворотным зельем опоила. На всех вечеринках была

Дуняша заводилой среди сельских девчат. Особенно Мишка любил слушать по вечерам ее чистый и нежный голос, что уводил песню высоко-высоко, в самое поднебесье. Слушал Мишка ее напевы, а вот дотронуться до ее льняно-белых кудрей не отваживался. Так ему и не суждено было прикоснуться к ее чудным легким волосам. В село приехал Никишин, и Дуняша Сухорукова вместе с частью сельской молодежи подпала под его влияние. Дед же Корней Копылов задал Мишке появляться в избе бабки Лукерьи, где жил, как он выражался, «нехристь, смутьян и каторжник». И ссыльный Никишин стал для Мишки смертным врагом. Он отнимал любимую женщину, первую любовь. Этого-то Мишка не мог простить ему. Такое не прощается... Эх-х, Дуняшечка, да ты хоть поглядела бы на его рожу-то, вздыхал Копылов влюбленный. Не рожка, а морда лошадиная. И вправду, у ссыльного было странное лицо: продолговатое – вытянутое сверху вниз. Продолговатый нос, продолговатые, как у лошади, зубы, подбородок. Только глазки были нелосадиными: глубоко сидящие, колкие и кровожадные. Да еще не было у него лба...

Мишка Копылов, как всякий деревенский, любил коней. Но это несоответствие даже по прошествии многих лет все озадачивало его: почему на таком чудовище появились черты благородного животного?! Впрочем, многие односельчане считали политссыльного вполне симпатичным малым и ничего лошадиного в его облике не находили.

Тут начался, по выражению комиссаров, «кулацко-эсеровский мятеж», охвативший весь Обской Север. И Евдокия Сухорукова ушла к красным сестрой милосердия. А вскоре в село пришла весть, что она погибла.

Эх-х, Евдокея-душенька, Евдокея-любушка, что же ты наделала с собой?! Что ты наделала?! Что сделали

с тобой, ироды?! Копылову по сей день она является во снах. Он посреди ночи просыпался от черной жгучей тоски – не будь комсарика Никишки, ведь Дуняшка наверняка не ушла бы к красным. Женское ли дело – война!.. Во всем, выходит, виноват комсарик. Копылов лежал до утра не смыкая глаз. Лежал неподвижно и слушал, как в бессильной злобе плакала избушка. Это плакала его душа... Евдокея-то детей могла народить мне, думал он, кабы не комсарик. И жизнь, может быть, потекла бы совсем по другому руслу...

Погасла молния, громыхнуло, и Михаил Копылов затрусил к черному лесу, куда упиралась улица. Перевел дух лишь в ельнике, когда наткнулся на кресты кладбища. Взялся за оружие и ужаснулся – впопыхах не сунул даже под пиджак. А если бы попался кто?! Слава богу, пронесло! – и он быстро перекрестился.

На него дохнуло сладко-влажным духом прели и сырости.

На Копылова в упор смотрел комиссар. Молнияхватила из тьмы его продолговатое лицо, продолговатые зубы и кровожадные глазки. Столько в нем полыхнуло ненависти и непощады, что, казалось, даже смерть пред ним бессильна. Погасла молния, а Копылов все еще не мог прийти в себя, ошарашенный его пронзающим взглядом. И только когда в нутро стал заползать острый холод, Копылов очнулся и поспешно поднял обрез, передернул затвор и при вспышке молнии навел дуло на кровавые глазки комиссара. И, хотя на лбу выступила холодная испарина, он выжидал. Руки обрели твердость и теперь слушались его. Острый холод на это мгновение оттеснило чувство исполняемого долга за гибель рода Копыловых. Сейчас он снова стал полновластным хозяином двухэтажного дома, церкви, судов и барж, стрелевых песков, пастбищ и покосов и всего прочего, чем владел его дед

Корней Копылов. И, возможно, дороже этих секунд ожидания в его жизни ничего не было. Вот так, замерев, он готов выстоять сколько угодно, лишь бы чего-то выждать. В его голове до мельчайших подробностей промелькнуло прошлое, докомиссарское прошлое.

Что же ты натворил, комсарик?! Зачем столкнул человека с человеком, родича с родичами, народы с народами и пустил большую кровь?! Зачем?! За-ради чего?! За-ради добра и богатств?! За-ради высокой власти?! Но ведь в этой круговерти, пустив кровь и разорение, ты сам сгинешь и ничего не получишь! За-ради чего всю эту пакость сотворил?! Ужель бог отнял твой разум, чтобы твоими руками наказать землян?! Ох-х, господи!..

Но грохнул гром, и гром вернул его к комиссару. Он неспешно нажал на спусковой крючок, и от неожиданности его отбросило назад. Выстрел слился с ревом грома, увидел только рыжее пламя из ствола. Все, конец, точка. Вдохнул облегченно, расправил плечи и выпрямился во весь свой огромный рост и, сунув теплый обрез под мышку, не спеша, ни от кого не таясь, напрямую направился домой. По привычке ворота и двери закрыл на запор и тут, почувствовав размывающую усталость, опустился на кровать. Обрез перезарядил и сунул под подушку. Хотел отнести его в сарай и закопать, но тут по окну забарабанили крупные дождины. Дождь, едва начавшись, тут же перестал, а гром заревел еще неистовее. Теперь у Копылова не было сил и желания вставать с кровати.

С чувством исполненного долга Копылов закрыл глаза: свою клятву исполнил – комиссар Никишин убит.

Над головой отцовское проклятье не висит.

Духовную свободу обрел.

А над селом всю бесновался гром.

Утром он опять не спрятал обрез в сарае. Вдруг-то уже началось следствие по делу Никишина и всех подозрительных взяли на заметку, подумал он. А тут спозаранку Копылов со свертком в сарай, чего ни разу по утрам не делал. Нет, не след спешить. Пусть уж дома будет, соображал он. Если захотят меня взять, так патроны есть, живым в руки не дамся.

Он отворил калитку и выглянул на улицу – в селе было тихо и мирно, будто ничего не случилось. Поправил кепку и направился на колхозную конюховку, где присматривал за лошадьми и шорничал. Шел прямо, высоко подняв голову, не оглядываясь, но все подмечал из-под нависших бровей зорким оком. Если бы односельчане присмотрелись к нему, то заметили, что шаг его стал тверже и решительнее, словно он уже стал хозяином своего двухэтажного дома и завладел всем своим хозяйством. Но однако сельчане не баловали его вниманием, считали обыкновенным бобылем-чудаком – избушка разваливается, но он строит вокруг нее добротный крепкий забор. На кой ляд забор, если крыши нет?! Поди, разберись, что у него в башке! Только сельмаговская Манька, когда подолгу у нее никто не останавливался, пристально смотрела на долговязую фигуру Копылова – почувствовала его нерастрченную мужскую силу – и скалила белые зубы. Копылов же отворачивался, словно повстречался с самим дьяволом-искусителем в образе Маньки. Его года и впрямь трудно определить – на голове ни одного седого волоса и на лбу морщин не более, чем у всякого мужика средних лет. А бобылем, видно, остался оттого, что не захотел впустить в свою жизнь никого, кроме Евдокии Сухурковой.

Весь день, вздрагивая от скрипа плохо смазанных ворот, он чего-то ждал. Может быть, известия о расстреле комиссара. Но в селе было пока спокойно. Только на следующий день, повстречав на улице Копылова, председатель Совета спросил:

– Слышал, Лаврентьич, что пацанье-то наделало?!

И председатель сообщил то, что хорошо было известно Копылову, в конце добавив, что с пацанья взятки гладки – що, мол, возьмешь...

Копылов согласно кивнул. Он прислушивался к разговорам и посмеивался в душе – на этот раз председатель Совета сыграл ему на руку. Пусть все думают так, как нужно власти. Раньше он ни во что не ставил председателя, считал его колодой неповоротливой, хозяином без штанов. Все дела сельсоветовские вела секретарь, востроносая рыжая бабенка, которой он не опасался. Теперь надо же, председатель оказался нужным человеком. Несмотря на это, сейчас его интересовал и глава колхоза, который, по его мнению, мог бы быть настоящим хозяином села. Но тот, занятый своими делами, видно, вообще ничего не сказал или равнодушно принял известие о гибели комиссара.

Но Копылов постоянно был начеку. Он внимательно наблюдал за участковым, который приехал в село на третий день после той ночи. Уже вообразил, как ловко стал бы водить за нос следователя, случись, заподозрили бы его. Ведь улики-то никаких, кроме обреза, о существовании которого даже родная мать не знает. И в нужный момент можно легко избавиться от него – Обь-матушка рядом. Да и кому бы пришло в голову заподозрить его, лучшего колхозника, безупречного работника и тихого незаметного селянина?! Теперича не те времена, думал он, когда не смел шелохнуться и пискнуть, не говоря уже о мести. Тогда за один только обрез мог загреметь в места, откуда нет возврата.

Но такая участь не прельщала его, поэтому и выжидал. Но к выжиданию его принудила и осторожность, которой при рождении господь Бог его наградил почему-то больше, нежели всех остальных Копыловых, отбывших уже в иной мир. Он все присматривался к участковому, но тот, переночевав у сельмаговской Маньки, укатил куда-то по своим делам. И жизнь в селе неторопливо потекла по старому руслу.

Чутким и осторожным стал Копылов. Советская власть за многие десятилетия впитала в его кровь эту излишнюю осмотрительность и осторожность: всем, кто высовывался и поднимался над толпой, красные тотчас отсекали головы.

Расстреляв комиссара, Копылов был готов ко всему. Он ходил по селу с высоко поднятой головой и всем своим видом говорил: вот он, я, последний из рода Копыловых, исполнивший свою клятву! Возьмите меня, попробуйте! Терзайте меня, убейте меня! Я готов умереть!..

Наверняка приедет милиция, думал он. Начнется следствие. На худой конец делом займутся председатель Совета, «партийный секретарь» или глава колхоза. Но пока тихо, и эта тишь беспокоила его. Если бы милиционер или кто-то другой попытался найти преступника среди детворы, хотя бы для острастки, то Копылов успокоился бы. Все-таки это удовлетворило бы его самолюбие, и расстрел комиссара еще больше возвысил бы его в собственных глазах. Может быть, комиссарик теперь ничего не значит, размышлял он. Нужен был только в гражданскую, когда истреблял противников переворота?! Но в его сознании комиссар всегда оставался комиссаром. Ведь не кто иной, а именно Никишин уничтожил весь кремень-род Копыловых и вытряхнул в преисподнюю все их нажитое за века добро. Тут ох какая сила нужна! Видно, и дед Корней Копылов

недооценил его. Корней, который никому спуска не давал и мог взять за рога самого дьявола. Не такие дела сотворил комсарик, чтобы так быстро позабыть его. Бродит комсарик невидимой тенью по селу. И Копылов всем нутром почувствовал, что борьба с ним только началась. Вся борьба еще впереди. Почудилось ему, что председатель Совета намеренно пустил ложный слух, что из города по телефону получил указание, чтобы усыпить бдительность мстителя и захватить его врасплох. При встрече, помнится, он дольше обычного задержал взгляд на нем, Копылове. Неспроста, выходит, неспроста. И глава колхоза, председатель то бишь, как-то слишком суетливо и быстро поздоровался с ним и заспешил невесть куда. И участковый, видно, не зря останавливался у любвеобильной Маньки. Ведь ее дом за три двора от избышки Копылова. Возможно, тот не с Манькой развлекался, а за его домом наблюдал. А тут еще соседка, что через улицу живет, нынче целыми днями сидит на лавочке возле ворот, исподтишка глазает на него, будто влюбленная какая. А вчера сын ее долго на крыше околачивался, будто бы антенну усатую для телевизора устанавливал.

Только «комсарикова наследыша», партийного секретаря, не было в селе, в это дело не встречал. Им был мужичишка выморочный и тщедушный – вечно скитался, как выражались односельчане, «по партийным салаториям и больницам». И сейчас он, горемычный, где-то не то отдыхал, не то лечился.

Неспроста все притихли, решил Копылов. Комиссарова власть коварна, хитра. Веры ей нет. Выжидает она, выжидает. И он почувствовал щемящую пустоту там, где у нормальных людей должно быть сердце.

Да, как и в двадцатых, в этой борьбе пощады не будет.

Не долго терпели на Обском Севере комиссарскую власть. Мужики поднялись против комиссаров. Красные назвали это «контрреволюционным мятежом».

«Грабь награбленное!» – призывал комиссар Никишин.

«Все ведь горбом нажитое! – стучал себя по загривку Корней Копылов и разводил руками, как бы показывая на свое добро. – Видит бог!..»

«Грабь и бей буржуев!» – кричал на это комиссар Никишин.

Красные первым забили Елизара, младшего сына Корнея Копылова, его любимца. Елизара подвесили будто бы шутя за ноги и потребовали «отцово золотишко», якобы запрятанное с его участием. Озорной и своенравный Елизар, словно бы желая шепнуть на ушко, подманил комиссара к себе и кровью харкнул ему в лошадиную морду. Тут за парня взялись не на шутку: начали медленно колоть штыками. Но он только матюгался и бешено ревел. И вскоре его забили прикладами. Пулю пожалели...

Корней Копылов, узнав об этом, просто озверел.

«Ироды!.. – плакал старик. – Скотину так не кончают!..»

И – пошло, и поехало.

Столкнулись лоб в лоб. Русские – с русскими. Остяки – с остяками. Красные – с белыми.

Красные называли белых «бандитами», а их отряды – «бандами». Белые тоже метили красных «бандитами» и «карателями». Когда же входили в деревни и города, те и другие «охочи были до баб, самогонки и жратвы». Те и другие требовали постой, лошадей и фураж. Те и другие грабили и насиловали. Возможно, в чем-то для жителей были менее опасны

хорошо организованные и дисциплинированные отряды белых, нежели разношерстная и озлобленная толпа красных.

Красные били белых. Белые били красных. И Корней Копылов не щадил комиссаров, попадавших в его руки. Мстил за сына Елизара, за батюшку-царя, за свой разор. И месть его была такая же беспощадная, как и комиссарская... Только об одном он пожалел – не попался ему в руки комиссар Никишин.

Но и власть белых продержалась недолго – в начале следующего года красные разбили отряд Корнея Копылова. Взятых в плен расстреляли. Красные, истребляя «контрреволюционных мятежников», продвигались в низовья Оби. И вскоре под заимкой Лорбой в бою был убит комиссар Никишин. Там его и похоронили. Когда Советская власть окончательно укрепилась на Обском Севере, то из Петрограда приехала комиссарикова жена, тоже профессиональная революционерка, только в семнадцатом вышедшая из Петропавловской крепости. Она перевезла останки мужа-комиссара в село, где он провел годы ссылки, и похоронила на сельском кладбище под строгой хмурой елкой. Принесла на могилу свой первый и последний венок, омытый скупой слезой, и укатила комиссарить в Москву на центральный телеграф, где в те бурные дни ее ждали неотложные дела.

Время шло. Истлел ее венок, могила заросла травой.

Вначале Копылов в душе вроде бы обрадовался: погиб комиссар Никишин, стало быть, его клятва потеряла силу – кому мстить?! Тут и времена жесткие настали, пикнуть не могли, за дедовские дела могут привлечь к ответу. Притаился Копылов, замер. Не пил, не буянил. Одним из первых записался в колхоз. Часто по праздникам ему вручали почетные грамоты.

Его усердие и жадность до работы оценивал всякий новый председатель колхоза. Копылов же не стеснялся ломать шапку перед ними, хотя они менялись чуть ли не каждый год. Для него, кажется, все они были на одно лицо. Может быть, оттого, что и председатели видели в нем только одно – безотказного и добросовестного работника, «рабочую лошадку», остальное их не интересовало. Копылов никому в глаза не лез, ни с кем не враждовал и дружбу не водил, скромненько держался в стороне. Говорил, что туговат на ухо и знал цену своим словам. Тихо жил себе в избушке-развалюшке с матерью, на жизнь никогда не жаловался и ни у кого помощи не просил – тем и был хорош в селе.

При людях не поднимал руку для крестного знамения, хотя бога в душе сохранил.

Тут нагрянул сорок первый год. И, по прошествии лет, возле бывшей церквушки в березовом садике появился высокий серый обелиск со звездой, а рядом большой фанерный щит с именами более ста односельчан, павших на фронте. Исключением стали десяток фронтовиков, из коего в селе осталось ныне всего три-четыре человека. Остальные кто помер, кто уехал. Сам Копылов тоже хлебнул военного лиха – получил тяжелую рану в паху, долго валялся по госпиталям. Но, однако, вырвался из когтей смерти, выжил, вернулся домой. А из женской половины военного поколения тоже немногие выжили – отдали бабы свое здоровье лесозаготовкам, рыбалке на студеной Оби и тяжелой каторжной работе на полях. Стало быть, кроме Копылова и его престарелой матушки, мало осталось свидетелей событий двадцатых годов.

Но комиссар неожиданно напомнил о себе. Вдруг в селе пошли разговоры, что останки комиссара надо бы перезахоронить под обелиском в садике, ведь там никто не погребен. Копылов тогда не на шутку

встревожился – комиссар переберется в село, придется жить с ним почти по соседству. И он каждый день станет напоминать, кто есть Копылов и кем бы мог быть, не ворвись в жизнь комиссар Никишин. Тут, пожалуй, спятить можно рядом с ним. Запросто спятишь. Но к невысказанному удовлетворению Копылова, дело дальше слов не пошло. Но комиссар все же напомнил об отцовском проклятии, которое еще не опустилось на его косматую голову, но тяжким мечом висело над ним. Меч то притуплялся и он начинал забывать о своей клятве, то заострялся и тогда его охватывало беспокойство и ожидание беды. Все это зависело от комиссара, от того, как часто он напоминал о себе. А Копылову уже виделся конец комиссара: время незаметно разрушало подгнившую оградку на комиссаровой могиле, выравнивало ее с землей. Был комиссар – не стало комиссара, нет даже останков. Он понадеялся вырвать комиссара из людской памяти с помощью безжалостного времени и тем самым как бы исполнить свою клятву и зажить спокойно.

Бывало, с внутренней усмешкой он заводил беседу:

«Ты для них, комсарик, живота не пожалел, а от них даже трухлявого креста не получил!»

Тут перед ним всплывало бледно-зеленое лицо комиссара и он слышал насмешливый ответ Никишина.

«А жизнь-то ведь, Копылов, по-моему идет, а?!»

На это Копылову нечем было крыть, и он поспешно отворачивался и осенял себя крестными знаменами, чтобы побыстрее избавиться от комиссарова духа. Что верно – то верно, жизнь шла по комиссаровому руслу. Как вещал партийный секретарь, социализм в масштабе села и страны уже построили, все обобществили. Все вокруг ваше – колхозное, социалистическое, общественное. А сейчас ударно строим коммунизм. И до коммунизма осталось совсем чуть-

чуть – возможно, полшага. Ну, самое большее – шаг, полтора. Всех там ждет всеобщее благоденствие, коммунизм, строящийся по мудрым заветам классиков марксизма-ленинизма. Главной заботой партийного секретаря было, чтобы лозунги и призывы на красной материи постоянно висели на стенах сельского клуба, на стенах контор колхоза и рыбкоопа. Но, однако, его мало волнует то, что колхоз на ладан дышит. Давно перестали сеять хлеб. Дедовы поля начали зарастать травой-кустами. Охотничьи промысловые урманы вырубил, а рыболовные уголья каждый год травят то нефтью, то еще какой-то гадостью. На пастбищах почему-то плохо приживаются колхозные коровы и кони. Избы, перешедшие в собственность колхоза, быстро обветшали и почти уже сгнили. Чудные дела творятся, размышлял Копылов. Комиссаровы последние, «награбив награбленное», словно по-божьему наказанию, не сумели по-хозяйски распорядиться всем этим добром. Бог не дал ума. Вернее, отнял разум у тех, кто преступил заповеди божьи и заповеди человеческие.

Но время работало на него, а не на комиссара. Все так шло, как он и предполагал. Но тут вдруг объявилась где-то под Москвой родная сестра комиссара. Она прислала сельским пионерам письмо и один за другим два денежных перевода – на могиле комиссара появились цветы и новая оградка. Партийный секретарь выдал призыв: даешь революционное прошлое! Разыскать, сохранить, увековечить!..

Слышит Копылов, как пионеры пристают к соседке-старожилке, к бабушке Сухининой. Расскажи да расскажи, как пришла в село Советская власть, как пришла революция. Бабушка, сидя возле дома на лавке, долго отнекивается. Наконец не очень охотно начинает вспоминать:

– Значица, было так: пришел пароход «Святая Мария», с городу Тобольска. Все в селе заговорили: каратели пришли, каратели... И там, среди них был наш селянин Васька Шаламов...

Пионеры недоуменно переглядываются, потом переспрашивают:

– Дед Вася Шаламов?!

– Ну-у, да...

– Он приплыл с карателями?!

– Ну, да...

– Он не мог быть с ними! – засомневались пионеры.

– Как это не мог быть?!

– Может, вы, бабушка, что напутали, а?

Бабушка начинает сердиться:

– В ту пору я совсем молоденькая была. Глаза-очи мои тоже на месте были. И память, слава богу, еще не отшибло!.. Был с ними Васька Шаламов, был!..

– Неужели так было?!

– А почему бы ему там не быть?!

Пионеры объясняют бабушке:

– Дед Вася Шаламов – красный партизан! Он революцию защищал, мы записали его воспоминания. И в сельсовете нам сказали: он – герой Гражданской войны, красный партизан!

– Ну и чо из этого?

Пионеры отвечают:

– Красный партизан не может быть карателем!

Бабушка Сухинина призадумалась, помолчала, потом пояснила:

– Все верно: тогда их называли карателями, а теперь – красными партизанами...

Тут приумолкли пионеры: видно, начали соображать, что бы это значило... А бабушка, победно оглядев своих слушателей, продолжила рассказ:

– Значица, на «Святой Марии» пришли каратели и начали делать эту самую революцию и советскую власть. Перво-наперво забили парнишку Елизарца, сына старшого Копылова... Царство ему небесное.

Бабушка вздыхает и незаметно, не поднимая руки, одними пальцами кладет крест. Помолчав, после тяжелого вздоха, она добавила:

– Видно, золотишко шибко почитали. Все золотишка требовали...

Все помнит старая, удивился Копылов. Будто вчера все это происходило. И его мысль ушла к Ваське Шаламову. Одряхлевший старик одиноко доживал свой век в избе с провалившимся полом недалеко от центра села. В первый раз Копылов наведлся к красному партизану не из любви, конечно, к его революционному прошлому, а хотел выяснить кое-какие вещи о своем отце и дедушке Корнее Копылове. Разговорились. Оказалось, дед Шаламов волею случая попал к красным. Возвращаясь с войны с германцем, надолго застрял на ближней к дому железнодорожной станции в Тюмени. Не было попутного транспорта. Тут объявились красные, начали набирать людей в поход против мятежников-северян. Война давно насточертела ему. Не хотелось воевать ни с кем. Тем более, с земляками, пусть и «контрреволюционными мятежниками». Красные посулили транспорт, хорошие харчи, дом и потом полную свободу. Соблазн попасть домой взял верх. Решил, доплыву до дому, а там видно будет, авось отстанут от измотанного войной фронтовика. Но не тут-то было – цепкими оказались комиссаровы руки. До самого конца Гражданской пришлось оттрубить... То ли за откровенность, то ли за сострадания к старости, Копылов заменил в избе две сгнившие половицы, чтобы старик не провалился в подпол. Хотя нужен, конечно, основательный ремонт. Но мольбы красного

партизана к Советской власти действия не возымели. Копылов знал, почему. Во-первых, у Совета давно все село сгнило, а не только изба Шаламова. Во-вторых, об этом же просят ветераны ближней войны, вдовы и семьи погибших на фронте. Ждут помощи многодетные и сироты. Словом, очередь длинная. В-третьих, видно, всякой власти в тягость человек, в свое время сделавший дело и теперь ни на что не пригодный. Такова жизнь.

Прилаживая половицы, тюкая топориком и прислушиваясь к неумолчному говору старика, Копылов тешил себя мыслью, что Всевышний видит все и каждому отмеривает по заслуженной мере. Воистину, на чужом горе не построишь себе счастье. Вот и красный большевик Василий Шаламов, некогда поднявший руку на своих же сородичей, теперь без семьи и детей, без родных и близких, никому не нужный, одиноко умирает в полусгнившей избе. А о комиссаре и вовсе сказать нечего. Останься он в живых, возможно, его конец был бы еще более мучительным.

Между тем сестра комиссара в последнем письме прислала карточку брата. Физрук школы врезал ее в красноезвездную пирамидку на могиле.

Комиссар беспощадным прищуром притянул к себе всю округу.

5

И глаза комиссара сказали Копылову:

«Вижу твою черную душу, контра! Вот погоди, доберусь до тебя!..»

Копылов на это лишь усмехнулся и сказал резко:

– Баста, шабаш – кончается твое время, комсарик!..

Повернулся и степенно, не спеша пошел с кладбища.

Еще одним открытием тешил себя Копылов: в селе первым пророчески подметил, что «комиссарьево время» пошло на убыль. Пошло на убыль одновременно с двух концов – сверху и снизу. Сверху таким макаром пошло: стали в селе рассказывать разные побаски про Генерального Комиссара, про самого наивысшего, который заместо батюшки-царя сел и начал народом править. Попервости передавали их потихоньку, с опаской, ухо в ухо. А потом заговорили в открытую, со смешком, с издевочками, с неприличными жестами. Разве такое было возможно хотя бы еще десяток лет назад?! Нет, конечно. Понял Копылов: плохи дела у Генерального. Стало быть, дни его сочтены... Снизу же «комиссарьево время» подтачивалось несколько по-иному, а именно: просто «комсариновы наследыши» шибко помельчали и утратили силу в народе. Вот, к примеру, партийный секретарь. Ладно, не вышел статью и ликом – не его вина, это от бога. Но, главное, по делу мало на что пригоден. В колхозе председательствовал – что-то не клеилось, перевели в Совет. В Совете тоже не заладились дела, поэтому двинули его в рыбокооп. Там он какие-то товары не то растранижил, не то украл. Словом, и тут оказался не у дела. Вот тогда-то и попал в «комсариковы наследыши» и, по всему виду, пришелся ко двору. Лозунги, призывы, доклады, партийные путевки. Тут он как утка в воде: где захочет – там и нырнет, где захочет – там и вынырнет. Словом он владел не хуже большевика Арнольда Никишина. Правда, односельчане на его, как выражался Корней Копылов, «словесный понос» не обращали особого внимания. Михаил же Копылов чутьем фронтовика безошибочно угадал, что этот, как Никишин, за красную идею на белые пулеметы не пойдет. Нет, не пойдет. Скорее, перецветет в другой цвет. Коль сам не готов идти, так зачем других к этому

подталкиваешь?! Зачем словесную чушь несешь?! Вот и выходит, что и внизу плохи дела у комиссаров.

Только по этой причине Копылов так резко отбрил комиссара: кончается твое время!..

Но он все еще чувствовал в себе пронзительный взгляд комиссара. И не мог избавиться от ощущения, что Никишин постоянно подсматривает за ним. А это было мучительно для него. Нужно искать, как избавиться от этого надсмотра, иначе жизни не будет.

Дома престарелая матушка, которая уже жила не столько настоящим, сколько прошлым, спросила:

- Миш, нынче в селе-то кто?
- Красные, мам, – отвечал сын.
- Разе боже не покарал их?
- Нет еще, мам.
- Коды покарат?
- Скор, мам.
- Комсарик Никишка верховодит?
- Нет, мам, другие.
- Где он, ирод?
- Нету его, скончался.
- А-а, божья кара...
- Да, мам.
- Мотри, Миш, не шастай по улке-то!
- Хорошо, хорошо.
- Кокнут ведь, ироды, ни за што!..
- Да я дома буду, мам.
- Батяня-то где?
- На небеси, мам.
- Будто я токо с им баила...
- Ну, так ушел.
- Белые-то коды придут?
- Не знаю, мам.
- Далеко ушли?
- Да, далеко-далеко...

– Бог даст!..

– Даст бог, мам!..

И мать слабой рукой кладет крестное знамение.

Михаил же только вздохнул тяжело. Вздохнув, подумал: на нашем с тобой веку, матушка, белые-то, видно, уже не доберутся до села. Больно медленно убывает «комиссарьево время».

Ночью к нему явился комиссар Никишин и, сверля кровавым глазом, с хитро-наглым прищуром, прошипел:

«Вот погоды, доберусь до тебя, Копылов!..»

У Копылова похолодело нутро, и сначала он весь съежился, а потом стал наполняться яростной злостью и эта злость распрямила его, и он закричал:

– Да нет же, нет – не доберешься!..

И проснулся. И сгинул комиссар. Копылов долго лежал неподвижно, прислушиваясь к тишине и ощущая, как наполнявшая его ярость медленно, как бы нехотя, уползает из его нутра.

– Ой ли, и на том свете не доберешься, – пробормотал он комиссару. – Кому рай, а кому ад...

Но, однако, Никишин пока на этом свете не давал ему покоя: даже в глухую полночь, просыпаясь, он чувствовал, как из темного угла бьет по сердцу кровавый глаз комиссара. Тот кровавый глаз, что испепелил его любушку Евдокию Сухорукову, отца, дядю Елизара, деда Корнея Копылова и многих других. Тот глаз, что многих безвинных преждевременно отправил в мир иной. Он втягивал голову в плечи и еще сильнее укутывался в толстое одеяло, но и это мало помогало. И тогда он взялся за обрез – другого выхода нет. Нужно уничтожить испепеляющий душу глаз и заодно этим исполнить свою клятву...

Он свершил то, что должен был сделать еще в двадцатых годах после гибели отца и всех близких

родственников. Сгинул глаз, избавился от него Копылов. Теперь он свободен и независим.

На четвертый день как бы мимоходом он завернул на кладбище, чтобы взглянуть, что осталось после его ночной вылазки. У комиссара не только кровавый глаз, а лица нет вообще. И Копылов не выдержал: не то подумал, не то сказал вслух, имея в виду красных:

– Я расстрелял тебя, а им-то, вишь, до тебя, что до ... матери, комсарик!.. Хе, розыск учинить не могут!..

И подумал, что наконец-то дважды убитого комиссара припер к стенке. Потоптался, прислушался к тишине – молчит комиссар. Знать, навечно замолчал на сей раз. Однако ночью тот сам явился в избушку Копылова и ответил:

– А жизнь-то ведь, Копылов, по-моему идет, а!..

На сей раз Копылов не осерчал. С великодушной снисходительностью победителя, усмехнувшись, сказал:

– Погоди, вот начнет колхоз хрен сосать – тогда помянут тебя, комсарик!..

А дело как раз к этому шло. Колхоз не только других, а себя прокормить не мог. Что ни год – все пятились и пятились назад. Копылов это давно подметил хозяйской сметкой, унаследованной от дела. А ведь при Корнее Копылове на этой земле кормилась вся округа, а излишки вывозили в низовье, в Обдорск-город, и в верховье, в Тобольск-город.

И он пообещал комиссару:

– Погоди, еще намылят тебе ж!..

Повернулся на другой бок и захрапел как ни в чем не бывало.

На следующее утро, проходя мимо Совета, он услышал, как физрук школы жаловался председателю:

– Какой снимок испортили, а?!

– Другой патрет сделай, – сказал председатель.

– А другого нет, – развел руками физрук.

– Как так нет?

– Снимок был в одном экземпляре.

– А сестра его что?

– Перестала писать.

– Почему?

– Кто знает. Может, померла...

– Надо было копию снять.

– Кто знал, что такое случится.

Копылову показалось, что председатель недоверчиво, исподлобья покосился в его сторону. И, когда он приблизился, вовсе замолчал. Неспроста это, подумал он. Неспроста.

У него никогда не было доверия к комиссаровой власти. Власть эта завсегда не по-человечески подкапывала к человеку. Наобещает одно – сделает другое. Посулит рай, а на деле рай оборачивается адом. Вся она какая-то с загибами, с вывертами, с выкрутасами. Не знаешь, с какой стороны и куда кольнет, за что уцепится мертвой хваткой. Она еще никого с миром, с богом не отпускала. Надо ухо держать востро.

Но власть все медлила, все тянула, все не брала Копылова. Вконец, что ли, она ослабла? Вконец, что ли, она обессилела?..

Бывало, просыпался он по ночам от малейшего шороха и скрипа. Лежал, охолодев, под толстым одеялом и прислушивался к напряженной тишине, а рука сама тянулась к обреза под подушкой... Живым не дамся, думал он. Крестился нетвердой рукой и немного успокаивался.

Гнетущее чувство безысходности то накатывало, то снова откатывало. Но он осознанно готовил себя к мысли о близком конце. Правда, в этой жизни его еще удерживал наказ отца, чтобы он позаботился о матери. Однако она уже давно жила в потустороннем

мире: больше разговаривала со своим ненаглядным Лавриком, нежели с сыном Михаилом. Думая о будущем, его более всего волновал сейчас другой вопрос: куда определит его господь бог – в рай или в ад?! Раз Всевышний отвернулся от Копыловых на грешной земле, значит, должен позаботиться о них в загробном мире, размышлял он. Тем более, что последнего Копылова теперь ведь не назовешь клятвопреступником.

6

В душную грозовую ночь он вздрогнул от комиссарского голоса:

– Копылов, сс-бирайсь!..

В дверях стоял комиссар Никишин с ехидной усмешкой на губах и с пустыми глазницами. А, погасил я кровавый огонь твоих глаз – теперь ты не страшен, подумал Копылов. И спокойно, без всякого внутреннего трепета, сказал: «Щас, погодь...» Хотел осенить себя крестным знамением, но рука уже сама потянулась к обрезу.

Комиссар, поигрывая неразлучным маузером, стоял в дверях и терпеливо ждал. Время нисколько не тронуло его: все такой же молодой и бессмысленно беспощадный, каким запомнился сельчанам в двадцатые. За своей третьей, последней погибелью притащился, между тем соображал Копылов. Ах ты, бес, не хочет без меня оставить землю в покое...

– Щас!.. – повторил Копылов и, прикрывшись одеялом, передернул затвор, и почувствовал, как рванулась рука, но выстрела уже не услышал, – громыхнул гром.

Тяжелый обрез выскользнул из рук и грохнулся на пол – гулко отозвались старые половицы...

1978

БЕЗДОМНАЯ СОБАКА

На первой остановке, на озере Магилор, путники поправили на оленях упряжные ремни и соскребли с полозьев наледь. Трюродный брат Малый Михаил, пряча нож в деревянные ножны на правом боку, долгим взглядом посмотрел на исчезающую в сумерках дорогу, сказал младшему Микуле:

– У Демьяна, наверно, будем ночевать. Еще со Звездой вечерней зари туда успеем.

Микуль отыскал над бледной полоской заката Звезду вечерней зари. Она стояла высоко в небе – не скоро «утонет» за линией горизонта.

– У Демьяна так у Демьяна, – согласился он. – До ночи еще далеко, успеем.

Микуль сразу же вспомнил бревенчатый домик в кругу поседевших сосен, просторный кораль для оленей, глиняную печь на курьих ножках – хлеб там пекут. Амбар и небольшой лабаз – словом, все, что необходимо охотнику в Зимнем Селении. Но то было старое станье Демьяна, которое Микуль видел два-три года назад, когда отец возил его домой на зимние каникулы. Теперь, по слухам, вынудили его покинуть насиженное

место – мимо того дома проложили большую машинную дорогу, зимником называется.

– Теперь он, говорят, перебрался на новое место, – сказал брат Михаил, как бы оправдывая свое решение. – Посмотрим. Раз новое место – там ягель, должно быть, хороший.

Микуль, почистив полозья своей нарты, спрятал нож, согласно кивнул.

– На новом месте хорошо, – поддержал он старшего брата. – Наверно, он уже новый дом умудрился выстроить, Демьян-то...

– Да, он ловкий, расторопный хозяин, – согласился старший. – За одну осень многое может успеть.

Когда олени отдышались и начали глотать снег, а путники взяли за поводья, чтобы тронуться дальше, – упряжки догнала пегая собака на трех лапах. Заднюю правую держала на весу. Видно, где-то поранила.

– Бродячая, верно, – предположил Михаил, разглядывая собаку.

– Я еще в поселке заметил ее, – сказал Микуль. – Все время вертелась возле наших упряжек.

– Оленей разгонит, надо обратную дорогу ей показать, – решил Михаил и прикрикнул на нее:

– Пэртэшь!..¹⁵

Собака нехотя, на трех лапах, запрыгала в сторону поселка.

– На трех лапах теперь не догонит, – заметил Микуль.

– Да, на озерах дорога хорошая, быстро будем ехать.

– Отстанет... И куда ей за незнакомыми людьми?

– Пэртэшь! – еще раз крикнул Михаил и погрозил ей хореем. – Я ей хорей показал – теперь не захочет за нами.

Помолчали.

¹⁵ Пэртэшь! – оклик собаке, означающий «прочь» (хант.).

– Надоели эти бродячие псы, – проговорил старший. – Не дают покоя ни оленям, ни людям. Развелось их, бездомных. Раньше такого не было.

Путники тронули упряжки.

Нартовая дорога на две равные половины разрезала белую чашу озера Магилор. Слева, на бору между озером и большой рекой Аган, сиял огнями вполне недавно основанный поселок нефтеразведчиков. Шумный, бесшабашный, грохочущий железом и машинами, не знающий покоя ни днем, ни ночью. Отсюда машинная дорога по борам-беломошникам уходит вверх и вниз вдоль реки. В верховье, мимо тихой деревушки охотников, идет к новой, только появившейся базе геологов. В низовье, мимо зимних охотничьих селений, тянется до самого города на обском берегу. Бурный и неумолкающий зимник оживает сразу же вскоре после ледостава и замирает весной перед самым ледоходом. Тихая нартовая колея сторонится зимника, петляет по болотам и озерам, бежит вдоль ключей и ручьев. Но сколько бы они ни разбегались и ни отворачивались друг от друга, все равно пересекаются, все равно встречаются. Такова жизнь, без этого невозможно.

Микуль перевел взгляд с огней поселка на Звезду вечерней зари. Они ехали в сторону заката, и Звезда висела над рогами правого пристяжного оленя.

Звезда напомнила о наступающей ночи, о ночлеге у Демьяна, о его брошенном селении на машинной дороге, о бродячей собаке, что на трех лапах неохотно поплелась назад. Поплелась, хотя ей вовсе не хотелось возвращаться, но люди заставили.

И пошли мысли по цепочке. Закат, Звезда вечерней зари, Демьян, машины-геологи, бродячая собака. И снова упряжка, бегущая на закат. «Тонущая» звезда на рогах правого пристяжного. Снег слева и снег справа.

Скрипящий снег под полозьями нарты. И вечерние думы о том, что ни в чем нет начала и нет конца. Хотя закат и Звезда вечерней зари напоминают об уходе еще одного прожитого дня...

Проехали озеро Магилор, затем болото с узкими сосновыми гривками. И другое большое озеро Пилтэнглор. Микуль так и сяк вертел это название, но все же перевел на русский язык – «Озеро С Попутчиком», так вроде бы получается.

На середине озера встретились с вертолетом. Тот, мигая в темноте кровавым глазком, шел на посадку к нефтеразведчикам. Охотников он, конечно, вряд ли заметил. С высоты они казались просто букашками, а не людьми.

Возле берега вторая от деревни остановка. Соскочили с нарт, потоптались, разминая затекшие ноги. Назад оглянулись – не скачет ли трехлапая бродячая собака.

– Отстала, – сказал старший. – Вернулась в деревню.

Олени отдышались, и упряжки тронулись в путь. Миновали неширокое болото, после него в приречном горельнике пересекли машинную дорогу, потом реку Ягурьях и въехали в сосновый бор. В глубине бора стояло зимовье, где жили дальние родственники братьев: две вдовы с детьми и древний дед Никита со старухой. Решили у них чай попить и погреться. А там останется один перегон до Демьяна – все ближе к дому, завтра со светом доедут до своего селения.

Под скрип полозьев Микулью припомнилось детство. Отца назначили пастухом в одну бригаду с Демьяном, пасли колхозных оленей в верховье реки Ампуты. Демьяна, помнится, считали тогда человеком нрава крутого, резкого. Но, однако, бригадные мальчишки любили его. Он был единственный, кто охотно мастерил им луки и стрелы. Это такая радость! Микуль до сих пор не забыл, как бегал с луком его работы.

Вот и зимовье – послышался лай собак.

Братья поставили упряжки внутри кораля, возле входа в дом. Отряхнули снег с кисов и вошли в зимовье. Со всеми, включая и детей, поздоровались за руку. А старшая хозяйка Матрена поцеловала их в щеку, улыбаясь, приветствовала нараспев:

– А-а, мои бобровые братья, здравствуйте! Давно не виделись!..

Она вышла замуж за охотника Лосинога рода, а родилась в роду Бобра – братьям приходилась сестрой. Она сразу же повесила чайник над огнем чувала, потом поставила гостям столик с едой и стала расспрашивать о новостях в верховье и низовье реки. На правах старшего говорил в основном брат Михаил. Но после Матрена обратилась и к Микулью. Ее многое интересовало. Почему он, окончив школу, не поехал учиться? Нравится ли ему на охоте? Удачны ли начальные дни первозимья? Как поживает отец, здоров ли? И Микуль, как и подобает охотнику, немногословно и степенно отвечал на ее вопросы.

На улице залаяли собаки.

Михаил, подняв капюшон малицы, сказал:

– Ну, нам пора. До свидания, хозяйева!

Когда вышли из зимовья, возле упряжек увидели собаку, ту, что погнала в сторону деревни на озере Магилор.

– Опять пришла! – удивился Микуль.

– Ваша? – озабоченно спросила Матрена.

– Бездомная, – коротко пояснил Михаил. – В деревне к нам привязалась.

– Ох уж эти бродячие псы! – вздохнула Матрена. – Как проложили тут машинную дорогу, так житья от них не стало!

– Взрослых оленей они реже берут, а вот оленят за просто, – подала голос младшая хозяйка.

– Как огня их боимся...

– Беда от них!..

– У нас оленята есть, – сказала сестра Матрена. – Коль собака останется здесь, что мы с ней будем делать, мужчин в доме нет. И кормить нечем. Вы уж не оставляйте ее, сделайте такое доброе дело...

Она, призвав на помощь детей, поймала бродячую собаку и, привязав ее к нарте Микуля, сказала:

– Вы ведь у Демьяна ночуете. У него рука тяжелая – быстро порешит ее.

И рассказала, что в эту осень и лето собаки особенно рьяно гоняли Демьяновых оленей. А в день, когда выпал первый снег, возле грунтовой дороги машина подстрелила его важенку-вожака. В этот год все напасти посыпались на его голову. Вслед за зимним вынудили бросить Летнее Селение на берегу Агана, не стало жизни от катеров и моторных лодок. Он больше всех пострадал, он шибко зол на всяких бродячих, уверяла женщина. Что ему стоит пристукнуть одну собаку...

Делать нечего – гости попрощались и тронулись в путь. Бродячая собака исправно бежала за нартой. Пришитая Голова – дал ей кличку Микуль, поскольку голова ее была черной, ни единого белого пятнышка, словно пришили ей. А все остальное – спина, шея, лапы, хвост – белое.

Поскрипывает снег под полозьями нарты. Из темноты наплывают силуэты борových сосен. Олени похрустывают копытами.

А над головой холодные глаза ночного неба...

Звезды...

Дорога...

Олени, бегущие к закату...

Бродячая собака...

Демьян...

Наверное, и вправду злой он стал, подумал Микуль, вспомнив слова сестры Матрены. Делает ли он теперь детские луки и стрелы? Раньше, когда был пастухом, мастерил их для чужих детей. Свои, было их четверо или пятеро, умерли в младенчестве. Удачи на детей у него нет, говорили люди. Потом, спустя годы, жена Галя еще родила ему девочку и мальчика. Они выжили, но сама она умерла вскоре после родов. Сейчас, по слухам, он жил один, если не считать старуху-мать, которая чинила ему одежду и с горем пополам вела хозяйство – как-никак ей было под сотню лет. Все бы ничего, да подвело зрение – глаза плоховато стали помогать.

Задумавшись, Микуль и не заметил, как подъехали к становой Демьяна. Возле самого кораля он очнулся от лая собак. И разочарованно хмыкнул – не увидел свежесрубленного дома со сладковатым запахом хвои и сосновой смолы. Вместо него у низкорослой сосенки притулилась выдавшая виды палатка – заиндевшая, с рыжими и серыми пятнами подпалин и заплат, с грязными разводами от осенних дождей и снегов.

– Вот тебе и новый дом, – проговорил старший, завязывая поводок. – Не успел, что ли?!

Микуль не ответил. Распрягая оленей, он скосил глаза на запад. Но узкая полоска вечерней зари уже скрылась за деревьями. Виден был лишь ее бледный гаснущий отсвет. Доехали со Звездой вечерней зари, отметил он. Еще не поздно.

Отпустили оленей, наломали бродячей собаке лапнику, чтобы не замерзла на снегу, отряхнули снег с кивков и вошли в палатку, поздоровались:

– Пэча вольтэх!

– Пэча, пэча! – отвечали хозяева.

Гостям уступили лучшие места и накормили. Когда они уже отодвигались от стола, хозяйские псы на улице, словно почуяв это, глухо взвыли. Демьян поднялся,

шагнул к порогу, высунулся в дверь и резко прикрикнул на собак. Те сразу смолкли. Он вернулся на свое место, провел рукой по усам на темном строгом лице и, словно извиняясь перед гостями, пояснил, что псы у него на голодном пайке – вот и воют. А так редко шумят, особенно при хозяине зря голос не подадут.

Гости закурили, хозяйева занялись своими делами. Столетняя мать хозяина гремела посудой. Дочка и сын, приехавшие из интерната на каникулы, о чем-то шушукались в углу. Демьян из черемуховых прутьев мастерил сачок для черпания льда и лунок.

– Как зиму начал? – спросил Малый Михаил. – Какого зверя промышляешь?

– Какой там зверь? – откликнулся Демьян, переплетая прутья куском телефонного провода вместо кедрового корня. Ничего нет.

– Совсем плохо?

– Если есть – только белка. И то, кажется, по урманам, по кедровникам немного попадается. А на борах совсем нет, ничего еще не добыл.

– А рыбу какую ловишь?

– И рыбы по снегу не видим. Вчера неводить ездил со слепым соседом, дедом Никитой – одного окуня поймали, – Демьян усмехнулся в короткие усы – словно во всем была виновата одна река.

– Собак нечем кормить, сегодня болтушку из муки варила, – сказала старая мать Демьяна.

Помолчали. Потом Демьян спросил у гостей:

– А как у вас с рыбой?

– Тоже плохо, совсем не ловится, – ответил Михаил. – Вода большая была перед ледоставом в этом году. Наверное, поэтому рыба не ловится.

Значит, большая вода влияет на улов в пору первозимья, отметил Микуль, молча слушавший беседу охотников.

– Ну, а зверь какой встречается на ваших землях?

– Белка кое-где есть, тоже больше по кедровникам.

Другого зверя мало, следов не видно.

– Урманы свои не видели – что там есть?

– Еще не ездили. Вот продукты купили, вернемся и в урман поедем. Теперь одна надежда на урманы...

– А мне в этом году своих урманов не видать, – вздохнул Демьян.

– Это почему же?

– Олени мои почти кончились – на чем я доберусь в такие дали?

– Да, без оленей, конечно, куда там...

– Вот держу надежду на песцов – придут или не придут?

– Из верховьев Ягурьяха не было вестей о песцах?

– По словам верховых охотников, кое-где уже попадались следы. Рано пришел песец из тундры – это хорошо.

– По-моему, и сюда придет песец, – сказал Михаил. – По осени, по первому снегу куропаток много было, стаями летали...

Выходит, ход песца связан с куропатками, подумал начинающий охотник Микуль. Куропатка улетает с тундры в поисках пищи, а песец, значит, за ней.

– Решил вдоль Ягурьяха приманку разложить и насторожить капканы на песцов, – сказал Демьян. – Это близко, легче добираться.

– И то дело. Ведь песец обычно вдоль болотных рек спускается...

– Только вот рыба не ловится – приманки не хватает.

– Приманки? – оживился Михаил. – Мы тебе приманку привезли!

– Какую приманку?

– Бродячую собаку – в деревне к нам привязалась.

– А песцы и вправду любят такую приманку. Видел такое, когда пастухом работал. Где оставишь дохлую собаку – там песец появляется. Чует, видно, даже под снегом.

– Твои соседки сказали, что ты бродячую порешишь.

– Завтра же съезу на Приягурьяхское болото и порешу, – уверил Демьян. – Это я быстро. Что тут смотреть?

– А вообще-то собачка, кажется, ничего, – сказал Микуль. – Может, и на зверя-птицу пойдет. И кличка ей подходящая есть – Пришитая Голова.

– Ох, я в большом накладе от бродячих псов, – жестко отрезал Демьян. – Зол на них, сколько пакостили – не попадались на глаза. Дал бы я им!.. Всякие они, эти псы!..

– Слышал, что и твоих оленей гоняли...

– Ладно бы – просто гоняли. Тут не знаешь, скольких они сожрали... Осенью пришли олени, смотрю – одному разорвали кожу на ляжках. Так я эти клочья пришил, нитками их стянул. И ведь выжил мой олень!

– Ловко придумал! – удивился Микуль. – Ни разу такого не слышал.

– Приспичит – так не то придумаешь, – ответил хозяин. – Оленей совсем мало осталось у меня. Да тут еще машина застрелила мою важенку. Пулей. По первому снегу. По следам я все узнал, как было дело. Выстрелили, а олениха ускакала. Прошли немного по ее следу и вернулись, укатили. А олениха свалилась в густом сосняке. Там я нашел ее, с пулей. Такие вот дела творят, бродячие-то...

Все враз замолчали, призадумались. Может быть, каждый о своем, а возможно, все об одном и том же.

На улице взлаяла собака, но тут же смолкла. Видно, вспомнила, что хозяин сегодня дома.

Затянувшуюся паузу прервал Микуль вопросом:

– Осенью не успел, что ли, поставить новый дом?

– Какое там, – хозяин махнул рукой. – Можно было. Дело привычное, жизненное. Но где строить – места нет!

– А здесь, на этом месте? В сторонке от зимника, и ягель хороший.

– Кто знает, что нас завтра ждет на этом месте? – спросил Демьян. – В прошлом году выбрал место для нового дома, не успел за топор взяться – там буровую поставили. Разве с таким соседом проживешь?.. И тут, может, какую дорогу вздумают проложить. Или, еще хуже, лесорубов каких-нибудь пустят. Кто сегодня знает, что у них в голове?..

– Да, ягельных мест немного осталось.

– Все боры-беломошники перевернули...

– Хоть на болоте машины не лезут.

– Вот и стал я бездомным, обрубали мои корни, – вздохнул хозяин. – На старости лет пустился в бега...

– В морозы-то ведь холодно будет в палатке. Какая тут жизнь?

– Зато легче бегать: снял – поставил, опять переехал. Не вырастаешь в землю, не надо каждый раз с кровью выдирать из сердца, – и Демьян обвел взглядом свое жилье, словно уже настала пора сниматься с этого места. – Вот и Летнее Селение покинул...

Столетняя, будто старый кованый гвоздь, всадила в говор:

– Помереть землю не дадут...

На этом беседа оборвалась.

Демьян стряхнул стружки с подола рубахи и молча поставил в угол готовый сачок. Молча выпили вечерний чай и легли спать. Утром, когда уже запрягли оленей, вспомнили о бродячей собаке.

– Вот она какая, без-домная, – медленно, растягивая слова, проговорил Демьян и остановился возле собаки.

Она мелко дрожала от холода, виляла хвостом и тихонько повизгивала, словно чувствовала, что решается ее судьба. Черная ее морда от инея стала седой. Живые блестящие глаза перебежали с одного охотника на другого. Иногда она робко подпрыгивала, будто пыталась заглянуть в лицо человека, в его душу. И тут Демьян опустился на корточки, взял ее больную лапу, внимательно осмотрел и сказал, что заживет, просто чем-то уколола. А потом долго в задумчивости глядел на нее и молчал. А собака все повизгивала и дрожала от холода.

Наконец Демьян сказал:

– Пусть живет.

И, взглянув на охотников, пояснил:

– Греха на ней нет, оленей она не гоняла – как безвинную порешишь?.. Пусть живет, бездомная...

– Да, может быть, и на зверя-птицу хороша будет, – добавил Микуль.

– Жить тебе, Пришитая Голова, – улыбнулся и Михаил. – Обрела ты теперь дом.

Демьян отвязал собаку и повел за кораль, где возле шалашиков-конур из хвои и ветвей сидели три его пса и внимательно наблюдали, как хозяин ведет им четвертого друга. Потом он сходил в палатку, вернулся с небольшим пучком порыжевшей травы и аккуратно, по-хозяйски, подстелил собаке, чтобы ей было теплее...

Гости выпили предъотъездный чай и тронули упряжки. Микуль глянул назад. Демьян возился у своей нарты – собирался на Приягурьяхское болото настораживать песцовые капканы. Звезда утренней зари, словно холодная капля, висела прямо над его головой...

1979

БОЖЬЕ ПОСЛАНИЕ

На рассвете я вышел во двор. И на чистом снегу увидел бумагу. Ночью выпала пороша – на нем ни следочка, ни царапинки. Кругом тишина. Деревня еще не встала... Постоял над бумагой. Думаю: откуда взялась? Кто принес? Не с неба же, подумал, свалилась?.. Ну, постоял с такими думами, потом поднял бумагу, развернул ее. Там что-то написано. А что – читать не умею. Думаю, пойду, жене и дочке покажу. Не случайно же бумага попала в мой двор.

С бумагой в руках вернулся в дом.

– Вот, – говорю, – жена, бумагу во дворе нашел. Прочти, что там написано. Что это за бумага?

Жена прочитала бумагу и заплакала.

Дочь прочитала бумагу – и тоже заплакала.

Обе плачут.

Я стою, молчу.

Потом говорю им:

– Скажите, какую весть эта бумага принесла. Скажите, как бы тяжела ни была эта весть...

Жена сквозь слезы говорит:

– Верховный Бог тебе Послание послал, чтобы ты на войну пошел...

И дочка сквозь слезы подтверждает:

– Да, это Божье Послание, чтобы ты на войну пошел...

И все плачут.

Я говорю им:

– Жenuшка моя, не плачь!.. Доченька моя, не плачь!.. Что Бог задумал – того не миновать...

Все плачут, никак не уймутся.

Говорю им:

– Не плачьте. Может, все обойдется. Пока живется – надо жить...

Жена с дочкой вроде бы немного успокоились, выплакали свои слезы.

Я забрал у них Божье Послание.

Весть о войне уже давно прошла по всей Оби. Но до нашей деревни война еще не добралась. Я жил как все люди. Была зима. И я занимался зимними делами. В тайгу ходил на охоту. На озера и реки ездил на рыбалку.

Неторопливо шло время. Нарождались и умирали небесные Луны. Разные слухи о войне приходили и уходили. Война по Иртышу спустилась до Оби, двинулась по ней вниз, а потом повернула вверх по реке. Война незваной гостьей заходила во многие селения, заглядывала во многие большие и малые притоки. В нашу сторону шла война. И я однажды почувствовал, что хочу идти на войну. Желание такое родилось. Во мне какой-то зуд появился – на войну, на войну.

Ну, живу. Что тут делать? Не бежать же мне из дому, искать войну...

Так вот живу.

По слухам, война все ближе и ближе подбиралась к нам.

И вот однажды в нашу деревню красные пришли. Говорят мне красные:

– С нами на войну иди, Липецкий.

Я говорю:

– Винтовку мне дайте. У меня винтовки нет.

Красные отвечают:

– Винтовок у нас нет для тебя.

Я руками развел, говорю:

– Не пойду же я воевать с одними кулаками.

– Верно, – говорят красные. – С одними кулаками много не навоюешь.

– Значит, не судьба мне с вами, – говорю я.

Не стали красные настаивать, ушли.

Прошли дни. Может, недели. Деревню заняли белые, говорят мне белые:

– С нами на войну иди, Липецкий.

Я им то же говорю, что и красным говорил.

– Винтовку мне дайте, – говорю. – У меня винтовки нет.

Белые отвечают:

– Винтовку тебе дадим. И коня боевого дадим.

И точно. Винтовку дали. Коня дали. Саблю дали.

Так военным человеком стал. Так я пошел воевать за белых. Так я встал на сторону Белого Царя, а не Красного.

Подумал: значит, так моему Богу угодно.

Белый командир мне говорит:

– Нам известно, ты, Леня Липецкий, охотник. Верно ли это?

– Да, – говорю, – охотник.

– Здешние места – дороги-реки – хорошо знаешь?

– Как охотнику не знать, – отвечаю я. – Конечно, знаю.

– За нами красные идут, – говорит командир. – На некоторое время задержать их нужно, дорогу им закрыть надо...

Я молчу, слушаю.

– Сможешь это сделать? – спрашивает командир.

Я подумал, потом говорю:

– Если надо – дорогу им закрою.

– Хорошо, – сказал командир. – Это будет твое первое дело. Вот тебе четыре солдата – ты над ними главный. Посмотрим, на что ты способен...

Я говорю:

– Нет, так дело не пойдет.

– Что тебе не нравится? – спрашивает командир.

Я говорю:

– Дело непростое – закрыть дорогу целому войску.

– Знаю, – говорит командир. – Скажи, что тебе еще нужно? Мало четырех солдат? Но больше дать не могу...

Я отвечаю:

– Достаточно четырех, если я их сам выберу.

– Хорошо, – согласился командир. – Быть по-твоему.

И я сам отобрал четырех солдат.

На войне важно, кто рядом с тобой, кто слева и справа.

Красных со стороны Сургута-города ждали. Зимник вдоль Оби по луговине идет. Недалеко от Ваты, нашей деревни, дорога в лес входит. Там грива есть. На этой гриве хороший лес растет. Вот там я и решил закрыть дорогу.

Дело было к весне, в пору наста. Так вот, на гриве, на расстоянии верной пули от дороги цепочкой посадил своих солдат. Каждому сам выбрал место. Каждому за сырым толстым деревом пробили наст и выкопали в снегу яму – окопчик по-военному. Потом каждому солдату срубили сухую жердину. Солдат держит

комель возле себя, а на вершинку, что в стороне, каждый надел свою шапку. Устроили так, чтобы шапки просматривались с дороги. Самих солдат не видно, а шапки на виду.

Говорю солдатам:

– Выстрелите – за жердинку шапку шевельните. Выстрелите – шевельните. Пусть противник по пустым шапкам стреляет.

Такую вот хитрость придумали.

– Напрасно, – говорю солдатам, – не высовывайтесь из-за дерева, будьте осторожны.

Сам я расположился с краю, в стороне Ваты, где должна быть голова войска. Условились так: я закрываю дорогу спереди, а крайний солдат в цепи, что в стороне Сургута, отрезает путь назад. Он стреляет только после моего выстрела.

Так вот устроились, ждем.

Наконец показались красные.

И, когда они все выехали в лес и головные сани поравнялись со мной, я выстрелил в коня. Конь упал. Отряд встал. Дорога вперед закрыта. Зимник на гриве узкий, никак сани с убитым конем не объедешь.

Почти одновременно со мной выстрелил и крайний в цепи солдат. Он убил коня на последних санях. Значит, закрыл путь назад. Теперь противнику нет хода ни туда, ни сюда.

Тут послышались выстрелы по всей цепи моих солдат. А дорога пока молчала, не стреляла.

Смотрю, на головных санях с убитым конем вскочил командир, повернулся назад, что-то кричит. Потом взмахнул наганом – и начал палить в мою сторону. Пуля просвистела мимо меня. И я услышал, как она ударила о дерево позади меня. Другая пуля срикошетила с лесины, под которой я лежал. И тогда я сделал второй выстрел – командир упал на сани.

На дороге поднялась суматоха. Шум, крики, беготня. Раздавались одиночные выстрелы. Видно, еще не могли опомниться от неожиданности.

Я еще раз выстрелил и шевельнул шапку на жердинке. Слышу, мои солдаты стреляют.

Наконец дорога открыла стрельбу по лесу. Свистели пули. Тут и там они шмякались о деревья. Тут и там сыпались на снег срезанные пулями ветки.

Красные затаились на дороге: укрылись за санями, за трупами убитых лошадей и постреливали оттуда. В лес они не пошли. Не пошли потому, что не знали, сколько нас сидит в снежных окопах. Много или мало? Одолеть нас или не одолеть?

И когда перестрелка стала стихать и становилась уже бесполезной, я подал своим сигнал. И мы по насту побежали в глубину леса.

Красные увидели, что мы убегаем и нас мало, пустились за нами в погоню. А нам этого и нужно было.

Мы впятером быстро добежали до большого оврага, у которого лесная грива круто обрывалась. Спрыгнули в овраг и затаились под обрывом на заранее приготовленных местах. Овраг я тоже высмотрел загодя. Весной по нему текли талые воды. Но сейчас дно было сухим. И из-под обрыва он хорошо просматривался и простреливался.

Так, значит, добежали мы до оврага и каждый занял свое место под обрывом. Красные, бежавшие за нами, стали сваливаться на наши головы. Выскочили они из леса – смотрят, никого нет. И кинулись дальше через овраг. А тут наши пули... Удобная была у нас позиция. Сверху, над головой, пласт земли, поддерживаемый корневищами деревьев. С боков – берег оврага, подходов нет. Спереди – простреливаемое пространство. Никак не подберешься. Кроме того, наши места так были расположены, что каждый

солдат охранял соседа справа и слева, чтобы ни на одного не могли напасть.

Поняли красные – нас не взять. Отступили. В хвосте санного поезда они скинули на обочину убитую лошадь вместе с санями, развернулись и, кто остался жив, ускакали обратно в сторону Сургута.

Оставили они пятьдесят убитых.

Вначале я вроде бы обрадовался победе. Радовался тому, что я остался жив. Что остались живы мои солдаты. Что я закрыл дорогу. Но чем больше я видел убитых, тем тоскливее мне становилось тогда. Сегодня здесь мы побили их. Возможно, в другом месте они побили нас. И я понял: победы нет. И поэтому, стало быть, нет и победителей. Белые – русские. И красные – русские. Белые – остяки. И красные – остяки. И все они – люди!..

И за что мы друг друга убиваем?! За что?!

* * *

– Вот так же, как мы сейчас с тобой, мы с Леней Липецким сидели коленка к коленке, и он все это рассказал мне слово в слово своими устами, – сказал мой старый зять Иван Степанович Сопочин-Первый и замолк.

Дело было в его зимнем доме в сосновом бору, на одном из левых притоков Священной реки Тромаган.

В доме стало тихо. Лишь в чувале потрескивали дрова да за стеной, на улице, похрустывал снег под копытами оленей. Да изредка в бору гулко хлопало – это от мороза лопались «пузыри деревьев».

Мой восьмидесятивосьмилетний зять Иван Степанович, сухонький старец с белой головой, сидел в кругу семьи и гостей и тоже молчал. Наконец тишину нарушил его старший сын. Спросил:

– Отец, ты говоришь про того Липецкого, который в каждом рукаве по пистолету и одновременно стрелял двумя руками?

– Да, про того самого, – подтвердил старец. – Про того...

– И по нашей реке, по Агану, про него много слухов ходило, – сказал я.

– Про того говорю, которого никак не могли поймать, – добавил мой старый зять.

– Много рассказов я слышал о нем, – проговорил старший сын старца.

– А дальше что с ним было? – спросил я зятя-старика.

– Да-да, что же потом было? – заговорили в доме.

– Куда Липецкий подался?

– Как же его ловили?

– За что его ловили?

– Отец, расскажи, – подал голос и старший сын старца.

Старец молча выслушал всех, потом сказал неторопливо:

– А дальше вот что с ним было...

И снова дом затих. Лишь таежным родником журчал голос старца Ивана Степановича.

* * *

Война немало ходила по нашей Земле. Ходила вверх и вниз по рекам. Потом ушла в сторону Восхода Солнца. Вместе с войной ушел и Леня Липецкий. К тому времени за военную смекалку белые дали ему командирский чин, стал заглавным их отряда.

Мало ли, много ли воды утекло в Оби – закончилась война.

Красные побили белых.

Леню Липецкого ни одна пуля не тронула. Ни одна сабля не царапнула. Ни один осколок не задел. Он остался цел и невредим. Его, видимо, оберегало Божье Послание. Перед уходом на войну он сшил кожаный мешочек, сложил туда Божье Послание и повесил на шею под рубашку. И с той поры никогда не расставался с Божьим Посланием.

Так вот – борьба между красными и белыми закончилась. Война в слыхом не слыханные дали занесла Липецкого. Сколько-то времени он скитался по чужим землям, потом вернулся домой. Нет жизни, говорит, без своей земли, где родился и вырос. Не знаю, не помню точно – то ли сразу, то ли сколько-то пожил, – до города дошел слух, что вернулся Леня Липецкий, который сражался за Белого Царя. Впрочем, он и сам не скрывал, что воевал на стороне белых.

Красные допрос ему учинили. Перво-наперво, говорят, скажи Липецкий:

– На войну ходил?

– Ходил, – отвечает Липецкий.

– За белых воевал?

– За белых.

– Ходил освобождать Белого Царя?

– Спасать ходил.

– Чего же не спас?!

– Жаль, не успел.

– Красных бил?

– Бил в бою.

– Будешь за все это отвечать?

– Буду, – смиренно говорит Липецкий.

– Деваться-то тебе некуда, – смеются красные. – Так и так тебе придется отвечать! Вот следствие учиним, соберем все твои грехи в одну кучу, взвесим их и предстанешь ты перед революционно-пролетарским

законом нашего рабоче-крестьянского государства!
И ответишь по всей строгости нашего правого суда и закона!

Липецкий молчит. Долго молчит.

Потом говорит:

– Хорошо, но сначала мне объясните то, что я не понимаю.

– Спрашивай, – говорят красные. – Все тебе растолкуем, враз твою темную голову светлой сделаем!

Липецкий и спрашивает:

– Сначала скажите: кто будет держать ответ за убитых белых?

– Белые против народа шли – нечего за них отвечать! – говорят красные.

– Кто будет держать ответ за убиенного без суда и закона Белого Царя? – спрашивает Липецкий.

– Он был тираном народа – туда ему и дорога! – отвечают красные.

– Кто будет держать ответ за убиенную без суда и закона Белую Царицу?

– Она тоже была тираном народа – туда ей и дорога!

– Кто будет держать ответ за убиенных детей Белого Царя?!

– Молчать! – закричали красные.

– Кто будет держать ответ за убиенных дочерей Белого Царя?!

– Молчать! – взревели красные.

– Кто будет держать ответ за убиенного сына Белого Царя?!

– Молчать! – гроыхнули красные.

– Вы меня сюда молчать или говорить позвали?! – спрашивает Липецкий.

Когда красные немного успокоились, напомнили ему:

– Ты, Липецкий, не забывайся – ты в наших руках!

– Никогда в ваших кровавых руках не буду, – говорит Липецкий. – Моя жизнь в руках моего Небесного Отца. Как Он решит – так тому и быть.

Посмеиваются красные, не верят ему.

А про семью Белого Царя он не напрасно спрашивал красных. Дело было так. Когда власть взял Красный Царь, то Белого Царя с женой и детьми на нашу землю привезли. Тут им житье определили. Так вот, Липецкий сам рассказывал, как со своими солдатами ходил спасать царскую семью сначала в Тобольск-город, потом в Катерины-Царицы-город¹⁶. Да все не успевал вовремя, все опаздывал. И поэтому в их ужасной смерти он до конца жизни винил и себя.

– В любом случае тебе, Липецкий, придется держать ответ, – говорят красные.

– Придется, но не перед вами, – отвечал Липецкий.

– Перед законом рабоче-крестьянского государства!

– Нет у вас никаких законов: ни революционно-пролетарских, ни рабоче-крестьянских, ни человеческих.

– Ошибаешься, Липецкий: есть у нас справедливые законы!

– ...по которым можно лишать жизни безвинных детей?! И это вы называете справедливыми законами?!

– Молчать! – опять расвирепели красные. – А самое в гражданскую чем занимался?!

– Грешен, – сказал Липецкий. – Но видит Бог: с женщинами и детьми не воевал, безоружных не бил и в спину не стрелял.

– А мы победители, – говорят красные. – И ты нам, Липецкий, не судья, не указ! У нас свои вожди! И мы сами знаем, кого нужно засудить, а кого нет.

¹⁶ Катерины-Царицы-город – так ханты называли Екатеринбург.

– Не знаете.

– Почему же не знаем?

– Ваш главный враг – не я...

– А кто же?

– Вы сами.

– Это почему же? Ты скажи нам!

Липецкий немного помолчал. Прикидывал: сказать или не сказать? Поймут или не поймут? Но все же в конце концов пояснил:

– В вас нет нутра. Вы все – как пустые орешки. Сверху орешек как орешек, а как раскусишь – там пусто, ничего нет. Одна пустота...

– Ты, значит, раскусил?

– С божьей помощью.

– Смотри, как бы зубы не обломал!

– Одни сразу раскусили вас. Другие – в гражданскую. А вот когда последние люди раскусят вас и увидят, что в вас нет нутра и вы пусты – тогда вам конец придет.

– А чего в нас нет? Что там должно быть?

– В вас нет веры, нет Бога. А без Бога, озверев, рано или поздно, вы перегрызете друг друга глотки и тем кончите себя.

– Но сначала мы перегрызём глотки вам.

– Верно: сначала нам, а потом возьметесь за себя.

– И по-твоему, Липецкий, жизнь кончится на этом?

– Нет, люди останутся. Но не красные, а останутся просто люди с верою, люди с Богом...

– А нас, значит, не будет?

– Нет на вас креста – значит, вас не станет.

– Много на себя берешь, Липецкий – не выдюжишь!

– Вы кровавые – вас просто земля не выдержит, земля не станет носить...

– Ты, Липецкий, от нас теперь не уйдешь, – говорят красные. – Ладно, напоследок хоть языком почешешь...

– Уйду, – уверил их Липецкий.

– Уйдешь – поймаем! – говорят красные. – Ноги обломаем, язык укоротим! Не таких еще ломали...

– Это вы можете. Недаром вас кровью ненасытными кровавыми красными прозвали. Свой цвет оправдали...

– Ты, Липецкий, наш революционный цвет не трожь! Худо тебе будет!..

– Хуже некуда...

– Все равно от нас не уйдешь! Возьмем след!

– Кого пошлете по следу – бить стану.

– Еще посмотрим, кто кого побьет?

– Лучше пожалейте своих людей, оставьте меня в покое.

– Мы тебе такой покой устроим – всем чертям тошно станет!

Липецкий замолчал. Долго молчал. Потом сказал красным:

– Я вам объявляю войну.

– Ты, Липецкий, совсем свихнулся.

– Нет, я при своем уме.

– Ты же один, а нас много. Какая может быть тут война?

– Мое дело: сказать вам.

– За что же будешь воевать? За Белого Царя?

– И за Белого Царя.

– Его же нет – зачем он тебе нужен?

– Вы у народа спросите, какой царь ему нужен: Белый или Красный? Тогда все поймете.

– Ты нам, Липецкий, зубы не заговаривай: не за кого тебе воевать. Все ушли, их уже не вернешь!

– Есть за кого. За жену свою. За дочку свою. За детей Белого Царя. За все ваши безвинные жертвы. Вы считали, сколько людских душ погубили?

– Молчать! – закричали красные. – Это не твоего ума дело. Это дело революции!

– Бог вам никогда не простит того, что вы наде-
лали.

Тут красные в ярости закричали:

– Мы сейчас из тебя, Липецкий, вытряхнем твоего
Бога и ты станешь таким же красным и кровавым, как
и мы...

– А это как решит мой Небесный Отец, так и будет! –
сказал Липецкий.

И ушел он от красных. И тут за ним началась на-
стоящая охота. «Охотниками» стали энкавэдэ.
Сколько на него ловушек ставили – не попадался.
Сколько его в разные хитроумные западни заманива-
ли – не заманили. Сколько коней в погоне за ним запа-
лили – не счесть. Сколько оленьих упряжек замучили –
никто не считал.

Был Липецкий неуловим.

Однажды его выследили в доме. И энкавэдэ плот-
ной цепью обложили двор. Стояли на почтительном
расстоянии и кричали:

– Липецкий, бросай оружие! Выходи!

– Липецкий, сдавайся!

– Дом окружен – все равно не уйдешь!

Дом молчит.

Энкавэдэ стоят, ждут.

Потом опять стали кричать:

– Липецкий – сдавайся!

– Липецкий – выходи!

Тут из дома послышался голос Липецкого. Кричит:

– Одеваюсь, сейчас выйду! Ждите!

Энкавэдэ приготовились, подтянулись. Во все гла-
за смотрят – как бы не упустить. Дело было летом.
И на женщину с ведром никто не обратил внимания.
Мало ли женщин ходит по воду. Главное – Липецкого
поймать.

Соят, ждут.

Сколько же времени он там одевается. Стали кри-
чать, потарапливать:

– Давай скорей!

– Выходи, давай!

Дом молчит.

Снова кричат.

А дом все молчит. Подойти же не решаются. Вид-
но, крепко побаивались Липецкого. Да и наслышаны
были о нем: знали, каков он из себя, как владеет ору-
жием. А оружием владел отменно. Казалось, любая
железка стреляла в его руках. Да как стреляла. Ни одна
его пуля мимо цели не проходила. Мог ночью, в тем-
ноте стрелять. Мог не глядя, с завязанными глазами,
стрелять. Мог двумя руками одновременно из двух
пистолетов стрелять. Как он умудрялся все это проде-
лывать? Говорят, все очень просто: где глаза не видят,
там ухо слышит. Значит, на звук стрелял. Говорит, жить
захочешь – всему научишься. Говорит, война многим
нужным и ненужным делам научила. Когда попадал
в особенно тяжкую переделку, вытаскивал два ствола:
одним управлял глаз, другим – ухо. Попробуй, возьми
такого стрелка. Кому охота свой лоб под пулю подстав-
лять? Особенно в мирное время.

Ловкий был.

Сообразительный был.

Стремительный был.

В первый раз как он от красных ушел? Дело, расска-
зывают, так было. После «задушевной» беседы красные
передали его красным энкавэдэ. Он и не думал сопро-
тивляться. Дал себя обыскать. Смиренно. Пояс отня-
ли, карманы перетряхнули, бока ощупали. И в тюрьму
повели. Спереди энкавэдэ, сзади энкавэдэ. Ведут. Все
тихо, мирно. Вдруг, улучив момент, он резко встряхнул
руками – из рукавов два пистолета. И двумя стволами
одновременно – ба-ах, ба-ах, бах! Перевернулся через

голову, колесом юркнул в кусты, оттуда в траву – и нет его.

Скатился в низинку, в небольшую выемку – перезарядил там пистолеты и снова готов к бою.

Так в первый раз ушел от красных.

И эти энкавэдэ, наверное, слышали об этой истории. Поэтому и топтались сейчас в нерешительности. Еще сколько-то времени прошло. Нужно было что-то делать. И, наконец, когда их терпение совсем иссякло, двинулись к дому.

Тихо. Ни стука, ни выстрела.

Ворвались в дом.

– В доме – полог. Сорвали полог. А в пологу – голая женщина.

А след Липецкого давно простыл. Переоделся во все женское, на глаза надвинул платок – и был таков.

Бывало, энкавэдэ возьмет след Липецкого, мчатся за ним – пока коней не запалят. Но ведь и у Липецкого не крылатый конь. Однако он всегда находил свежего коня и отрывался от погони. А то, бывало, неожиданно исчезал его след. Как сквозь землю проваливался. Преследователи всю округу переворачивали и, в конце концов, так ни с чем и уходили.

Это лишний раз всех убеждало в том, что ловить Липецкого – дело пустое.

* * *

Воды становились снегами и льдинами, снега и льды – водами.

Так прошли годы.

И тут накатили лихие лета. Остяки вышли из повиновения и поднялись на красных. И красные поднялись на остяков¹⁷.

¹⁷ Речь идет о Казымском восстании 1934–1935 гг.

Из Катерины-Царицы-города¹⁸ войска пришли, аэропланы прилетели. И по земле, и по небу вдоль больших и малых рек двинулись.

Так война на нашу землю пришла.

И кто был пулей убит.

Кто был огненным камнем разорван¹⁹.

Кто был холодом заморожен.

Кто был лиственничной дубиной-колотушкой забит.

Кто был в камере-темнице истерзан.

Ни один до тюрьмы-лагеря не дожил...

Прошло, прокатилось лихое время. Но еще долго войска прочесывали многие реки. От устья до верховья, от верховья до устья тянули свои «невода». Все проневодили. Вылавливали всех, кто был причастен и не причастен... Особо не разбирались: попался – отвечай по всей строгости военного времени. После энкавэдэ свои сети-ловушки начали расставлять. Каждую реку, каждое болото и озеро, где восставшие проходили и где бои случались, рьяно просматривали и прослушивали.

Воды-земли многих наших рек были вверх дном перевернуты.

Но даже в эти бесконечные невода и плотно наставленные сети-ловушки Липецкий не попадался.

Но его все искали, все ловили.

Как-то зимой в наш дом наехали путники-гости. Кто в верховье реки едет, кто в низовье. Кто по промысловым делам, кто по родственным. Кто в поселок, кто из поселка. За одним большим столом сидим, чай пьем, новостями обмениваемся. Тут собаки на улице залаяли – новые упряжки подъехали, новые путники в дом вошли. Как это принято, гостям чай налили,

¹⁸ В те годы Остяко-Вогульский национальный округ входил в состав Уральской области с центром в Свердловске, бывш. Екатеринбурге.

¹⁹ «Огненный камень» – так ханты называли гранату.

за стол их посадили. Дальше разговоры ведем. Выяснилось, приезжие – два или три энкавэдэ с переводчиком – едут на поиски «врагов народа». Один из них, поговорив о том о сем, спросил через переводчика:

– Про Липецкого что-нибудь слышали?

Рядом с ним сидящий охотник, прихлебывая чай из блюдца, по-хантыйски через переводчика спрашивает:

– Про какого Липецкого?

– Про того, кто за белых воевал.

– Нас там не было: откуда мы знаем, который Липецкий за белых воевал, а который за красных. Поди, немало на свете Липецких...

– Про Леню Липецкого спрашиваю, которого ищем...

– А-а, так скажи...

– Так что про Леню слышно?

– Да ничего вроде бы не слышно.

– На вашей реке не появлялся?

– Такого слуха будто бы не было.

– Ну, смотрите!.. – строго говорит энкавэдэ. – Нам нужна его голова.

– Значит, у него какая-то особо ценная голова, да?

– Да, за его голову мы дорого заплатили.

– Кто бы так оценил наши головы, – шутит охотник. – Может, отдал бы свою...

Но энкавэдэ не до шуток. Снова напоминает с нотками угрозы:

– Смотрите, как только появится Липецкий на вашей реке – так немедленно в город нам сообщите!

– Ах-а, как же, немедленно сообщим! – поддакивает охотник-собеседник. – Пусть только покажется здесь! Сообщим, ждите!..

Сидят так энкавэдэ и охотник, коленка к коленке, чай пьют и через переводчика разговор ведут о том,

как Липецкого поймать. И невдомек энкавэдэ, что этот жилистый охотник в малице и кисах²⁰ и есть сам Леня Липецкий.

Не однажды такое случалось. Сидит Липецкий рядом с энкавэдэ, рассуждает, как его самого в энкавэдэвские «сети» заманить. Между делом, конечно, вопросы вставляет, выпрашивает, что в последнее время слышно о Липецком, то есть о нем самом. Где его видели? Какие слухи о нем ходят? И, конечно, выведывает у энкавэдэ другие, нужные для себя сведения.

Пожалуй, ни одному энкавэдэ и в голову не приходило, что он с Ленею Липецким за одним столом сидел, чай пил, разные сведения выдавал. Если, разумеется, тот не раскрывался. Бывало, рассказывают, он иногда разные шутки выкидывал над своим преследователем. Поговорит с энкавэдэ, чай с ним попьет, потом скажет: на чистейшем русском языке:

«Липецкий тебе нужен?! Я – Липецкий, бери меня!..»

Энкавэдэ обычно вскакивал и кричал:

«Арестован! Руки вверх!»

Липецкий приподнимал руки, потом делал неприличный жест и насмешливо спрашивал:

«А вот этого не хочешь?!»

«Стой! Стрелять буду!» – кричал энкавэдэ и тянул руку к кобуре на боку.

«Х...м, что ль, будешь стрелять?!» – в лицо ему хохотал Липецкий.

Кобура оказывалась пуста. Либо револьвер без патронов. Чак-чак – не стреляют.

Тут Липецкий вскакивал на коня или на нарту – и был таков.

²⁰ Малица – хантыйская шуба мехом внутрь. Кисы – унты с меховыми чулками.

Незадачливый энкавэдэ бросался в ярости на народ, на людей:

«Почему не выдали?!»

«На лбу не написано, кто он такой...» – люди разводили руками.

«Почему в дом пустили?!»

«По обычаю каждый путник входит в дом не спрашивая...»

«Почему чаем напоили?!» – кипятится энкавэдэ.

«Всем гостям чай принято наливать...»

Энкавэдэ, остывая, многозначительно обещает:

«Смотрите!..»

Обычно же Леня Липецкий сидит себе спокойно, чай пошвыркивает, посмеивается, энкавэдэ про самого же себя через переводчика расспрашивает. Мол, для того интересуется, чтобы при случае подсобить в поимке Липецкого, сообщить в энкавэдэ о его появлении.

Таким вот Леня Липецкий был. Ничего не боялся. Никого не боялся.

* * *

Замолкает мой древний зять-старик.

Молчит и дом.

Молчу и я.

Потом, как бы уловив немой вопрос слушателей, мой зять-старик спросил:

– Почему его не могли поймать?

И сам же, выдержав нужную паузу, ответил:

– Простых людей он никогда не трогал, не обижал. Ни ханты, ни русских.

Старик снова помолчал, потом спросил:

– Энкавэдэ кого искали: русского человека, белого офицера. Так?

– Так, наверное, – сказал я.

– Вот-вот, – улыбнулся мой зять-старик. – А Липецкий был совсем как ханты. Ходил в нашей одежде. На оленях ездил. Ножом и топором хорошо владел. На подволоках²¹ крепко стоял. Словом, ничем от ханты не отличишь...

Старик задумался, опустил голову. Потом тронул меня за колено, сказал:

– А язык ханты он знал лучше нас с тобой...

– Ну, так скажи...

Пришло время вечернего чая. После, когда все в доме понемногу утомонились, я спросил зятя-старика:

– История Липецкого имеет ли конец, зять-старик?

– Имеет, – откликнулся старец.

– Так его и не взяли?

– Нет.

– Чем же все закончилось?

– Вот чем все закончилось... – вздохнул старец. – Сейчас расскажу...

Он тяжело помолчал. Помолчав, начал:

– Жил Липецкий у моего троюродного брата Кирилла на соседнем притоке нашей Большой реки. Много про войну рассказывал. В бою как было, если ты не убьешь, то тебя убьют. Война, говорит, дело худое. В ней мы, люди, повинны. И за эту свою вину жизни свои кончали. Это можно понять как-то. Больше всего, говорит, коней было жалко. Ведь кони-то ни в чем не повинны...

* * *

Так вот, Липецкий жил у моего троюродного брата Кирилла. Но там только зимой жил. Как только

²¹ Подволоки – широкие охотничьи лыжи, подбитые мехом.

наступала весна и открывались воды, он на все лето уходил на Обь. Осенью, перед самым ледоставом, с первыми снегами-льдами он возвращался в дом брата Кирилла на зимовку.

Так он и жил: летом на Оби, зимой – здесь.

Так прошло сколько-то лет и зим. Немало воды за эти годы утекло.

Вот посчитай.

Закончилась война между белыми и красными.

Закончилась другая война между остяками и красными.

Пролетело еще несколько лет и зим и началась еще одна война вдалеке от нашей земли. Эту войну мы все хорошо помним. Много наших людей на эту войну взяли. И моих двух братьев на эту войну увезли. Так они и не вернулись, сгинули бесследно, в Нижний Мир ушли. Как русские говорят, погибли.

В первый год этой войны, в начале зимы, Леня Липецкий в доме брата Кирилла заболел. У него руки-ноги стали опухать. И тогда он сказал хозяевам дома: все, больше не выздоровлю. Конец мне пришел.

Потом такие слова добавил:

– Теперь, – говорит, – если хотите, меня в энкавэдэ сдайте. В город сообщите. Ни на кого, – говорит, – в обиде не буду. Вы мне дали, – говорит, – много дней и лет жизни...

Однако, как и полагается, за всяким больным и немощным, за ним ухаживали, его лечили. Но сбылись его слова: болел, болел, сколько-то времени прошло – и он умер.

Как и полагается всякому закончившему жизненный путь по Среднему Миру, его со всеми обрядами похоронили на родовом кладбище.

Еще сколько-то времени прошло, но в ту же зиму весть о его кончине дошла до энкавэдэ, до города.

И вот из города приехали три энкавэдэ и потребовали, чтобы им показали могилу Лени Липецкого. Привезли их на родовое кладбище, на могилу. Тут они приказали, чтобы выкопали покойника. Все ханты, бывшие там, наотрез отказались. У ханты считается самым большим грехом – это потревожить прах ушедшего в Нижний Мир. Поэтому все ханты – хоть убей – не прикоснулись к могиле. Тогда эти энкавэдэ сами начали выкапывать покойника. Видно, немало времени прошло со дня похорон. Земля так промерзла, что ее не брали ни лопаты, ни топоры. Тогда привезли пешни. И пешнями стали долбить землю на могиле. Долбили-то в основном двое. А третий, старший энкавэдэ, прохаживался вокруг, распоряжался, командовал.

Наконец с большим трудом откопали могилу.

Энкавэдэ вытащили покойника, всего обыскали его. Только немного денег при нем нашли. И больше – ничего.

Что они искали – не знаю. Может быть, слышали про Божье Послание и его искали? Но и Божьего Послания на шее покойного не оказалось. Куда он подевал его перед смертью – тоже не знаю. Никому это не ведомо. Осталось это его тайной.

Так Леня Липецкий, даже мертвый, еще раз надул энкавэдэ, оставил их ни с чем.

Тут старший энкавэдэ взял пешню и всадил острие в голову покойника. И яростно заработал пешней. И разбил всю голову мертвому Лене Липецкому.

Люди, бывшие там, отвернулись в сторону, опустили глаза.

И молчали.

Молчали...

Перед уходом из жизни, будто уже в бреду, Липецкий все вздыхал: «Россия-Россия, сколько людей загубили...» А потом, уже более отчетливо, спрашивал:

– И за что?! И за что?!

Так и не получив ответа на свой мучительный вопрос, Леня Липецкий ушел в Нижний Мир.

* * *

После, когда энкавэдэ уехали, люди и эту окаянную пешню похоронили на родовом кладбище.

Замолк старец.

Молчал и дом.

И это молчание было похоже на то, как чтут память всякого преждевременно и насильственно отправленного в Нижний Мир.

1990

РУССКИЙ ЛЕКАРЬ

Рассказ Сардакова Иосифа²²

1. Гость дальней земли

И среди русских есть достойные...²³

Дело было после войны. В ту пору я был пастухом в верховье Агана, на землях рода Казамкиных. Как-то во второй половине лета к нам приехал русский молодой человек, зоотехник, или, как мы его называем, олений лекарь. Сначала осмотрел стоянку и оленей, что возле дымокура спасались от комаров и паутов. Потом в одном чуме чай попил, поговорил с людьми, затем перешел в другой. Любознательным оказался, всем интересуется. Об оленях, о житье-бытье, об обычаях расспрашивает. Чай пьем – разговариваем. У дымокура на оленей стоим – разговариваем.

²² Эту историю я услышал в шестидесятые годы от бывшего оленевода Иосифа Александровича в доме моего отца на среднем течении Агана.

²³ Иосиф Александрович употребил слово «тарэм», означающее выносливый, стойкий, мужественный, с оттенками прилагательных «благородный», «справедливый», «достойный».

Между собой мы называли его Русским Молодым Человеком, Оленьим Лекарем и просто Лекарем.

Настал вечер. Я потеснил свою семью в половине чума: моя мама передвинула постель ближе к двери, за ней переместились наши старшие дочери Лидия и Валентина, младший в люльке Егорка с матерью, еще здравствовавшей в те годы. В каждом чуме жили по две семьи: летом легче каслать – меньше поклажи. Гостю дальней земли постелил и натянул полог рядом с собой, ближе к спине дома, на почетном месте. Сначала он все называл меня «бригадиром» или «Иосифом Александровичем». На это я ему сказал, что отец мой давно ушел в Нижний Мир. А у нас, у хантов, не принято называть по имени и попусту беспокоить тех, кто уже перебрался в тот мир. Поэтому зови меня просто Осипом.

На другое утро он говорит мне:

– Осип, хочу пастбище осмотреть.

– Смотри, – говорю. – Все вокруг – это пастбище!

– Нет, – говорит. – Мне все своими глазами надо увидеть!

– Что смотреть: бор видел, болото видел?

– Видел.

– Везде одинаково: боры, болота, реки да озера.

– Мне надо пройти по ним своими ногами!

– Зачем это тебе?

– Понимаешь, Осип: я хочу узнать вашу землю...

Разговор происходил возле дымокура. Как водится, мы смотрели на пришедших с пастбища оленей. Я повернулся к моим пастухам, спрашиваю, по-своему, что с ним делать? Можно ли взять на обход? Выдержит ли? Но люди мои засомневались. Мол, где-нибудь «ляжет» – и потом плетись домой, тащи его на себе. А если далеко от дома ослабнет? Мол, комары да мошкара его заедят. Разве городской выдержит такое?! Мол, с ним только намучаешься – и дело не сделаешь, пастбища

не обойдешь. Зачем попусту на него время терять? Словом, все высказались против, не связывайся с ним. Поживет здесь день-другой и сам начнет в город проситься. Никто из приезжих тут долго не выдерживает. Особенно в комариную пору и в жару.

Выслушал я своих пастухов и говорю ему:

– Комаров много, Молодой Человек!

– Не съедят, поди, – отвечает он.

– Болота топкие!

– Не утону, поди.

– Тропы длинные и тяжкие!

– Но вы же ходите по ним.

– И все пешком и пешком!

– Я солдат! – говорит.

– Ну и что?

– Я солдатом был, – говорит. – Сколько оттопал – не счесть!..

– Терпишь, значит?

– Терплю!

– Много дней терпишь?

– Сколько нужно будет.

Я помолчал немного. Думаю, если ему так хочется – пусть попробует. Коль ляжет – так уж как-нибудь дотащу до дома. Сказал ему:

– Ладно, ноги твои: хочешь – пойдём.

– Конечно, пойдём! – бодро согласился он.

Перед уходом я отдал ему летние нырики²⁴ и попросил снять сапоги. Переобулся. В сапогах по нашим болотам далеко не уйдешь.

Собрались, последний чай попили. Надел он на себя свой рюкзак – и мы пустились в путь. Объяснил ему, как и куда будем идти. Сначала по сосновым борам пойдём вдоль Агана вниз, потом по боку одного из его притоков повернем на север, поднимемся до самого

²⁴ Нырики – мягкая кожаная обувь из ровдуги, мокасины.

верха реки. Оттуда, по верховьям больших и малых притоков Агана, двинемся на восток. Там будем брать все правее и правее, в сторону полуденного солнца. И, возможно, выйдем к Агану недалеко от его истока и совсем с противоположной стороны вернемся домой. Сделаем большой круг, в центре которого пасется наше стадо.

Спутник мой кивнул: мол, все понял.

Я двинулся скорым шагом далеко идущего человека. По твердой земле соснового бора мой напарник шел ходко, шел хорошо. Это немного успокоило меня. Подумал: «Похоже, парень, и вправду день-другой выдержит!» Пускаясь в дорогу, так прикинул: как только мой Лекарь начнет сдавать, назад повернем, домой полетем. Как-нибудь, с большими перекурами да привалами, авось, дотянет до дома. Такое у меня было на уме, когда вопреки словам моих пастухов я решил его взять с собой.

Идем по бору. Он чуть позади меня на шаг или полшага отстает. Идем – то молчим, то двумя-тремя словами перекидываемся. При ходьбе быстрой обстоятельный разговор не вяжется.

Идем, изредка на перекуры останавливаемся. Мы бы вообще не останавливались, если бы я ему строгонастрого не запретил курить на ходу. Стояла непомерная сушь, все боры давно пересохли. И от одной маленькой искорки ягель мог порохом вспыхнуть. Он со мной согласился без лишних слов. Вначале я одним уголком глаза все следил, чтобы он окурки тушил полетному – закапывал в песок. Это самый надежный способ тушения. Поэтому место для перекура выбирал ему возле песчаных выбоин на тропе или на зимнике. Впрочем, он тоже прекрасно понимал, что если спалим пастбища – кончим оленей. Если кончим оленей – то лишимся жизни.

Для меня же нет проблем с огнем. На ходу достаю табакерку, на ходу курю – табак за губу кладу. С улыбкой предложил ему:

– Попробуй мой табачок, Молодой Человек!

– Не привык к такому способу курения! – тоже с улыбкой ответил он.

– Вот поживешь с нами, попасешь оленей – и научишься по-нашему курить!

– Научусь – так хоть на спичках сэкономлю! – смеется он.

– Главное, без огня начнешь обходиться.

– Да, ваши ягельники и боры от огня сберегу!

Покуривая папиросу, он расспрашивал, как мы пасем стадо в летнюю пору. Я коротко рассказал ему. Сразу после весеннего отела, в начале лета, когда появляются комары, мы переходим на круглосуточное дежурство. Пасем попарно.

Два пастуха дежурят день и ночь, потом заступают на смену следующие двое. Так и ходим за стадом всю ночь. Утром пригоняем оленей домой, где они у дымокура лежат до тех пор, пока не проголодаются. Встали олени, пошли на пастбище – пастухи за ними. Там живем почти до конца лета. Примерно в конце июля, когда ночи становятся совсем темными и оленей уже трудно различать от деревьев-трав, отпускаем их на вольный выпас. Залето они приучаются к дымокуру. И по утрам, избавляясь от паутов и назойливой мошкары, так называемой комариной рысцей прибегают домой к спасительному дыму. А если не являются к дымокуру, то приходится разыскивать их на пастбище.

Как раз это время выпаса сейчас наступило.

Что в эту пору делают пастухи? Да дел всегда невпроворот! Через каждую неделю-другую делаем дальние обходы пастбищ. Смотрим, не отбились ли за его пределы большие группы оленей. Если есть таковые,

заворачиваем обратно, пригоняем домой. И второе важное дело – ремонтируем старые и мастерим новые нарты, готовимся к осени и зиме. Пастух без нарты – это как охотник без ружья. А за год столько ездовых и грузовых нарт изнашивается и ломается, что к концу лета не знаешь, с чего начать. Тут за полтора-два подснежных месяца каждый пастух должен поставить на ноги – точнее, на копылья – весь свой аргиш. Иначе по первоснежку вместе с семьей останешься на первом же брошенном становье. Поэтому все свободные дни либо латаешь упряжь, либо по берегам речек выискиваешь кремневые лесины на полозья. За два-три каслания по весеннему насту нартовые полозья начисто «сгорают». Вот и ходишь, в поисках дерева покрепче, если весной какие-нибудь нашлепки не успел приспособить на полозья.

Выкурил он папиросу, схоронил окурки в песок – и мы двинулись дальше.

– По чьей земле, Осип, идем? – спрашивает.

– По земле рода Казамкиных, – отвечаю.

– Они не против колхозного стада?

– Кто их станет спрашивать?

– Да, пожалуй...

– Все здесь принадлежит колхозу. Так считается.

Помолчал мой спутник, потом спросил:

– А твоя земля где, Осип?

– Моя земля тоже теперь стала колхозной.

– Далеко она отсюда?

– Река Ягурьях была землей рода Сардаковых²⁵, – сказала я.

– Это вниз по Агану?

– Да, правый приток. Сразу за поселком, за Варьеганом, где контора нашего колхоза.

²⁵ Там к 80-м годам геологи построят крупный поселок Новоганск.

Оба замолкаем. Идем дальше.

Сосновый бор.

Горячее солнце.

Жужжанье паутов.

Писк комаров.

Оленьи тропы, оленьи следы.

Полуденный чай не стали варить. Из дома вышли поздно, почти к середине дня. Решил, что напарник мой выдержит без еды до вечера. Лишняя остановка – лишняя трата времени. Подумал, если он хорошо пойдет, может быть, удастся обойти большую часть пастбищ. Коль уж приспичит, очень захочет есть – так напомнит про обед, не маленький. Но все идет, молчит про еду – значит, еще терпит.

Миновали бор Узорчатого Яра, на котором расположены зимние и летние селения основной ветви рода Казамкиных. У главы рода много имен, рассказывал я своему спутнику. Ханты зовут его и Чач-ики, и Данива-ики, и Коски Отец – это по имени старшего сына. Русские кличут его дедом Василием, это его русское имя. Белая голова, белая борода. Сколько ему лет – он, пожалуй, и сам не знает. В Летнем Селении²⁶ он, бывало, с трубкой в зубах усядется на крутояре возле дома и подолгу смотрит на медленные воды Агана. Возможно, Старший Казамкин вспоминал рассказы о том времени, когда его предки пришли сюда, в верховье Агана, с далекого Казыма, правого притока Нижней Оби. Пришли и обосновались тут, в пустынном в ту пору верховье реки. Ведь на среднем и нижнем течении тогда уже жили другие роды. Если спускаться вниз, то после Казамкиных пойдут Сардаковы, Айпины, Лейковы, Тылчины, снова Айпины, Тырлины, Покачевы,

²⁶ Селение будет жить до тех пор, пока на юге, за черным урманом, не откроют знаменитый нефтяной Самотлор и не встанет город Нижневартовск, откуда выгнутся сюда его бетонные шпальца дорог и стальных нефтепроводов.

Епаркины, вторые Тырлины, снова Покачевы, потом Лисмановы – а там и устье Агана.

Почему яр называется Узорчатым? Старший объяснял все очень просто. Он указывал рукой на нижнюю оконечность яра, на самый высокий угор, поросший соснами: посмотрите там и все поймете. И вправду, под соснами, на белоягельном бору лежат причудливые узоры из белейшего песка. Будто давным-давно, в незапамятные времена, их вырезала искусная мастерица из камуса белого оленя. Отсюда и пошли названия: Узорчатый Яр, Узорчатого Яра Селение и еще одно имя Старшего – Узорчатого Яра Старик.

Почему у Старшего столько имен? Он считался в свое время довольно сильным шаманом, а всякого шамана не принято часто называть прямым именем. Вот откуда у него много имен появилось. Впрочем, многие его побаивались, что ли. Ходили слухи, что он не совсем справедливо шаманил иногда. Говоря по-нашему, «обратно жил», «в обратную сторону дела делал», то есть не столько помогал, сколько вредил помаленьку людям, которые ему не нравились. Только красные русские не боялись его. Но, однако, когда забирали всех шаманов реки «как врагов народа», его не тронули. Видно, судьба...

Так вот идем. Напарник мой спрашивает – я отвечаю, такие рассказы-сказки ему рассказываю.

После бора вышли к неширокой заболоченной ложине, по которой весной талые снеговые воды скатывались в пойму Агана. Не останавливаясь, ступая по кочкам, я пустился через болотце. Уже выходя на противоположный бор, услышал крик.

– Осип, спасай!.. Осип, то-ну!..

Оглянулся: мой спутник посреди болотца провалился и по пояс завяз. Глаза – как два котла, волосы – вздыбились лесом. Руками, как лопатами, наклонившись

вперед, загребает болотную жижу в обратную сторону. Дерг одной ногой – все ниже, дерг другой ногой – еще глубже. Всякая трясина одинаково держит: чем больше дрыгаешься, тем быстрее засасывает.

– Не шевелись! – кричу ему. – Сейчас вытащу!

Болотце вроде бы не топкое, подумал я. Как умудрился завязнуть?

– Не утонешь! – кричу ему. – Болото тут не глубокое!

Вернулся к нему, взял его за левую руку, на бор глянул. До твердой земли расстояние небольшое. Может, с хороший аркан. Может, чуть больше. Ну вот, стиснул крепко его руку, выдернул его из трясины и, добавив свою дурость, по болотной жиже волоком поволок его к сосновому бору. Можно было, вытянув из трясины, поставить его на ноги, и он выбрался бы на сухое место. Но я этого не сделал, а поволок его. Подумал: пусть как следует понюхает нашу землю, пусть попробует на вкус болотной жижи-водицы, пусть получше узнает, как живет-работается пастуху-оленеводу.

Допер я его до твердой земли, на ноги помог подняться, выпустил его руку. Он отряхнулся от налипших остатков торфа и мха, по взлохмаченным волосам пятнами провел, говорит:

– Спасибо, Осип!.. Без тебя не выбрался бы из этой ямы!..

– Вот если бы в сапогах был – и с моей помощью не выбрался! – засмеялся я.

– Вовремя от сапог избавился.

– Или остались бы сейчас на дне болота.

– Да, верно! Спасибо, тебе!..

– За это у нас не говорят «спасибо», – сказала я.

– Почему?

– Это такое малое дело, которое обязан делать каждый человек.

– Поэтому не стоит благодарности?

– Да, поэтому не тратят на это слово.

– Так-так, понял...

Я достал табакерку, а напарник закурил папиросу. Помолчали, потом, глядя на болотце, он спросил:

– Много ли оленей в топи попадает?

– Взрослый олень умный: топь обходит стороной.

– Но бывают случаи?

– Конечно, бывают. Кто обычно вязнет на топком месте? Глупые олени – это раз. Взрослые олени, скажем, загнанные в болото медведем, – это два. И неосторожные в пору, когда на урезе воды малых зарастающих озер появляется трава, которую у нас называют коос-пом. Эту траву очень любят олени. И в погоне за ней, бывает, олени забывают об опасности и вязнут в мягких болотах – это три.

– Как трава называется – коос-пом?

– Как будет по-русски – не знаю. А по-хантыйски так переводится: «крохаль-трава». Утка такая есть.

– Знаю.

– Говорят, трава-то лечебная. Может, поэтому олени так любят ее.

– Мне посмотреть надо эту траву, Осип.

Помолчали, покуривая. Потом он снова стал спрашивать про оленей:

– Как вызволяете попавших в топь?

– Очень просто: тянешь за рога или хвостик.

– А если место топкое, опоры нет?

– Тогда ломаешь сухары²⁷, настилаешь мостки, по ним подбираешься к попавшему в беду оленю, помогаешь ему вытащить передние ноги. Если под передними ногами будет хороший упор, он сам довольно легко может выбраться.

– А сам, Осип, если бы в топь попал, как бы выбрался?

– Я бы постарался не попасть туда! – засмеялся я.

²⁷ Сухара – высохшее на корню дерево.

– Но ведь всяко бывает.

– Глаза показывают, где можно ходить, а где нельзя, – сказал я. – Первое дело: никогда не ступай на буро-коричневые пятна болота, где не растут ни травинка, ни мшинка. Тут наверняка можно провалиться. Второе: болота наши довольно твердые, топких мест совсем немного... По зыбким местам обычно ходим со слегами или с арканом.

– Аркан чем поможет?

– Заарканишь дерево, пенек или просто кочку – и выбирайся по аркану из болота.

– Что же дома не дал мне аркан?

– Так вот – не догадался...

– Хоть сам бы выбрался из топи!

Когда он выкурил папиросу и сунул окурочек в болотную жижу, двинулись дальше по сухому бору. К вечеру поднялась мошкара, которая назойливо лезла в глаза, ноздри и уши. Идти стало труднее. Но спутник мой молча шагает, будто всю жизнь проходил по таким оленьим тропам.

В первых сумерках мы вышли к Лахр-Ягуну, к правому, довольно немаленькому притоку Агана. По всем меркам останавливаться еще рано, но я решил устроить здесь ночлег. Мой Олений Лекарь целый день на ногах и без еды. Хоть и бодрится, но я знаю, что человеку непривычному трудно столько пройти пешком по жаре и комарам.

На песчаном ярике, на берегу речки я выбрал место для привала. Быстро развел костер, повесил над огнем котелок для чая. Пока закипала вода, нарубил сосновых веток на лежанку, развернул полог. Полог от комаров был один на двоих.

Вскипел чай – и мы сели ужинать.

Пили чай степенно, не спеша, с неторопливым говором. Между тем не заметили, как опустошили

один котелок. Не долго думая, над огнем повесили его во второй раз.

На бор и речку опустилась ночь. На западе, над вер-хушками сосен еще долго, как бы нехотя, догорала ве-черняя заря.

Укладываясь спать, спросил напарника:

– Ну как, Молодой Человек, немного устал?

– Да, немного есть, – ответил он.

– Еще один день терпишь?

– Терплю, – бодро сказал он.

Это хорошо, подумал я. И собрался лечь, но мой не-угомонный Лекарь вспомнил про мою матушку, стал расспрашивать.

– А твоей маме, Осип, не тяжело кочевать с вами?

– Да она еще любую молодуюшку может обскакать на упряжке! Старая закалка! – улыбнулся я.

– Но все же старости нужен покой.

– Да где возьмешь этот покой?

– В поселке жить не хочет?

– Нет, конечно... Понимаешь, я младший сын в се-мье, она последнего меня выкормила, – стал ему объ-яснять. – Поэтому, по нашим обычаям, родители на старости лет достаются мне, самому младшему сыну. Я должен заботиться о них... Я ж не могу оставить ее где попало, кому попало...

– Да, Осип...

– И нам без нее было бы нелегко.

– Помогает?

– Как же, почти полдома держится на маме. Помо-гает Моей²⁸ одежду шить, стирать, еду готовить. И, ко-нечно же, незаменимая нянька нашим детям. Не знаю, как бы без нее мы пастушили, как бы каслали с места

²⁸ Обычно не принято супругам называть друг друга по имени. Говорят «Мой» или «Моя», или, к примеру, «Лидии Мама», «Ивана Отец», «Наших детей Мама» и «Наших детей Отец».

на место. Представляешь, как с такой оравой коче-вать?! По-хорошему-то вообще многодетных нельзя ставить пастухами.

Тогда я еще не знал, что меня ожидает впереди. Не знал, что вскоре после рождения нашей младшей дочки погаснет очаг моего дома. Все мы осиротеем. Моя, родившая мне пятерых детей, преждевременно оставит этот мир. И моей старой маме придется рас-тить мой дом, моих детей.

Наконец замолк мой спутник.

Я сунул под голову аркан и пояс вместо подушки, улегся поудобнее и с думой о маме, под мягко журча-щий говор воды, вскоре уснул.

2. Вверх по Кольчуге-Реке

Утром, как это обычно бывает на ночевке в лесу, проснулся очень рано. Встал, вскипятил чай, разбудил напарника. После первого дня ходьбы пешком ломит все тело, это известно каждому пешеходу. Но Лекарь мой поднялся быстро, поясницей покрутил, руками помахал, шеей повертел. Улыбнулся: говорит, жить можно. Зарядкой это у него называется.

Я ему на нырики показал. Мол, руками надо пора-ботать для начала. Вечером объяснил ему, какой уход требуют нырики. Под моим присмотром смыл с них песок в речной воде, выжал и, старательно распра-вив, повесил на просушку. А травяные стельки разло-жил на валежине – они тоже должны до утра просох-нуть. И вот теперь, высохнув, кожа ныриков совсем задубела. Чтобы не намозолить ноги, берешь нырики и мнешь их руками. Они любят уход. Если как следует не будешь просушивать – сгниют, развалятся на ходу. Пропадут нырики – останешься без ног. А без ног в лесу куда?!

Размяли нырики, обулись, чай попили, обвел я взглядом место привала – не забыл ли чего – и мы пустились в путь. Сказал спутнику:

– На север мы повернули, вверх по Лахр-Ягуну пойдём.

– Эту речку так зовут?

– Да, конечно.

– А как переводится название речки?

– «Ягун» – это речка, а «Лахр», «Лахр»...

– Не переводится?

– «Лахр» – это железная рубаха...

– Что за «железная рубаха»?

– Железная рубаха воина, богатыря – как это по-русски называется?

– Кольчуга, наверное?

– Во-во – «Кольчуга-Река», значит.

Напарник мой хмыкнул, помолчал, покрутил головой, потом спросил:

– Откуда такое название сюда пришло?

– Из древности, – отвечаю. – От предков наших.

– А у них откуда кольчуги?

– Так они ж воевали!

– С кем?

Я начал ему считать на пальцах:

– С юга нападали татары – с ними воевали, это раз. Оттуда же приходили русские – опять воевали, это два. С севера набеги делали ненцы – с ними тоже воевали, это три. Так что, судя по войнам, кольчуга у наших предков чуть ли не повседневной одеждой была...

– Да, похоже.

– В те времена много воевали.

– И кто одерживал верх?

– Как это кто?! – удивился я. – Если бы нас победили, то у нас отняли бы нашу землю! А коли мы остались

жить на своей земле, значит, наши предки защитили нашу землю, отстояли ее! Вот так, Молодой Человек!..

– Не сердись, Осип! – миролюбиво сказал он. – Я не хотел тебя обидеть...

Несколько шагов прошли молча, ведя глаз по земле. Потом я снова заговорил:

– Предки хорошо защищали нашу землю, а мы – плохо...

– Почему так?

– Мы теряем свою землю...²⁹

– Каким образом – никто же не отнимает, ни с кем же не надо воевать!

– И отнимают, и воевать приходится!

– С кем?

– С русскими, – отвечаю.

– С какими русскими?

– С красными русскими.

– С красными?! – удивленно поднял он брови.

Коротко рассказал ему, как было дело. Когда появились первые русские, по словам наших древних, мы с ними воевали. Потом все уладили и при Белом Царе, при белых русских, мирно зажили. Но тут место Белого Царя занял Красный Царь и нагрянули русские, красные русские. Нагрянули, нахлынули со своими приказами-указами – так не делай, сяк не делай, так не живи, сяк не живи. Мы немного потерпели – и поднялись войной на красных русских. На прародине Казамкиных водились в ту пору еще лихие ребята. Они и поднялись первыми. Надеялись стать хозяевами на своей земле. Надеялись на свободу, чтобы самим решать, как жить в своем доме. Но ничего не вышло, ничего не получили.

²⁹ Тогда он еще не знал, что окончательно потеряет свои земли лет через тридцать, когда на месте его настоящей стоянки, возле устья Язевой Реки, вырастет город нефтяников Радужный.

– Плохо, что ли, воевали? – серьезно спросил мой Лекарь.

– Все нет, но дело плохо кончилось...

– Да, война – дело плохое...

– После своих предков с кольчугами мы, пожалуй, в первый раз проиграли войну... – сказал я.

– Почему так получилось, по-твоему, Осип?! – спрашивает.

Растолковываю ему:

– Красные воевали не справедливо.

– Как это не справедливо?

– Очень просто: мы на красных – с ружьем, они на нас – с пушкой или пулеметом. Мы – на оленьей упряжке, они – на самолете. Да еще сверху бросают огненные камни³⁰. Разве это справедливо?!

– Но это война...

– Или вот еще: где наших десятки – там красных сотни. А где наших сотни – там красных тысячи.

– Война...

– Но совесть-то надо иметь или нет?!

– Да, без совести нельзя, – признался мой Лекарь.

– Вот-вот: без совести может только нелюдь обходиться!

Помолчал мой собеседник. Мы шли бором, потом спустились в пойму и довольно долго пробирались вдоль берега по кочкарнику среди частых валежин. Я следил за следами зверей-птиц и за ходом оленей: где паслись, сколько их было, в каком направлении ушли.

Когда мы выбрались на ровное место, мой спутник продолжил прерванный разговор, спросил:

– Осип, а война разве может быть справедливой?

– Наша была справедливой.

– Объясни, почему.

– Вот слушай: если я с винтовкой приду на чужую землю, в чужой дом и меня за это прибьют – это справедливо будет, скажи ты мне?!

– Да, пожалуй...

– Все верно. А теперь, если на мою землю, в мой дом приходит красный с винтовкой, с пулеметом, с пушкой, что я должен делать?

Мой спутник молчит.

– Я должен делать то же, что сделали бы со мной на чужой земле, приди я туда с войной. Правильно говорю?

Молчит мой напарник.

– Знаю, скажешь: красные хорошие, нельзя их трогать...

Молчит.

– Когда в первый раз они нагрянули к нам, уверяли: мы, красные, для вас хорошие, помогайте нам, а вот белые – плохие, бейте их! Такие сказки нам напевали...

Олений Лекарь повел головой влево-вправо, выпрямился, медленно и увесисто опустил на меня три слова:

– Гадов... надо бить!..

Я ничего не сказал на это. Помолчав, он добавил:

– Как и хорошие люди, они попадают на всех землях...

– Тоже правильно, – согласился я.

После небольшой паузы он спросил:

– Ты сам, Осип, воевал с красными?

– Нет, я мал тогда еще был.

– Откуда все знаешь? От взрослых, вернее, стариков?

Люди рассказывают, народ вспоминает... А тех, кто воевал против красных, всех потом кончили: кого в бою, кого в тюрьме, кого втихомолку, из-за угла.

– Осип, ты пошел бы против красных? – спрашивает.

³⁰ Огненный камень – так называли и гранату, и бомбу.

– Если бы приспичило – куда деваться?! – вопросом на вопрос ответила.

Немного подумав, добавил:

– Если воевать по-справедливому, так двух-трех воинов за свою землю одолел бы.

– А я ненавижу войну!..

– Я – тоже!

После этого мы надолго замолчали. Каждый задумался о своем. Слева уходила назад, говоря по-русски, Кольчуга-Река. Видно, ее «военное» название наталкивало наши мысли на эту тему и поэтому мы почти целый день говорили о войне. Мы шагали в основном по редким сосновым борам, что часто перерезались болотцами и ровными сорами. Справа же тянулись сплошные болота с большими и малыми озерами.

Чем ближе к вершине реки – тем сосны в бору реже и ростом заметно ниже. Чувствуется, что идем на север, в сторону «холодного угла».

На окраине бора, на угоре, я приостановился, затем медленно, оглядывая ягель, прошел в глубину леса.

– Что там нашел, Осип? – спросил напарник.

– Медведь...

– Где?! – встрепенулся Молодой Человек.

След, утром прошел.

– Нагрешил?

– Нет, вроде бы...

Я разгреб сучком «пирог», оставленный медведем. В нем хорошо видны остатки кустиков и листочков черники, веточки голубики. Значит, он жил в пойме Лахр-Ягуна и лакомился ягодами, лениво нежился на мягкой мураве под тенистыми кедрами. А теперь вышел на бор и направился напрямиком на центр пастбищ, в сторону большого стада. В этом для пастуха мало приятного. Коль не поймает оленя, так распугает их, разгонит. Впрочем, кто его пути-тропы ведаёт –

может повернуть влево или вправо, может ни с того ни с сего умчаться за тридевять земель совсем в противоположном направлении. Предсказать все проделки чернолицего невозможно.

Пояснил напарнику:

– Если чернолицый нагрешит – в его пироге остается оленья шерсть.

– Тут шерсти нет?

– Нет, не видно.

– Стало быть, его совесть чиста?

– Чиста.

– Тогда пусть живет! – улыбнулся мой спутник.

На берегу Лахр-Ягуна вскипятили и выпили полуденный чай. И снова пустились в путь. Оленьих следов было немного. Они доходили до реки, вдоль нее поворачивали вверх или вниз и, описав полукруг, направлялись в сторону дома. Река как бы выполняла роль коралля. Летний олень в воду не лезет. Так во всяком случае считается. Хотя попадают олени, которых вода совсем «не держит». Такие олени могут переплывать довольно крупные реки. Правда, верховья не являются большим препятствием. Тут, если берега твердые, одним скачком можно перелететь исток любой самой многоводной реки.

Правда, наша Кольчуга-Река к полудню была еще широка – одним прыжком не преодолеть. Но к вечеру она заметно сузилась. Берега стали низкими, болотистыми. Тут и там, раздвигая стайки берез, к самой воде прорывались чистые соры³¹.

К исходу дня я взял правее, и река с полоской белых березок осталась в стороне. На ночлег я облюбовал сосновый бор-островок у небольшого болотного озера. Озеро было рыбным. В траве, возле устья речушки

³¹ Сор – здесь: чистое ровное болото. А также так называют затопляемую в половодье чистую луговую пойму реки.

этого озера, оглушив выстрелом, добыл хорошую щуку с полтора-два локтя. На ужин поджарил подоушку, начал ею угощать своего спутника. Он отщипнул кусочек, попробовал. Говорит: ничего. Но я-то вижу, что не очень ему понравилась щука, поджаренная на открытом огне. Подумал: если приспичит – так привыкнет. Впрочем, русская пища мне тоже пришлась не по вкусу. Он в первый же день попотчевал меня своей едой. Мясо из банки припахивало железом и было несвежим. А трава, по-видимому, годная в пищу только городским русским, и вовсе оказалась без всякого запаха и вкуса.

После ужина мы сидели у костра и вели неторопливые разговоры. Я рассказал предание о том, как в старину в верховье Лахр-Ягуна, в этих самых местах, наши воины сражались с иноземными захватчиками. Будто бы при переезде через эту реку один из воинов-богатырей утопил свою железную рубаху, называемую по-русски кольчугой. Но воин-богатырь настолько оказался храбрым и находчивым, что даже без кольчуги вместе с товарищами одержал победу над иноземцами. И после этого сражения – в память об этом событии – река получила имя Лахр-Ягун, Кольчуга-Река. А местной Богине, как символ могущества и справедливой борьбы, достался меч в ножнах³²...

Такие дела творились в старину на этой земле.

Впрочем, не только в старину.

Догорал наш костер.

Начали готовиться ко сну.

Уже в пологе, укладываясь, по привычке спросил:

– День еще терпишь?

– Терплю, – услышал ответ.

³² В восьмидесятые годы, когда в этих местах открыли месторождения нефти и газа, ушлые «первопроходцы» и «первооткрыватели» выкрали у Богини меч в ножнах (прим. авт.).

Хорошо Молодой Человек ходит, подумал, засыпая.

3. На Межземельную Гриву

Утром он спросил меня:

– Осип, скажи, плакать во сне, по-вашему, к хорошему или к плохому?

– Это смотря, как плакать...

– Ну, обычный плач во сне...

– У хантов так считается: если утром после такого сна глаза сухие – к хорошему, а если глаза мокрые – к плохому.

Мы оба немного помолчали. Потом я осторожно так спросил:

– Сон, что ль, плохой приснился?

– Не знаю даже, как сказать...

– Глаза-то мокрые были иль нет?

– Так вот, утром не обратил внимания. Не знал же я про такую примету.

Я опять немного помолчал, а после такие слова ему сказал:

– У нас, если плохой сон приснился, утром обязательно его нужно людям рассказать, дому рассказать...

– А зачем?

– Считается, что легче станет человеку. И, возможно, плохое не сбудется, стороной обойдет человека.

– Да?

– Такая примета есть.

Встали, чай сварили, позавтракали, в путь стали собираться. Перед уходом присели у костра выкурить последнюю папиросу. Выпустив облако дыма, мой Лекарь заговорил о своем ночном сне. Вернее, начал он издали. Вот что помню из его истории.

В войну, говорит, я был командиром. Небольшим, но командиром. Были у меня солдаты, которыми

я командовал. И была среди них одна женщина, одна девушка, которая за ранеными ухаживала, с поля боя их выносила. Галинкой ее звали. Такая беленькая, стройная, как будто совсем прозрачная. Как увидел ее – она мне сразу же понравилась. Подружились мы с ней. Ждем конца войны, чтобы вместе домой поехать, вместе жить. Насколько это возможно на войне, я старался уберечь ее от пули, от осколка, от снаряда и бомбы. Готов был собою прикрыть – лишь бы жива осталась. Но не уберег. Случилось это в самом конце войны. Сказали мне после боя: «Ранили. Унесли в медсанбат». Я мигом туда. А ее уже нет. Не стало ее. Сел, сижу над ней, смотрю на нее. Вспомнил, как она к нам в часть прибилась, как она потом рыдала в моих руках, а я ничего не мог разобрать из ее слов. Только немного позже узнал, отчего ей было так безутешно тяжело... Она подобралась к солдату. Он лежал на поле, на спине, а рядом с ним лежали его внутренности, и он был еще жив, он стонал. А она, в первый раз, не знала, что делать: бросить или взять? Бросить, но ведь живой! Взять, так ведь не выживет! Что делать?! Как быть?! И она плача, трясущимися руками, вместе с землей сырой кое-как заправила эти внутренности обратно в живот, кое-как перевязала и поволокла его по мокрому полю. И я тогда подумал: оказывается, убивать легче, чем спасать...

Сижу над ней, смотрю на нее. Обида брала, обида. В конце войны особенно обидно умирать. Да и не жила она совсем. Почти ребенком, школьницей отправили ее в тыл врага на диверсионную работу. Многих тогда неразумных девчонок и мальчишек послали туда именем родины и рябого. Кто посылал? За что посылал? Что они сделали, чего добились? Посылала тыловая сволочь, которая своих детей не пошлет туда. За родину? За рябого? А что такое родина? Поля, леса, горы,

города?! Песок и глина, дерево, камень?! Или родина – это рябой?! Да все это не стоит одной кровинки любовью девчонки или любого мальчишки! Не говоря уже о жизни! О жизни моей Галинки! Я бы все это отдал бы за то, чтобы только она осталась жива! Все бы отдал! За ее жизнь!.. А она будто предчувствовала что-то, сказала незадолго до гибели. Грустно так сказала:

«Эрик, нам с тобой после войны нельзя вместе жить...»

«Почему?!» – удивился я.

«Нам не дадут покоя те, кого мы похоронили».

«Почему тебе так кажется?»

«Их слишком много...»

Что верно – то верно. Закопали мы многих, очень многих. Возможно, она была права: после войны нам пришлось бы тяжело. Но сейчас она ушла, оставила меня. Сижу над ней, смотрю на нее. Вижу, вижу тот день, когда мы пошли вперед, в наступление, и в лесу, на опушке, наткнулись на нее, «народного мстителя». Она была тогда совсем еще ребенком – исхудавшим, больным, незащитным. Зачем ее отправили за линию фронта?! Ее и других мальчишек и девчонок?! Зачем?! Чтобы побольше людей угробить! Чтобы побольше народа уничтожить! Так я думал тогда. И так думаю и сейчас. Сидел над ней и думал, много думал. Так мне кажется. Кому нужно, чтобы она преждевременно ушла из жизни. Чтобы никогда больше не жила. Чтобы никого после себя не оставила. Не сумела оставить. Карать! Покарать всех, кто послал ее на войну! Покарать самую жестокою карою! Покарать немедленно! Покарать всех, кто посылает на войну женщин и детей! Кару! Самую жестокую кару! Самую суровую кару! Сам готов покарать! Сидел над ней, смотрел на нее. И душа моя опустошалась черным огнем. И сгорела, запеклась, обуглилась. Хочу заплакать – не могу, нет

слез. Иссохли, сгорели внутри. Знаю, заплачу – легче станет, облегчение придет. Но не могу. Сижу – омертвевший, обутленный. Ни живой, ни мертвый. Ни солдат, ни человек. Никто, ничто...

Так без единой слезинки и оставил ее на чужой земле...

Закончил войну, приехал домой. Вроде бы живу – смотрю, дышу. Дни идут, годы идут. Только мать все украдкой вздыхает: «Эрка, Эрка-а...» Знаю, что она хочет, что ждет. А я гляну на женщину и вижу – не та. У моей Галинки волос светлее, голос звонче и чище, взгляд нежнее, а рука ласковее. Разве может кто сравниться с нею?! Нету на этом свете второй такой женщины! Нету!..

Так вот, сегодня ночью она ожила и явилась ко мне, говорит своим чистым и нежным голосом: «Эрик, иди ко мне! Я соскучилась по тебе!..» Я обрадовался, что она ожила, что заговорила, что помнит и зовет меня. Но будто невидимое стекло разделяет нас, и я не могу преодолеть эту невидимую стенку. Но надеюсь, чувствую, что вот-вот преодолею преграду и мы будем вместе. То ли от радости, то ли от грусти, что держит меня стена, я заплакал. Она увидела это и, улыбаясь, говорит: «Иди же, иди!.. Нам вместе будет хорошо!..» Я это знаю. Улыбаюсь ей и плачу. Потом проснулся и подумал: «Может, и вправду настала пора перебраться к ней?..»

Он замолк, опустил голову, несколько мгновений сидел неподвижно. Потом так взглянул на меня своими шучьими глазами, будто собирался услышать ответ на свой вопрос. Я смешался от неожиданности, поерзал на своем месте, затем неопределенно проговорил:

– Погоди-и...

Он отвел глаза в сторону и ничего не сказал. Я молча поднялся, и мы пустились в путь. Шли по низким

боровым гривам и болотам. Я брал все правее и правее, и наконец река осталась за нашими спинами. Я шел и думал о ночном сне моего Лекаря, о его женщине, о войне. Если зовут в Нижний Мир во сне – это плохая примета. Так у ханты считается. А у русских что это значит? Вероятно, тоже ничего хорошего. Впрочем, он же не давал согласия на уход...

К полудню мы вышли к верховью Пухэл Оллэнг Ягун, по-русски будет «Селения Конца Реки». Так я перевел ее название своему спутнику. Вдоль ее берегов тоже тянулись на север неширокие сосновые боры. На правом берегу была хорошо видна колея зимней дороги. Видно, ее еще в незапамятные времена проложили предки рода Казамкиных. По ней ездили на охоту на Межземельную Гриву. По ней навевывались на бездеревную ненецкую землю, называемую тундрой. Словом, она соединяла две земли – нашу и ненецкого народа. По ней можно каслать даже летом – она тянулась по твердым гривам. Поэтому еще называли ее «земляной дорогой».

Сейчас по ней ушли наши олени.

Ушли прямо на север, на Межземельную Гриву.

Вглядываясь в олени следы, я озабоченно ходил взад-вперед по колее. Мой напарник сразу почувствовал неладное, спросил с тревогой:

– Что случилось, Осип?

– Олени от нас сбежали.

– Много?

– По следам сто тридцать – сто сорок.

– Когда?

– Здесь прошли позавчера. Утром или в первой половине дня.

– Куда сбежали?

– На Межземельную Гриву.

– Далеко это?

– Да не близко.

– А где эта Межземельная Грива?

Я только показал в ту сторону рукой. Что мне оставалось делать? Потом немного рассказал о Межземельной Гриве. Это высокие и чистые боры, что сплошной гривой тянутся с запада на восток, а затем сворачивают вправо, к междуречью Оби и Енисея. На севере как раз по Гриве проходит граница наших и ненецких земель. С увалов Гривы наши реки стекают к югу, в пойму Оби, и ненецкие реки начинаются здесь же и бегут до самого Ледяного Океана, на север. Грива была богатым и сытным местом, была богатой и сытной землей. Здесь, вдали от человеческого жилья, в заповедных лесах и водах водился и множился пушной зверь, вольготно чувствовала себя крылатая птица, метала икру белая и черная рыба, паслись стада диких оленей. Осенью, по мелкому снегу, изредка наезжали сюда охотники и с нашей, и с той стороны. Поэтому и назвали эту Гриву – этот большой и длинный бор – Межземельной Гривой. Она расположена между двумя землями – Землей Хантов и Землей Ненцев. Но навевались туда изредка, не каждый год: дорога считалась дальней и трудной. Чтобы доехать, нужно иметь хотя бы несколько упряжек хороших ездовых оленей. У людей своих оленей почти не осталось после войны, а колхозных не хватало. Вот и доберись до Межземельной Гривы! Впрочем, со среднего и нижнего течения Агана и вовсе не ездили туда. Только с верховья – тут ближе, быстрее и легче добраться.

Вот такова Межземельная Грива. Межземельная – значит, между двух Земель.

– Что будем делать? – спросил напарник.

– Догонять будем, – говорю ему.

– А догоним ли?

– Догоним.

– Ты уверен, Осип?

– Конечно.

– Но ведь олень быстрее ходит!

– Это еще как посмотреть! – улыбнулся я. – Сейчас мы пойдем быстрее, чем олень...

– Не на крыльях же полетим? – он тоже улыбнулся.

– Не на крыльях, но быстрее оленя.

Я ему пояснил, что оленю надо поесть – надо, попить надо – надо, отдохнуть тоже нужно – нужно. А мы, люди, все это должны делать быстрее, почти на ходу. К тому же, стадо чем больше – тем медленнее движется.

– Почему они бегут на эту Межземельную Гриву? – спросил он.

– Тут есть разные причины.

– Какие именно?

– Вернее всего, медведь, который направился к центру пастбищ, отбил эту группу от стада, отогнал в эту сторону. Олень что думает? До дома далеко. Да еще между мной и домом ходит чернолицый. Если пойду домой – могу попасть в его лапы. А пауты и мошкара не дают покоя, нужно все время двигаться, бегать «комариной рысцой». Куда идти? Куда бежать? А-а, есть тут недалеко хорошая земля – Межземельная Грива. Чем севернее, тем меньше деревьев, тем больше легкого ветра, тем прохладнее. Много наполненных ветром озер, много чистых болот и соров. Довольно часто там встречаются Коорс Мив, небольшие голые сопки с округлой вершиной посреди болот, покрытые ягелем и мхами. Летом, в комариную пору, они неплохо обдуваются ветром и хороши для лежки, для отдыха. Вот один из старых вожаков и повел эту группу на Межземельную Гриву, на север. Вернее всего, это Пуровский Бык, есть у нас олень с таким именем. Два года назад, в первой половине зимы, по еще неглубокому снегу, мы ездили на Межземельную Гриву на поиски

потерянных оленей. Там мы повстречались с людьми с той стороны, и один охотник-пастух, приняв за дико-го, подстрелил нашего колхозного оленя. И взамен отдал нам трех-четырёхлетнего быка. Видно, он и повел оленей на свою родную землю. Взрослый олень, особенно старый, как бы далеко его ни отдали на сторону, обязательно старается вернуться на то пастбище, где родился и вырос. Обычно такой беглец уходит весной в пору наста или осенью, когда идут на убыль комары и пауты, и стадо распадается на небольшие группы. Сейчас Пуровский Бык, знающий пути-дороги и земли, не только сам бежал, но и своих товарищей сманил.

– Они сами не могут повернуть обратно? – спросил мой Лекарь-напарник.

– Да вряд ли, раз двинулись в путь.

– На Гриве они сами по себе будут пастись?

– Да. Либо прибьются к диким оленям – тогда к людям уже не вернуться. Либо за Гривой войдут в ненецкие стада.

– Но ведь ненцы могут их вернуть?

– Это маловероятно.

– Почему?

– Они у нас доверием не пользуются.

– Есть на это причины?

– Да. В старину некоторые их племена войной нападали на нас и угоняли наши стада. Не было случая, чтобы кто-то из них добровольно вернул оленей, пришедших к ним с нашей земли. В старину, говорят, это был разбойный народ...

– Что тебе будет, если не догоним беглых?

– Меня в тюрьму посадят.

– Так сразу и в тюрьму?

– Конечно, куда ж еще?! По колхозным законам так делается: потерял немного оленей – плати. Говорят: «Съел, сожрал!» Потерял много оленей – бригадира

в тюрьму, про него говорят: «Наверное, шаман, кулак!» Словом, враг народа. Остальные пастухи платят, но переводят их в разные стада. Вместе уже они не имеют права работать: «Сговорились, со своим бригадиром слишком много оленей съели! Нельзя их вместе оставлять!» В прошлые годы по таким вот законам мы жили.

– Скажи, Осип: тебя такая участь пугает?

– Детей жалко. Много мук увидят...

– Младшему-то сколько исполнилось?

– Егорке-то? Еще и полгода нет – весной только на глаза попался...

– А старшая в школу не ходит?

– Старшей, Лидии, вроде бы через год время в школу придет. Ну, а средней Вале четвертый год пошел...

– Родственники есть?

– А как же! Братья-сестры есть, дядья есть, племянники есть. Правда, род наш небольшой – всего четыре ветви имеет.

– Родственники-то помогают?

– Кому – я помогаю, кто – мне помогает. Как без этого-то жить?

– Да, верно говоришь, Осип.

– Мне самому-то что?! Боись – не боись, а как порешит мой Верховный Торум – так тому и быть! – я взглянул на небо. – Там мой Главный восседает...

Молодой Человек проследил за моим взглядом и сказал такие слова:

– Да, от судьбы никуда не уйдешь...

Между тем мы быстро пообедали и снова пустились по следам беглецов. Помаленьку стал прибавлять шаг. Слышу, мой Лекарь чуть позади идет. Идет хорошо, но тяжеловато. В душе надеюсь, что оленей догоним до Межземельной Гривы. И, стало быть, пораньше повернем домой – напарнику легче придется, все поменьше топтать по нашим болотам.

Идем по следам. Олени по твердым борovým гривкам шли быстро, шли комариной рысцой. Время от времени они спускались попасть на чистые, хорошо обдуваемые ветром, соры. Пощипав траву и утолив жажду, они снова поднимались на земляную дорогу и трусили к Межземельной Гриве. Знать, прекрасно помнит этот путь и эти земли Пуровский Бык, вожак беглецов.

Шли мы до самого упора, до самой темноты. Когда уже оленьих следов совсем не стало видно, чтобы не сбиться с пути, мы остановились на ночлег. Попили чай и начали делать лежанку. Между тем вспомнили о сне моего Лекаря в прошлую ночь. Он спросил меня:

– Осип, у вас женщины воевали?

– Не-е, в старину женщины на место сражения совсем не допускались.

– Дети тоже?

– Да, и дети не допускались. Сражались только воины-мужчины, воины-богатыри.

– Они и с красными не воевали?

– А вот с красными русскими совсем другое дело вышло...

– Какое же дело?

– Красные боялись наших женщин.

– Вот как?!

– Когда все мужчины погибали, женщины брали их ружья и начинали стрелять в красных.

– Сами за ружья брались?

– Конечно, сами. Кто ж их заставлял?! Сами, добровольно, по своему уму так делали.

– И красные воевали с ними?

– Воевали. Потом они так стали делать: возьмут селение – и тут же забирают все ружья. Отбирали все, что могло стрелять.

– Чтобы женщины не напали?

– Да. Бывало, даже ножи и топоры забирали.

– А ножи и топоры-то зачем?

– Чтобы совсем безоружными оставить. Потом многие семьи, особенно у кого своих оленей не было, с голоду умирали. Охотиться-то нечем – ружья нет. Может, нарочно так делали – чтобы побольше людей уничтожить из народа, который воюет с ними...

Мой Лекарь на это ничего не сказал. Мы оба некоторое время сидели молча. Потом я проговорил:

– Конечно, война – это не женское дело...

Он тихо добавил:

– И не детское дело!..

Мы опять замолчали. После он перевел разговор на другое, напомнил:

– Осип, ты обещал рассказать про берестяную сумку...

– Да, помню.

– Что в ней?

– Там... пуп ребенка.

– Что за пуп? – не понял он.

– То, что отрезают у новорожденного ребенка.

– А, по-русски это называется последыш, – догадался он. – Пуповина...

– Во-во, это...

– Чей?

– Моей второй дочке Валентины.

Днем, в верховье Селения Конца Реки, я показал ему небольшой берестяной кузовок на ветке березы. И сейчас объяснил ему, что на этом месте, в бору, была наша стоянка, где появилась на глаза дочка Валентина. Сшили из бересты кузовок, очень похожий на женскую сумочку, положили туда пуповину, зашили верх кедровым корнем, из того же корня сделали крепкую ручку и повесили на прочный сук березы. Так велит обычай. Берестянка долго висит на дереве, со временем даже

обрастает мхом и лишайником. И, проходя мимо, мать и отец обязательно глянут – на месте ли сумка, не упала ли на землю. И чем дальше она сохранится на стволе – тем лучше для ребенка. Так считается. Значит, дитяте предначертана долгая жизнь. Вернувшись домой, скажу Моей, что видел берестяную сумку нашей послушной и тихой Валентины – она цела и невредима. И этой вести обрадуется мама малышки. Стало быть, дочка вырастет здоровой и жизнерадостной. Но про то, что береза наклонилась и может упасть, смолчу, не скажу. Незачем тревожить материнское сердце³³...

– Можно же перевесить на другое дерево, – сказал Лекарь.

– То, что сделал один раз, трогать уже нельзя, – ответил я.

Мы снова оба замолкли. Спустилась ночь. Стало совсем темно.

Молча улеглись в своем пологу.

Вспомнив сегодняшнее утро, как это принято у ханты, я пожелал своему напарнику:

– Пусть твой сон к тебе плохой стороной не обернется!..

– Спасибо, Осип! – сказал он.

На этом наш день закончился.

4. День четвертый

Утром, чтобы далеко не упустить день, поднялись раным-ранешенько, когда чуть стало светать. А светать в эту пору начинает сразу после полуночи. И, быстро позавтракав, поспешили за беглецами. Теперь на кормовых болотах и сорах следы уходили то влево,

³³ В начале семидесятых годов дыхание тихой Валентины преждевременно оборвется в городе Нижневартовске, который к тому времени станет районным центром на этих землях.

то вправо от земляной дороги. То ни с того, ни с сего олени поворачивали назад и, отыскав и вытоптав «сладкий» кормежник, снова устремлялись к Межземельной Гриве. Мы, боясь потерять следы, как зайцы, петляли по их извилистым тропам. И к вечеру нас так вымотали зыбкие и мягкие мхи, что за ужином мой Лекарь в сердцах сказал:

– Осип, ты почему этого Пуровского Быка на мясо непустишь?!

– Хех-хе! – засмеялся я.

– Так ведь, поди, каждый год бегает он на Гриву...

– А зимой как быть: я сам, что ль, в нарты впрягусь?!

– Есть же другие олени?

– А этих других знаешь сколько требуется?

– Сколько?

– Не могу даже сосчитать...

– Много?

– Конечно, много. Как только выпадет первый снег, все идут к бригадиру. И слышишь только одно: оленей давай! Давай-давай-давай!..

– И всегда не хватает?

– Да, верно. Вот считай: грузовых быков давай, быков для сеновозчиков давай, для правления колхоза быков давай! Кроме этого, самое малое, по два быка для каждого охотника и для каждого рыбака. Да еще каждый пастух оставляет по одной или по две упряжки быков. Да, чуть не забыл про почтовых быков...

Словом, объяснил ему, что зимой все держится на оленях. Рыба ловится хорошо, ее в мешки затаривают и на оленях вывозят либо в обской поселок Локосово, либо в город Сургут. Этих оленей называем грузовыми. Тут нужны только сильные быки. Сено с болотных озер тоже вывозят на оленях. И вывозят всю зиму, потому что коров – целое стадо. И лошадей –

целое стадо. Сколько им кормов-то на зиму нужно?! Начальство колхозное на разные собрания вози в город от снега до снега. Почту вози от снега до снега. Само собой, рыбалка и охота на весь сезон. Рыбакам и охотникам хоть важенок выдаем. На зиму в стаде остается один молодняк.

– На одном быке все равно далеко не уедешь, – сказал мой Лекарь.

– Не скажи! – возразил я.

– Да хлопот больше доставляет твой Пуровский, Осип!..

– Зато зимой все отрабатывает.

– Хороший?

– Не очень шустрый в нарте, но надежный. Вот считай, во-первых, он послушный вожак в упряжке. Во-вторых, как у нас говорят, он «крепок телом». Бывает, запрягаешь осенью хорошо упитанного оленя, делаешь одну-две дальние поездки, смотришь – твой олень «скинул тело», отошал. А Пуровский Бык до самой весны сохраняет свое тело. Значит, может тянуть свою половину нарты. Ну и, в-третьих, он на снег хороший. По целине идет себе потихоньку, не спеша, как по нормальной дороге. А на снег не всякий олень пойдет. Бывает, запряжешь здорового и высокого быка, а он пройдет немного по целине и ложится. И хоть убей – не встанет и не пойдет дальше. А пастух в первой половине зимы, по еще не глубокому снегу, в поисках оленей ездит только по целине, по бездорожью. Так что Пуровскому Быку цены нет!..

– Так он твой вожак?

– Да, один из моих вожakov. У меня две упряжки быков, значит, два вожака.

– Тогда беру свои слова обратно, Осип!

– Пусть еще поживет! – улыбнулся я.

– Пусть живет!

Мы немного помолчали. Потом я сказал:

– Впрочем, это колхозный вожак. Здесь ничего моего нет.

– Почему?

– Все – колхозное! Олени колхозные, земля колхозная, я – колхозный!..

Он внимательно так взглянул на меня и, поразмыслив, спросил:

– Вот вы воевали с красными. А красные, как ты говоришь, сделали вам колхоз. Скажи, Осип: а разве колхоз не облегчил вашу жизнь?!

– На это у меня было что сказать. Говорю ему:

– А вот сам посуди, Молодой Человек: что нам дал колхоз... Немало лет я работаю пастухом, начал рассказывать ему. В первый же год не досчитались оленей. Колхоз все поставил нам на счет. Часть денег он удерживает за потерянных оленей, часть выдает на еду. Во второй год ни прибыли, ни убыли. Но с меня все вычитывают за первый год. На третий год меня назначили бригадиром. Были болезни, был падеж оленей. Головы, что в акты не попали, опять на нас нагрузили. Потом прибавили к ним потери четвертого года. Я все время остаюсь в накладе. Мой долг колхозу все время растет. Колхоз мне платит ровно столько, чтобы я только не умер с голода. После, когда мой долг станет почти непосильным, меня снимут со стада. Если, конечно, до этого не посадят в тюрьму. И еще много лет с моей пушнины и рыбного улова будут высчитывать стоимость потерянных и погибших оленей. Поэтому в пастухи никто не идет. Кто ж добровольно на каторгу пойдет?!

Я не могу заработать даже на рубашку. А рубашки, особенно осенью, мгновенно сгорают от пота, когда бегаешь за оленями. Первой почему-то отваливается спинка. По этой же причине за зиму сгорают на мне

несколько легких малиц. Впрочем, что рубашки и малицы! Когда нужно о детях думать – как их прокормить?! Хорошо, хоть рыбой накормит река, рыбой накормит озеро. Когда глухарем одарит бор, уткой одарит болото. Не то, при таком колхозе, мы все бы давно с голоду померли.

– Так ведь колхоз создавали для вас, Осип!

Я опять не выдержал, засмеялся. Он вопросительно глянул на меня. Я пояснил ему:

– Русские пекутся о своем животе, а не о хантах!

– Почему так считаешь, Осип?

– Вот смотри: летом и зимой сотни тысяч тонн рыбы ловим и вывозим. Ханты, что ли, эту рыбу съедают?! Нет, конечно!.. В каждую зиму на сотни тысяч рублей добываем и вывозим пушнины. Что, ханты надевают эти меха?! Ханты проедают эту пушнину?! Нет, конечно! Проедает тот, кто ее получает. А получает пушнину русский, красный русский...

– Разве при белых вам легче жилось, Осип?

– При Белом Царе с нас так не выдавливали рыбу и пушнину.

– Ты-то ведь при Белом Царе не жил, Осип...

– Зато мой отец и мой дядя при Белом Царе жили.

– И хорошо жили?

– Хорошо жили, вольно жили. Каждый что-то имел. Кто рыбную реку, кто звериный урман, кто много оленей, кто мало оленей. Но имел. В те времена, если у человека руки-ноги на месте, он не мог пропасть. Он прокармливал себя и свою семью.

– Но ведь купцы грабили народ?

– Э-э, не скажи!.. Так, как грабит красный колхоз, – купцам далеко!

– Но ведь Белый Царь захватил ваши земли, Осип?!

– Люди Белого Царя захватили всего несколько городов по Иртышу и Оби и жили в них. Они хоть

не лезли на наши дальние земли и селения. А красным русским все подавай – и все мало!..

– Хорошо, но красные вам медпункт построили, медика привезли. Разве это плохо?

– Покажи мне хоть одного человека, которого этот медик на ноги поставил. Знаешь такого?!

– Я ж людей не знаю...

– Нету, не ищи такого человека. Как жили – так и живем. Как мерли – так и мрем... И, думаю, когда наступит пора моего ухода в Нижний Мир, мне не поможет ни один красный медик, ни один лекарь.

– Та-ак, ладно-о, – протянул Молодой Человек. – Но красные вам еще и клуб построили, культуру привезли!

Я опять только слабо улыбнулся. О чем он говорит? Пояснил ему:

– Клуб у нас называют «Дом пляски». Когда мне там плясать?! Когда в поселок раз в год приезжаю? Или у охотников и рыбаков есть время там плясать? Лучше бы что-нибудь более дельное придумали. Пусть сами там пляшут.

Помолчал мой Лекарь. Сидим у костра, крепкий чай пьем. После чая заметно легче стало, вроде бы усталость прошла. Вот и ведем неторопливо разговоры. Помолчав, мой Лекарь сказал:

– Красные дали вам школу. А против школы, надеюсь, ты, Осип, ничего не имеешь – нужно учиться.

– Да, учиться нужно, – согласился я. – Только как и чему?

– Всему, чему учат в школе.

– Школа красных, по-моему, ничему не учит.

– Почему так считаешь, Осип?

– Я не умею ни читать, ни писать. И по-русски плохо говорю, хотя родился при красных русских, при Советской власти. Ладно бы, если бы я один такой оказался.

Можно было бы сказать: ума не хватает, не способен русской грамоте учиться. Но все мое поколение не умеет ни читать, ни писать...

– Как так получилось?

– Ну, это ты спроси у своих красных сородичей.

– Стало быть, школа ничего не дала?

– Выходит, так: хорошего мало.

– А плохое есть?

– Тут с умыслом иль без умысла, но красные кое-чего добились.

– Чего именно?

– Например, хотят оторвать нас от земли. Хотят отучить нас охотиться и рыбачить, пасти оленей.

– Зачем им это нужно?

– Наверное, чтобы побыстрее получить нашу землю. Ведь если я стану жить в русском поселке и стану делать русскую работу, мне не нужна будет земля для охоты, рыбалки и разведения оленей. Я перестану требовать свою землю, свои родовые угодья...

– А еще какой умысел видишь в делах красных?

– Возможно, то, что они делали во время войны с нами, то есть когда красные воевали с хантами. А теперь с помощью школы покалечить наших детей от сердечной тоски.

– Что, кого-то покалечили?

– А то – нет?! – сердито сказал я.

– Твоего?

– Моего...

Я вспомнил своего Старшенького сына. В первый год, в первый раз, когда его оставили в поселковом интернате, он ревмя ревел. Дело было осенью, в сентябре, мы уплывали на лодке, а он бежал за нами по берегу. Воспитательница и старшие школьники хватили его, удерживали, а он вырывался и бежал за нами ревмя ревя. Так и скрылся поселок с нашим

ревушим сыном. Нам еще долго казалось, что слышим его крик. Я, отец, еще как-то крепился, а мама его всю дорогу ревела, дома многие дни с красными глазами ходила. На второй год та же история повторилась, с плачем в школе-интернате остался. На третий год хоть не ревел, но глаза на мокром месте были. Осенью, по мелкоснежью, свозил его на каникулы в стадо. Очень любил он на оленях ездить. Сделаю ему отдельную нарту, запрягу смиренного быка-вожака – едет за мной по пастбищу как настоящий пастух. Доволен. Вокруг чистый снег, сосны, солнце, олени. Что еще человеку нужно?! Кончились каникулы, отвез его в поселок. Теперь, расставаясь, не плакал. Подумал: подрастает, привыкает к школе. Но в глазенках его стояла колкая тоска. Успокаивал себя: не плачет – и то хорошо, потерпит до больших новогодних каникул. Так ему и говорю: приеду за тобой к середине зимы, к русскому Новому году. Распрощались, уехал. После выдачи оленей с одним напарником поехали на дальние земли, в сторону Межземельной Гривы. Нужно было разыскать отбившихся от стада оленей. Как и рассчитывали, на свои пастбища вернулись ближе к середине зимы. Тут меня ждала срочная весть: сын твой тяжело болен, приезжай. Мы с женой тут же помчались в поселок, кинулись там в больничку. Лежит наш Старшенький, ни меня, отца, ни мать уже не видит и не узнает. Кое-как его дыхание достали. Тут, при нас, и ушел в Нижний Мир... Что случилось, спрашиваю. Я вам оставлял здорового и резвого ребенка. А случилось вот что. Оказывается, на спор наш Старшенький раздетый и босиком сбегал до лисофермы и вернулся обратно в интернат. А лисоферма эта за окраиной поселка, в сосновом бору. От интерната до нее, может, километр. А может, и больше – кто мерял? Бегал морозным вечером, в темноте. И страху,

может, натерпелся. Простыл, слег – и нет человека. И русский медик оказался бессильным. Мы с женой умом чуть не тронулись с горя. Если бы знал, что он оживет, первого попавшего под руку учителя пристукнул бы. Пронесло, удержал меня Бог... Кому они нужны в интернате, чужие сыновья и чужие дочери?! Кто там за ними смотрит?! Кому они нужны, чужие дети?! Красным, что ли?! Русским, что ли?! Своих-то детей, при живых родителях, в интернат не сдают, от семьи не отрывают! А с хантом все, что хочешь, можно сделать, да?!

Я много дум передумал о моем Старшеньком. Со временем понял, что он сам, осознанно кончил свою жизнь. В первые годы у него была надежда, что вырвется из школы и вернется домой, вернется к отцу с матерью, вернется к сестрам. Но потом, когда подросток, вдруг осознал, что нет, не вырваться ему из цепких интернатских лап, из интернатских когтей. Он каждый год слышал, как детей, его сверстников, насильно забирала в интернат. Чуть не с милицией. Всяко грозили родителям, не отдающим детей. Председатель Совета грозил судом, грозил прокурором. Председатель колхоза – штрафом, невыдачей зарплаты и аванса. И когда мой Старшенький потерял надежду на возвращение домой, вмиг, когда сердечная тоска сжала все его нутро, он ступил на священный белый снег, который – это он знал с детства – ни в коем случае нельзя оскорблять голыми пятками...

Так мой Старшенький кончил жизнь в интернатской неволе.

Так мой Старшенький – возможно, казалось ему – обретал вольную вольницу в Нижнем Мире.

А ведь такой быстрый был, такой смысленный был. Все с полуслова понимал. Наверное, хорошим человеком бы вырос, хорошим человеком бы стал. Как

вспомнишь о нем – до сих пор сердце разрывается. До сих пор сердце ноет...

Мой Лекарь тихо сказал:

– Прости, Осип... Я не хотел сделать тебе больно...

– Что теперь поделаешь... – с тяжелым вздохом сказал я. – Жизнь ему уже не вернуть...

Мы оба надолго замолчали. И молча же начали готовиться к ночлегу. Укладываясь спать, мой Лекарь признал:

– Да, Осип, от красных ты, конечно, хлебнул лиха...

Наступила ночь.

На нас опустилась тьма.

5. На Межземельной Гриве

Утром я сказал своему спутнику:

– Голодать будем...

И добавил, чтобы он потуже затянул ремень и берег продукты. Все еще идем от дома, беглецов еще не догнали. И поэтому никто не знает, когда мы возвратимся в стадо. Еды, особенно хлеба, явно не хватит до конца пути. На это он улынулся и ответил бодро:

– Не впервой, Осип...

Впрочем, его рюкзак заметно «похудел». И сам он осунулся, некогда мягкие черты округлого лица заострились и резче обозначились. Глаза красные, как у тетерева. И сегодня мы встали рано. Видно, не высыпается, больше времени ему требуется для сна. Но со временем у нас было туго – не до сна. Но его спокойствие и бодрость мне понравились. Главное, чтобы не упал духом. На всякий случай сказал ему:

– Пока чай у нас есть – не пропадем...

Я брал с собой несколько хантыйских хлебов, круглых лепешек на сковороде. По-хорошему, одной лепешки хватало на день. Можно переходить

на половинку в день. В крайнем случае, на четвертинку. Но тогда нужен «подножный корм» – где рыбу добавишь, где утку или глухаренка подстрелишь. Опять же на добычу необходимо время, а его нет. Кроме хлеба, в моем походном заплечном мешке были соль и чай. Без всего мог обойтись, а вот без крепкого чая – тяжело. И, поскольку он почти не имеет тяжести, всегда с запасом брал в дорогу. И сейчас, по моим прикидкам, все кончится, а чай останется. Это хорошо.

Я заметил, что рюкзак моего спутника тоже отощал. Значит, и его русская еда на исходе. Поэтому и предупредил его о возможном голоде. На всякий случай. Знал, что, имея руки-ноги и ружье, трудно погибнуть от бескормицы.

После завтрака, довольно скромного, снова пустились в погоню. И снова запетляли по следам-тропам беглецов. К полудню вышли на чистый сор. За сором, далеко-далеко, в голубоватой дымке узким гребешком всплыла Межземельная Грива³⁴. У ее подножия виднелись три Коорс Мив, три голые плотные сопки. Левая большая, средняя поменьше, а третья совсем почти крохотная издали. Напоминали они дружную семейку, идущую с востока на запад: отец, мать и дитя. Все, как в человеческой жизни: отец торит дорогу, а уставший ребенок идет по готовому следу.

– Вон где наши беглецы!..

Я указал рукой на голубоватые, плавающие в мареве сопки.

Мой Лекарь молча вглядывался в сопки, но оленей, конечно, не увидел там.

И мы напрямую двинулись к сопкам. Приближаясь, на глазах вырастали и сопки, и Грива. Слева от Большой Сопки заголубело озеро со стайкой берез

³⁴ Спустя годы за Гриву придет железная дорога и там встанет город нефтяников и газовиков Ноябрьск.

на берегу. Менялись и цвета. Грива из голубоватой превращалась в зеленую, а сопки становились светло-оранжевыми.

– А оленей-то не видно!.. – разочарованно сказал мой Лекарь.

Он был прав. Но сейчас я и не ожидал увидеть их сразу. Ветер был с запада, со стороны озера. Я взял левее. И наконец наши глаза наткнулись на беглецов. Олени табунились на западном, самом обдуваемом склоне Большой Сопки. Однако мы направились не к ним, а к озеру. Надо было перевести дух, немного отдохнуть. На берегу озера мы помылись и попили полуденный чай. Потом тронули стадо в сторону дома. Но не тут-то было. В первый раз голова табуна взяла влево и, обойдя сопку по подножию, вернулась на старое место. Во второй раз тоже ничего не вышло. Голову нам удалось направить в сторону дома, но тут мой Лекарь неосторожно «нажал» на середину, и часть оленей с хвоста откололась и понеслась к Гриве, к бору. За ними повернули, как это бывает в стаде, и остальные. Я в сердцах накричал на своего напарника и бросился наперерез оленям. Их нельзя было пустить на Гриву, на твердую землю соснового бора. По бору легко, комариной рысцей они умчались бы дальше. И там их трудно повернуть назад, в сторону дома. Я все же опередил оленей и, успокаивающе пошвыстывая и покрикивая, пригнал их на противоположный от Гривы берег озера. Там развели мы дымок, и олени вокруг него разлеглись.

Между тем день кончился. Стало вечереть.

Я все прикидывал, что делать. То ли сейчас же пуститься со стадом в обратную дорогу, то ли заночевать здесь. В конце концов, глянув на усталого спутника, решил устроить ночлег. Пусть хоть немного отдохнет. Тем более, что мне было неудобно перед ним за то, что

из-за расколотого стада накричал на него. За вечерним чаем, как бы извиняясь, сказал ему, что у меня, как говорят ханты, «нутро короткое» – быстро начинаю сердиться, быстро во мне гнев поднимается. Но, однако, зла в душе не держу. И сегодня, видно, зря направил на него свой крик. Он коротко взглянул на меня, улыбнулся и сказал:

– Я ж понимаю, Осип: это по делу...

Стал ему рассказывать и показывать голосом, как нужно гнать оленей, как их успокаивать и подзывать к человеку. Днем, рассердившись на него, я совсем упустил из виду, что он, конечно же, ни пасти, ни кричать на оленей не умеет. Теперь я учил его ровному протяжному оленегонному крику «хоук-хоук-хоук». Для первого раза у него неплохо получалось.

К первым сумеркам сменился ветер – с запада перешел на север. На нас из-за Гривы дохнул Ледяной Океан. Стало прохладно. Потом стал накрапывать мелкий дождь. Олени встали и потянулись пастись на сор.

Я надрал бересты и над пологом соорудил навес – все же спасение от дождя. Пока готовились к ночлегу, мы оба изрядно отсырели, а одежды лишней нет с собой. Легли спина к спине, чтобы хоть немного согреться, и укрылись тонким летним плащиком Лекаря, который он достал из рюкзака. Но все равно было зябко, поскольку к ночи стало еще прохладнее. Мне казалось, что я совсем не спал: сквозь сон слышал, как паслись на сору олени, в какую сторону они направлялись. Все это знал по хорканью оленят и шлепанью копыт по мокрому мху. Боялся, как бы стадо не выбралось на бор Гривы. И, как только стало рассветать, потихоньку выбрался из полога, развел дымокур и пригнал к нему оленей.

Дождь то накрапывал, то переставал.

Маленьким топориком «с беличий зубик», который всегда брал с собой на пешие обходы пастбищ, нарубил хороших сухостоин и разжег жаркий костер. Сходил на озеро за водой, вскипятил крепкий чай. Размышлял: будить иль нет Оленьего Лекаря? С одной стороны, ему нужно поднакопить силы на обратную дорогу, с другой – время не терпит, еды почти нет. Чем раньше направимся к дому, тем лучше и для нас, и для беглых оленей. Пока я топтался у костра в нерешительности, мой Лекарь тяжело заворочался, покряхтел и сам встал.

– Как спалось? – спрашиваю его.

– Какой тут сон, Осип! – усмехнулся он.

– Совсем не спал?

– Чувствую: снизу вечная мерзлота, сверху – вода, дождь, с севера – холодный ветер...

– Да-а, старик Ледяной Океан тут совсем рядом...

– Дремал, думал: как бы до утра дожить!..

– Зато сейчас нам жарко станет, – сказал я.

– От костра?

– Нет, как пойдём домой – олени живо согреют нас!

– Ну, дай бог...

Позавтракали почти «голым чаем»: кроме кружки круто заваренного кипятка каждому достался кусок хлеба с беличьей головкой. Тут поневоле пришлось затянуть пояса.

Теперь погнать стадо в сторону дома я решил не как по-вчерашнему, а совсем по-другому. Сделал своего Лекаря поводырем-вожаком. В один конец аркана привязал Пуровского Быка и чуть позади него старую важенку Красивый Рог. Аркан вручил новоиспеченному поводырю и показал ему направление, куда он должен повести этих оленей и все стадо. Теперь все от тебя зависит, Молодой Человек, как

быстро вернем беглецов домой. Когда он тронулся в путь, добавил:

– Свое дыхание береги, сдерживай оленей на твердой земле!..

И он через сор пустился в сторону полуденного солнца, в сторону дома. За важенькой Красивый Рог с хорканьем бросился ее сын, олененок этой весны. Потом за ней пошла ее Дочка, взрослая олениха со своим дитя. Как в упряжке, она всегда ходила за матерью. За ними я поднял и тронул все стадо. По вязкому мшистому сору олени шли шагом. Я тихонько посвистывал, подгонял отстающих. Но сразу же за сором на твердых сосновых гривках они перешли на комариную рысцу. И поводырю, конечно, пришлось пуститься рысцой. В эту пору удержать стадо на обычном шаге почти невозможно. Просто паузы и комары не дают стоять на месте или ходить медленно. Даже при самом неспешном беге создается ветерок, что сдувает крылатых кровососов. Поэтому как только под копытами появлялась земная твердь, олени пускались комариной рысцой. Тут человеку нужно с мелкого бега переходить на быстрый шаг, с быстрого шага – на мелкий бег. Но мой Лекарь-поводырь, похоже, под напором стада вовсе позабыл о быстром шаге. Все трусил рысцой, как и олени. Правда, в вязких болотцах между гривками, где табун вынужден идти шагом, мы переводили дух, успевали немного отдышаться.

Мой Лекарь-поводырь шел хорошо, шел правильно. Каким-то внутренним чутьем сразу улавливал, куда нужно идти. По наиболее сухим местам переходил с одной сосновой гривки на другую. Потом, когда вышли на земляную дорогу, легче стало двигаться. Если поводырь мой сбивался влево или вправо, я подавал ему знаки рукой, и он, сообразив, в чем дело, выбирался на тропу.

Дождь по-прежнему то капал, то переставал.

Ветер разломал облака, и теперь они клочьями неслись в сторону полудня. Изредка, меж этих клочьев, выглядывало солнце. Оно уже стояло высоко. Давно настало время большого привала. Но мой поводырь все нажимал и нажимал вперед, нажимал на полуденную линию горизонта, нажимал в сторону дома. Я понимал его: в дальней дороге чем реже делаешь остановки, тем лучше. Усталому путнику особенно тяжело подниматься после перекура. У меня уже горло совсем пересохло, а поводырь-вожак все идет и идет. Наконец я начал подавать ему знаки рукой. Мол, пора остановиться. Он все идет. Потом силным пересохшим горлом стал кричать:

– Стой, чай пить пора!..

Наконец остановился. Подошел я, спрашиваю:

– Почему не останавливаешься?

Стоит мой Лекарь-поводырь, плечом на сосенку навалился. Распаренный, красный, весь мокрый не столько от дождя, сколько от обильного пота. Протер лицо двумя ладонями и, шумно вздохнув, сказал:

– Ух-х, Осип, упарился я!..

– Давно перекур надо было делать.

– Да, наверно.

– Чего же не остановился?..

– Олени упрутся в спину, не давали остановиться.

– По-своему нужно делать, а не по-оленьему.

– Это почему же?

– Свои силы надо беречь. Если мы совсем выдохнемся, то олени оставят нас. Мы их просто упустим...

– Да, понял я, Осип...

Между тем я развел дымокур и уложил вокруг него стадо. А в сторонке на маленьком костерике вскипятил чай. После кружки крепкого напитка мой Лекарь заметно ожил, даже будто бы повеселел. Это

обрадовало меня: хорошо держится парень. Поди дотянет до дома, не «ляжет» на полпути.

После привала пустили стадо без поводыря. Мы оба пошли следом, посвистывая, подгоняя отстающих оленей. Я направлял их в сторону дома, не давал отклониться влево или вправо. Впрочем, они сами хорошо знали, куда нужно идти.

Олени пошли теперь медленнее. Они, как и мы, изрядно притомились. Да к тому же к концу дня проголодались: на ходу срывали где пучок травки, где листочек с березки.

Дождь накрапывал неохотно, с большими перерывами, как бы через силу. Ах-а, кончается твоя небесная вода, с облегчением подумал я о дожде. Кое-как уже выдавливаешь капли...

Перед самым вечером мы вышли на широкий сор. Стадо, словно птица, расправившая крылья, медленно, с остановками двинулось через эту чистину к лесу на другой стороне – голодные олени набросились на сочную траву.

На спуске к сору мы приостановились на полянке, где была старая пастушеская стоянка. На месте чумов два устланных сосновыми ветками круга, сломанная нарта, колотые дрова, перекладыны для сушки одежды, старые травяные стельки, кольшки для привязи собак и другие следы человеческой жизни.

– Ваша стоянка? – спросил мой Лекарь.

– Наша.

– Когда стояли?

– Зимней весной.

– Какая такая зимняя весна? – спрашивает.

– Весна, когда снега больше, чем проталин.

– А-а, ранней весной...

Я еще раз окинул взглядом становище, сказал негромко:

– Вот здесь попался на глаза мой младший Егорка³⁵.

– Этой весной?

– Да.

Он помолчал немного, потом сказал:

– Осип, если бы я родился в чуме – ни за что бы не выжил!.. Как только вы умудряетесь растить детей!..

– Жить-то как-то надо!.. – улыбнулся я. – Куда тут денешься без детей.

– Да, конечно, Осип.

Мы уже двинулись за оленями и теперь разговаривали на ходу. Показывал ему, по каким землям идем. Справа, в конце сора, начинается верховье Язевой Реки. По-хантыйски это Агерны Ягун. Возле ее устья стоит наш дом, куда мы сейчас возвращаемся. А левее берет начало Лягушки Река, в переводе на хантыйский Лулнэ Ягун. Это река Казамкина Петра Наумовича, или еще его зовут Агана Верховья Старик, потому как выше по течению никто больше не живет. Селение Старика стоит возле устья Лягушкиной Реки. Там их трое – хозяин, его супруга и их младший сын-инвалид с детства. Мы сейчас пойдём по борovým гривам вдоль речки до Агана, там повернем на запад и по широким борам дотопаем до дома. Дом Старика остается в стороне, заходить туда не будем.

– Понятно, Осип, – кивнул мой спутник.

Места довольно пустынные, рассказывал я. Главная река начинается с большого озера на востоке. Зовут его Агана Верховья Озеро. Изредка род Казамкиных навевается туда на промысел. В основном охотятся в черных урманах на левобережье Агана, на полуденной стороне, куда мы сейчас держим лица.

³⁵ Егор пойдет по стопам отца, станет охотником и оленеводом, но преждевременно расстанется с жизнью в начале восьмидесятых годов в поселке геологов Новоаганске, пустившем корни на родовые земли Сардаковых.

А лица мы держали прямо на полдень. В моей памяти, как наяву, лежал лик нашей земли: сор, боры, болота, речки, Аган, потом черные урманы, болота, снова речки и река Вах, соседний крупный приток Оби.

Я шел и видел пред собой живую, дышащую землю. Видел живые ягельные пастбища. И думал, что они будут вечными.³⁶

6. Ночь и день седьмой

Мы с Лекарем моим неспешно плелись за стадом. И, возможно, оба думали об одном и том же: вот у оленей есть пища, а у нас нет. А есть хотелось. Ведь мы с утра почти ничего не ели, в полдень выпили только «голый» чай. Бредя за стадом, мы, правда, с кочек сочную морошку срывали. Но она не утоляла голод. Да и поесть ее вдоволь не было времени – олени тянули нас с собой.

Посреди сора наткнулись мы на маленького олененка с белой мордочкой. Сначала я подумал, что он завяз на топком межкочье. Но, подойдя ближе, увидел, что малыш лежит на брюхе, подогнув под себя передние и задние ноги. Я остановился над ним.

– Что с ним? – спросил подошедший Лекарь.

– Силы кончились, – ответил я.

– А-а... – только вздохнул мой напарник.

Я приподнял олененка. Он встал и на дрожащих тонких ножках прошел несколько шагов и снова лег. Он широко раскрытыми глазами смотрел вслед

³⁶ Иосиф Александрович тогда не предполагал, что через 20–30 лет по юго-западным окраинам этих земель сомкнется кольцо нефтяных городов: Нижневартовск, Мегион, Лангепас и Покачи на Агане. Пастбища и охотничьи угодья вверх дном перевернут нефтепромыслы, трубопроводы, линии электропередач, аэродромы, железные дороги, шоссе, зимники, лежневки. А по рекам потечет нефть и ночь побледнеет под заревом факелов.

уходящему стаду и, казалось, смирился со своей участью брошенного. Лишь ноздри его, жадно втягивавшие воздух, тревожно вздрагивали.

– А где же его мать? – спросил Лекарь.

– Увлеклась пищей, ушла со стадом.

– Вернется за ним?

– Коль скоро обнаружит пропажу – вернется.

– Если далеко уйдет?

– Тогда вряд ли возвратится.

– А что с ним будет?

– Либо пауты и комары его кончат, либо хищные птицы, либо дикие звери...

– Не выживет?

– Может и выжить. Немного отдохнет, потом поест и пойдет по следам оленей. Рано или поздно куда-нибудь придет. К оленям или к дому, если в когти не попадет...

Я показал рукой на лес за сором, куда шли олени, пояснил:

– Там бор начинается. Если доберется туда – выживет, по твердой земле ему легче топтать, чем по этому вязкому сору.

– Значит, ему до бора нужно добраться?

– Да.

– Бросим, что ли?

– А что же делать?

Мой Лекарь еще немного постоял молча над олененком, потом решительно сказал:

– Я возьму его...

– Нам бы самим как-нибудь добраться до бора! – сказал я, переводя недоверчивый взгляд с олененка на своего спутника.

– Доберемся.

– Тяжело по вязкому сору...

– Ничего, выдюжим.

– Всех оленей на руках не перетаскаешь...

– Так пока хоть одного.

– Ладно, сам смотри... – махнул я в конце концов рукой.

– До бора близко, Осип, дойду как-нибудь...

Я связал олененку ноги и помог положить его на плечи Лекарю моему. Показал, как нужно придерживать и нести, чтобы малыш не сползал с человеческих плеч. И сам скорым шагом пустился за стадом, которое уже подходило к бору. Меня сейчас больше беспокоило то, как бы мой спутник не обессилел раньше времени. Как бы потом мне самому не пришлось брать его на плечи. Но отговаривать его было бесполезно. Это я сразу понял: если уж что-то он втемяшил в свою голову, то в другую сторону повернуть очень не просто. Я оглянулся: он далеко отстал, но, как мне показалось, шел уверенно, твердо, хотя и пошатывался на зыбких кочках. Забегая вперед, скажу, что из этого олененка потом выросла хорошая важенка. Мы ей дали имя «Лекарем Спасенная». Она народила много крепких оленят и, пока я был бригадиром, она до глубокой старости жила в стаде – как-то рука не поднималась отправить ее на выбраковку.

На окраине бора я завернул стадо, развел дымокур и устроил привал. Без отдыха моему Лекарю не обойтись, да и о пище надо было подумать. Сколько-то можно терпеть, но должен быть и предел. В этот вечер, пока олени дремали под дымком, на озере я подстрелил лебедя.

Лекарь мой пришел не скоро. Видно, несколько раз в пути останавливался на отдых. Мы распутали ноги олененку и выпустили его в стадо. Мать тотчас же нашла его и стала кормить молоком. А спутник мой завалился на спину и, не обращая внимания на комаров

и мошкару, долго лежал неподвижно, прикрыв усталые глаза.

На ночь мы завели стадо в болото и «заперли» на озерном полуострове с узким перешейком. Посреди этого перешейка, у дымного костра, мы и коротали ночь. Но сегодня нам было веселее. Я ободрал лебедя и сразу над огнем повесил котел. Пока варилось мясо, вывернул наизнанку шкуру птицы и обезжирил ее, а потом за глазные отверстия вдел в ветку сосенки. Пусть до утра хоть немного подсохнет. После мы приступили к трапезе. Когда насытились, лежа у костра, мой спутник поднял глаза на шкуру птицы, спросил:

– Не жалко лебедя?

– Так есть-то надо...

– Все-таки красивая птица!

– Да, птица красивая.

– Шкура тебе зачем?

– О, больше всего у лебедя ценится шкура!

– Что идет?

– На одежду, конечно. Возможно, Моя сошьет к зиме теплое одеяльце для сидящего в люльке Егорки. Он совсем еще маленький, ему будет холодно зимой. А коль есть большая нужда, то скроит себе зимнюю шубу.

– Из одной шкуры-то ведь шубу не сошьешь?

– Есть еще шкуры весенних птиц.

– Каких весенних?

– Турпанов, гагар, гусей.

– Оленьих шкур не хватает, что ль, на одежду?

– Да, хоть мы и пастухи, а не хватает. Каждая шкура и лапа³⁷ на учете. Да к тому же птичья шкура теплее для детей. Пух теплый и легкий, особенно лебяжий.

– А много лебедей ты подстрелил, Осип?

³⁷ Лапами называют шкуры с ног оленей и лосей, из которых шьется зимняя меховая обувь.

– Обычно весной добудешь одну-другую. Осенью, если повезет, подстрелишь пару. Летом, когда нужда заставит... А бывает, что за год ни одного не увидишь. Значит, удача отвернулась. Лебедь – птица осторожная, умная, так просто не возьмешь...

– Так, ясно, понятно...

– Может, Моя или бабушка сошьют зимние шубки для Валентины или Лидии.

– Лидия – это старшая, да?

– Да, старшая. В отличие от младшей сестры, она быстрая, подвижная и на язык остра. Словом, баловница!

– Она тоже здесь родилась?

– Да, на той стороне Межземельной Гривы, в середине зимы. В тот год мы ездили туда за отбившимися от стада оленями. Вот ей туго пришлось – зима стояла морозная, суровая. А в чуме что? Пока огонь горит – вроде бы тепло, чуть убавится – холод. Кто родился летом или весной – тому легче выжить. Но все обошлось, выжила.

– Красавица у вас растет.

– Лидия-то?

– Да.

– Что красота, – сказал я. – Лишь бы здоровой да удачливой выросла!³⁸

– Тоже верно, Осип.

Мы помолчали немного, потом он спросил меня:

– Осип, неужели не забьешь оленя, коль нужда заставит?

– Олени не мои, а колхозные. Тут я не хозяин.

– К примеру, голод наступит.

– Так ведь каждый олень на моей шее сидит! А по осени их считают. И заранее никогда не знаешь, уцелеет твоя шея в эту осень или не уцелеет.

– Что, с голоду, что ли, умирать станешь?

– Ну, в самом крайнем случае съем оленя, тут деваться некуда. А так терпеть можно, если у тебя есть ружье и рыболовные снасти. Где лебедя, где утку подстрелишь. Где щуку или окуня выловишь. Словом, жить можно.

– Редки эти крайние случаи?

– Да, пожалуй... Опять же, если в пути съел оленя, так шкуру надо тащить и бросить часть мяса. Потом нужно будет написать кучу бумаг для колхоза. А по бумажному делу мы не сильны. Легче лишний раз пастбище обойти, чем бумагу составить.

– Да, не любим мы с бумагой дело иметь...

После сытного бульона и мяса тянуло на сон. Но спать никак нельзя. Стадо, вытоптав полуостровок, захочет на «большую землю». Если мы уснем, можем проспать оленей. А их нужно удержать здесь до утра. Поэтому я кипятил крепкий чай и отваривал костлявые куски мяса и между делом, чтобы меньше клонило ко сну, заводил один разговор за другим. Потом взялся за починку нашей обуви. У меня и у моего спутника подошвы ныриков начисто «сгорели». Давно стали вылазить травяные стельки. Сырая кожа шьется плохо. Кое-как с помощью шила и парусиновой иглы я наложил заплаты и жильными нитками стянул большие дыры. Все не босиком топать по разохшимся шишкам и иглам-колючкам соснового бора.

– С такими подошвами мы бы на фронте много не навоевали, – заметил мой Лекарь.

Так наш разговор перешел на войны. Сначала говорили о войне с немцами, потом о нашей войне с русскими. Точнее, с красными русскими.

³⁸ Возможно, красота станет причиной преждевременной и ужасной гибели Лидии. Она выйдет замуж за парня из рода Казамкиных, и, когда по их землям, недалеко от их дома, проложат автотрассу Новоаганск – Радужный – Нижневартовск, летом 1988 года, вскоре после смерти брата Егора, однажды утром ее обнаженное тело найдут в мелком озере возле вечно гудящей бетонки.

Я рассказал ему о листовничных дубинках, которыми русские наказывали восставших хантов. В верховьях рек красные солдаты взяли одного нашего охотника. У него была винтовка и он отстреливался до тех пор, пока не ранили в руки и ноги. Тут русские захватили его. Спрашивают своего командира, что делать с пленным. Командир говорит: кончайте его. Тут же прикладом винтовки размозжили ему голову. При детях. При полном доме детей. Их мать пристрелили чуть раньше, при перестрелке. А для отца пулю, ироды, пожалели! И приклад винтовки для таких дел, видно, показался не очень удобным. Поэтому они изобрели листовничную дубинку. Почему именно листовничную? Да листовница на севере тверже и тяжелее железа. Такая дубинка с плохо сбитыми сучками быстро обрастала человеческим мясом. Потом ее бросали голодным псам. Псы обгачивали сучки и обнажали иглообразные волокна листовницы... После подавления восстания в нашей столице, тогда она называлась Остяко-Вогульском, устроили суд. Одиннадцать человек, руководителей, приговорили сначала к смертной казни, потом смертную казнь заменили на тюрьму. Но ни один из них до тюремной камеры не дожил. Официально власти объявили, что остяки, то есть ханты, совершенно не переносят неволю и все умерли в следственном изоляторе «от сердечной недостаточности».

Верно, мы привыкли к свободе за многие столетия. Верно, мы погибаем в неволе. Но все одиннадцать человек не могли одновременно умереть. Это каждому дураку понятно. Их просто, как скотину, забили листовничными дубинками. Вернее, даже скот так не забивают.

Разве народ может забыть такое?!

Народ может забыть все, кроме листовничных дубинок, которыми их убивали...

Разве я смогу забыть такое?!

Нет, пока не закрою навечно глаза, пока не уйду в Нижний Мир, не смогу выкинуть из памяти эти листовничные дубинки, обросшие человеческим мясом!..

Мой Лекарь, прикрыв глаза, долго молчал. Мне показалось, что он уснул. Но тут он открыл глаза, остановил взгляд на моем лице, тяжело выдохнул такие слова:

– Осип, с такими варварами и я бы с тобой пошел воевать!..

И хотя от меня никакого ответа не требовалось, но я как-то машинально сказал:

– Верю.

На его лице я уловил удивление. Вернее, немой вопрос. Поэтому я пояснил свое слово:

– На той войне на нашей стороне воевало несколько русских. Правда, это были люди Белого Царя, то есть белые русские...

После паузы мой Лекарь сказал:

– Хотя все наши войны бессмысленны...

– Почему же: вас слишком много, а нас слишком мало?

– Да не только поэтому...

– Но мы же, потеряв землю и язык, либо все выйдем, либо вы сделаете нас себе подобными, русскими сделаете... Другой дороги нам нет... Или войой, или умирай. Конец-то все равно один!

– Наши войны бессмысленны... – повторил он.

– Это смотря для кого бессмысленны... – упрямо проговорил я.

На это он сказал мне такие слова: да, Осип, мы, русские, самые обычные колонизаторы!.. Захватили почти полпланеты. Нам нужны не люди, не народы, а их земли. Нужны земли, земли и земли! Но что же делать,

как быть?! Весь мир прошел через это. Одни истребляют, другие истребляются. На одних континентах это делается открыто – с помощью пушек и ружей, на других это делается косвенно, прикрываясь лживым словом, обещая райскую жизнь. Правда, иногда исподтишка, из-под полы, вытаскиваем дубинки, чтобы проломить головы непокорным. Для острастки, в назидание другим, чтобы не бунтовали. Как это было на ваших землях, на вашей войне с русскими. Поэтому как бы много русских вам не помогали, как бы добра вам не хотели, повернуть жизнь в другую сторону невозможно. Или, вернее, почти невозможно. У каждого народа своя судьба... Правда, мне не совсем ясно, если судить по здравому, зачем русским столько пространства, когда на своих исконных землях не можем наладить нормальную жизнь... Впрочем, колонизаторы тоже бывают разные. С вас русский Царь, как с индейцев, хоть скальпы не снимал...

– Зато Красный Царь с меня последние штаны снимает, – проворчал я.

Это был первый русский, сказавший мне правду.

Первый русский, имеющий честь.

Русский, имеющий совесть.

Я потом много думал о его словах. Так ли идет жизнь, как он сказал. Нужен ли я русским?! Нужны ли мне русские?!³⁹

За такими разговорами прошла ночь.

Утром мы выпустили стадо и по приаганскому бору направили его в сторону дома. И сами неспешно пошли

³⁹ Спустя годы, нищенствуя на свою колхозную пенсию, он не однажды вспомнит Русского Лекаря. Он почувствует себя волком, обложенным со всех сторон. И поймет, что миллионам переселенцев, которых притянули сюда земля, леса, недра с нефтью и газом, он совершенно не нужен. И чем быстрее он покинет свое последнее логово, тем меньше проблем будет у новопоселенцев в захвате его родовых земель.

следом. Теперь я знал, что олени не свернут в сторону и раньше нас добегут до домашнего дымокура.

Мой Лекарь, пошатываясь, молча шел за мной. Иногда я оборачивался на звук, похожий на храп. Он разлеплял воспаленные веки и виновато улыбался. Это, говорит, армейская привычка. На марше, бывало, когда идешь плотным строем и тебя подпирают спереди и сзади, дремлешь на ходу. Ноги идут, а сам спишь. Еще потерпи немного, ободрял я. Скоро домой придем. Сейчас бор закончится, будет болотистая ложбинка. За ней новый бор и еще две такие же ложбинки – и дом. Пояснил ему: близко от дома не принято отдыхать и устраивать долгие привалы. На смех нас поднимут люди, если узнают. На это он глухо хрипел:

«Терплю еще, Осип!..»

Дома он уснул и проспал беспробудно сутки. Потом, когда встал, выгасил он лик земли, называемый картой. На ней я показал наш путь по пастбищу, по нашим борам, болотам, сорам. Он посчитал, прикинул в уме и сказал: «За неделю мы с тобой, Осип, почти тысячу километров оттопали!.. Столько я, пожалуй, за всю войну не прошел пешком..» Помолчал, потом добавил: «На войне-то как было: то пехом идешь, то подъедешь, то подвезут...»

И опять замолчал. Видно, невольное напоминание о войне затронуло его незаживающие раны. Немного позже, чуть ли не в день отъезда, когда мы вдвоем стояли у дымокура, он сказал мне:

– Осип, мой старший тоже погиб преждевременно...

– Где?! Когда?! – удивился я.

– На войне...

На мой немой вопрос он так ответил:

– Моя была в положении... Вот-вот в тыл должны были отправить... Да не успели...

Я все понял. Вместе с ней ушел из жизни его старший. Или ушла старшая. Да какая разница? Ведь ушел человек!.. Ушел человек, которого уже никогда не вернуть... Я знал, каково сейчас ему, русскому Лекарю. И невольно подумал: и зачем я мучал его голодом и холодом, комарами и мошкаррой, паутами и грязью наших болот?! Я не в состоянии был ничего ему сказать. И поэтому молчал и молчал.

Настало время – и он попрощался со всеми и уехал, оставив след не только на наших пастбищах, но и в моем сердце...

7. Зима

Прошло два или три года. А может, и больше. Точно не помню. Однажды осенью провели учет и не досчитались многих оленей. Большая потеря случилась. В те годы все решалось просто: пропали олени – пастухи их съели, пастухи виноваты. В первую голову, конечно, бригадир должен отвечать. У него живот больше, чем у других. Жди, комиссия приедет, сказали мне. Как решит комиссия – так и будет. Ничего хорошего от комиссии я не ждал, исход известен – бригадира под суд, а рядовые пастухи возмещают ущерб деньгами.

Наконец приехала комиссия: одна женщина, двое мужчин и четвертым был председатель колхоза Кузнецов. Когда приезжие сняли кумыши⁴⁰, в одном незнакомце я узнал оленьего Лекаря, прошедшего по нашим пастбищам несколько лет назад. Подошел он ко мне, поздоровался за руку, спросил о потерянных оленях.

– Съел, – коротко сказал я и невольно провел руками по животу. – Правда, не могу понять, как они все уместились в моем животе!..

⁴⁰ Кумыш – верхняя глухая одежда мехом наружу, надеваемая на малицу или шубу.

Приезжие переглянулись между собой. А Лекарь, мой бывший спутник, сдвинул брови: мол, давай, Осип, по-серьезному. А что объяснять-то, для чего? Что год выдался тяжелым – всем известно было. Весной тяжелой наст обрек стадо на бескормицу, ослабили олени, случился падеж. Летом олени копыткой болели, это большая беда для стада. Осенью медведи изрядно похозяйничали на пастбище. Вот и результат. Женщина взглянула на председателя колхоза. Тот скороговоркой поддакивал: да, наст и падеж были, копытка имела место, медведи – тоже.

– Ладно, осмотрим пастбище, – сказал Лекарь.

И все направились к чумам.

Видно, комиссия была высокая. На сей раз наш председатель Кузнецов, мужик резкий и крутой, чуть изогнувшись в поясе, как-то полубоком, засеменял перед приезжими, размахивая руками и на ходу что-то объясняя. Таким я ни разу его не видел. Как потом я узнал, один приехал из района, другой из области, а третий чуть ли не из Москвы. Так что глава колхоза не зря старался. Но Лекарь, замедлив шаг и оглянувшись, позвал меня:

– Осип Александрович, идите сюда, показывайте свое хозяйство!..

А показывать особенно было нечего. Нарты, упряжь, пасущиеся невдалеке олени и два зимних чума. Тут вышел первый конфуз. Ньюки⁴¹ были старые, рваные, латаные-перелатаные. Местами взгляд проходил через обе стенки. Лекарь повел своих вокруг нашего жилища, невольно тыкая палочкой в дыры на крышке. Тут в чуме проснулась и заплакала моя младшая дочурка, которой не исполнилось и года. Мать качнула люльку – и остов дома слегка зашевелился,

⁴¹ Ньюки – крышка зимнего чума из остриженных оленьих шкур.

и заскрипел подвесной ремень на жердине. Лекарь, останавливаясь, сказал ни к кому не обращаясь:

– А ведь мерзнут дети!..

Тут все посмотрели на моих Егорку и Валентину, путавшихся у меня под ногами. Старшую Лидию уже забрали в интернат. Все замолчали, прислушиваясь к плачу малышки за дырявой покрывкой. Наконец Лекарь поймал взгляд председателя Кузнецова, сухо спросил:

– Что, нет шкур на покрывки?!

Председатель весь съежился, стал меньше ростом, невнятно пробормотал:

– Да-ан... ннет...

– Так есть или нет?! – резко спросил Лекарь.

– Есть, но недостаточно...

– Хоть отремонтировать-то можно было?

– Можно, да не просили...

– Верно, не просили, – подтвердил я.

– Почему? – спросила женщина.

– Да... в колхозе все равно мало что выпросишь!..

– А сукна нет? – спросил Лекарь.

– Есть, сделам! – бодро откликнулся председатель.

В те годы уже стали применять двойные покрывки для зимнего чума. Обычно нижняя шьется из толстого шинельного сукна, а верхняя из брезента.

В чуме тоже вышла неувязка. Как водится, с холода все потянулись к печурке. А она также насквозь просвечивает, как и чумовые покрывки. Бока давно выгорели, а верх мы прикрывали кусками жести. Когда все немного отогрелись, Лекарь спокойным и ровным голосом спросил председателя:

– Кузнецов, у тебя и листика железа нет?

Председатель смешался, пригнул голову, закричал, стал покашливать, как бы прочищая горло. Не дождав-шись ответа, Лекарь поставил ему второй вопрос:

– У тебя дома сколько печей?

– У меня... как у всех... – запнувшись, ответил председатель.

В те годы все зажиточные русские в поселке ставили по две печи: большую кирпичную и рядом с ней малую железную. В сильные холода топили и ту, и другую печь. В ту пору зимы, не то, что сейчас, были особенно суровыми.

– Так отдай свою буржуйку Осипу Александровичу! – сказал Лекарь.

– Хорошо, сделам! – почти обрадованно согласился председатель колхоза Кузнецов.

На печке уже начал закипать чайник для гостей. Тут Лекарь обратил внимание на котел, стоявший позади печки на тонких жердинах-настилах. Он взял поварешку, прислоненную к котловой дужке, и зачерпнул со дна ухи. Попалось несколько окуньков и ершей.

– Это ваш обед? – поинтересовался он.

Я молча кивнул.

– Неудивительно, Кузнецов, если у вас через год разбегутся последние олени... – заметил Лекарь.

– Зато у них хлеб есть! – на этот раз быстро нашелся глава колхоза.

– Да, мука есть, хлеб есть, – подтвердил я. – Терпим пока...

– Сколько можно терпеть?..

Наступила пауза. Когда молчание стало тягостным, председатель Кузнецов, поерзав, сказал ни к кому не обращаясь:

– Это была наша лучшая бригада. Всегда сохраняли основное поголовье. Без больших потерь обходилось до этой осени...

– Однако не лучшим образом заботились о них... – сказал Лекарь.

– Теперь позаботимся, сделаем! – приободрился председатель. – Если вы нам поможете!..

К чести председателя Кузнецова, он сдержал свои слова.

Через неделю прислал нам новую печку, а немного позже обновили покрышки чумов не столько нам, но и другим бригадам. Выдали шкуры на одежду и лапы на обувь. Разрешили раз в год на семью брать одного оленя на мясо. По тогдашним временам это совсем неплохо для пастуха, который совсем ничего не имел. При стаде, а ходи голодный.

Опять все замолчали. Лекарь медленным взором обводил чум: я почувствовал на себе его внимательные глаза, потом они прошли по Егорке и Валентине, примостившихся у моих колен с двух сторон, по засыпающей младшей дочурке, укутанной в меховые одеяльца и платки, по моей супруге, качающей люльку малышки, и остановились на моей седой маме, сидевшей возле дверей с шитьем в руках. Гости невольно повели головами слева направо, проследив за его взглядом. Он еще немного постоял молча, нагнув голову. Потом выпрямился и глухо сказал:

– Поехали.

– А чай? – спросила Моя. – Чайник уже кипит!..

– Чай поьем в пути, у Казамкиных.

Комиссия дружно вышла из дома, и все поспешили к своим упряжкам, где каюры уже развязывали вожжи-поводки. Тронулись нарты. Но Лекарь придержал своего каюра и, перебирая вещи на сиденье, негромко и как-то неопределенно спросил меня:

– Ну что, Осип?..

Я чуть заметно кивнул вверх:

– На своего Небесного Отца надеюсь...

Он почти невидимо усмехнулся и, между тем, достал небольшой рюкзачок и подал мне: вот, мол,

гостинцы твоим детям. Мешок оказался мне очень добротным, из плотной крепкой ткани, с мягкими широкими ляжками, и поэтому я хотел выложить содержимое и вернуть его хозяину. Но он остановил меня: мол, мешок для тебя, оставь. Он оказался очень прочным. Мы ему потом имя дали: «Лекаря мешок», «Лекаря подарок». Я протаскал его за спиной все мои пастушеские годы. И сейчас, правда, уже подлатанный, годится для выезда на охоту и рыбалку.

На прощание он пожал мне руку, улыбнулся и крепким голосом сказал:

– Ну, живи, Осип, работай спокойно... Даст Бог, еще свидимся когда...

Уехала комиссия.

И уехал мой Лекарь.

Что дальше было? Под суд меня не отдали. Половину потерянных оленей списали, а за другую половину сделали нам денежный начет. Ну, это не тюрьма, жить можно. Все это было впервые. После уже никого за потерю оленей не судили, только вынуждали возмещать ущерб из собственных средств. Словом, с тех пор, с легкой руки моего Лекаря, полегчала наша жизнь...

Да, и среди русских встречаются достойные... Но второй такой мне больше не попадался. С той зимы прошло много лет. Русский Лекарь после этого к нам не приезжал. Не знаю, жив ли он, здоров ли? Не знаю, на каких землях сейчас живет, чем занимается!.. Но во мне и в наших землях он оставил о себе добрую память!..

* * *

Сам Иосиф Александрович Сардаков ненадолго пережил своих детей и свои погубленные пастбища и земли. «Не дай Бог никому пережить своих детей», –

вздыхал он с влагой в глазах. Вскоре после кончины старшей дочери Лидии он оставил этот мир. В поселке Варьеган по пьяному делу он выпал с рыбоприемного плашкоута и утонул. Земные дни прожиты, детей не стало. Зачем ему Солнце, Луна, Жизнь и Земля? Вспомнив слова Русского Лекаря, возможно, он осознанно и добровольно ушел в Нижний Мир – пусть его землей довольствуются пришлые «хозяева».

*Москва,
11 января 1993 года*

НА ПОРОГЕ В ДРУГУЮ ЖИЗНЬ

Вместо эпилога

Он отдал темную зелень своих глаз ослепительно белым снегам, дремучим урманам, зыбким болотам, бескрайним озерам, бесконечным рекам и чутким ласковым родникам.

Он отдал тепло души своей холодному бездонному небу, продрогшим березам и соснам, вымерзающим травам и мхам, таежным зверям и птицам, живущим здесь испокон веков людям, этой благодатной родимой земле.

Он оставил на этой земле тьму троп и дорог, тьму следов и зарубок, тьму зимовий и кострищ. Он вдохнул жизнь в заповедные дальние озера и реки, в глухие таежные чащобы, в таинственные непролазные болота. Он отдал земле родившей все, что у него было. И даже больше того, что он имел. И он знал, он чувствовал всем своим существом, что земля эта стала и теплее, и ласковее, и добрее, и человечнее.

И теперь, когда он отдал этой земле цвет и блеск своих глаз, жар костра своей души, тепло своего дыха-

ния, когда время сделало его сухим и легким, как травинка, когда он стал блее ослепительных весенних снегов, пришел некто шумливый и горластый и громко крикнул:

– Я – первопроходец! Я – первооткрыватель! Я – покоритель! Я-я-я!..

Он молчал. Возможно, только потухшая трубка дрожала в его старой руке. Это «я» беспощадно било его по ушам. Это «я» беспощадно било по тем сопкам, урманам, болотам, рекам и озерам, которым он дал имена. Он дал имя каждому изгибу, каждому песку, каждому яру по большим и малым рекам. Он дал имя каждому ручью, каждому роднику, каждому камню, каждому дереву родимой земли. Он никого и ничего не обделил. Он твердо знал: на этой родившей его бескрайней земле нет ни одного безымянного бугра и закоулка. Нет никого и ничего безымянного.

Он молчал. И, возможно, только потухшая трубка дрожала в его холодной руке. И когда этот некто поперхнулся своим «я», и получилась пауза, он сказал устало:

– Дверную ручку с обратной стороны возьмите и дверь закройте.

Теперь он слушал тишину. Благостную тишину.

Он сидел и думал о том, что когда-то бородатый дюжий человек пришел на эту землю с остроголовыми воинами и крепко побил иноземного царя. С тех пор многие считают, что тот покорил эту землю. И никто не может понять, что он покорил не землю, а иноземного царя.

А он, отдав все этой земле, на пороге в другую жизнь, понял, открыл великую Истину Истин – землю нельзя покорить, ибо покоривший землю в первую голову покоряет не землю, а свою душу, самого себя покоряет и, покорив самого себя, убивает в себе

человека. А величайшая Истина Истин в том, что землю можно только полюбить, но нельзя покорить. Может быть, и в душе того бородатого человека, что четыре сотни лет назад пришел сюда, тоже жила эта Истина, но о ней никто не знал, и человечество впало в заблуждение. И бородатый человек не успел высказать Истину и унес ее с собой в могилу, в величайшие воды Большой Реки.

Землю можно только полюбить...

Может быть, постигнув эту Истину Истин, он пожалел, что она пришла поздно, когда он уже все отдал и больше ничего у него нет. А может быть, он возрадовался, что Истина Истин все-таки не обошла его стороной, нашла его на пороге в другую жизнь...

Я этого не знаю...

**В ТЕНИ
СТАРОГО КЕДРА**

Повесть

Часть первая ТРОПОЮ СТРЕЛЯЮЩЕГО ГЛУХАРЕЙ

Глава первая ВВЕРХ ПО ВОНТЪЕГАНУ

– Почему моего деда Глухарей Стреляющим Ики¹ звали? – спросил Микуль у отца.

– Удачлив он был, – ответил отец, оглядывая берега Вонтъегана. Глухарей и других зверей-птиц хорошо добывал. Особенно медведей. Поэтому охотники из рода Сардаковых и называли его Стреляющим Медведей. А детям нельзя было говорить о священном «бупи» – медведе. Они стали называть его Стреляющим Глухарей. Я думаю, в детстве первой добычей твоего деда стал глухарь. В те времена рано шли в тайгу. Как только лук и стрелы поднимали – сразу по следу зверя шли.

– Почему его Ики, Стариком, звали? Он старый был?

– Ики – так называют не только стариков. Так еще людей уважаемых и мудрых зовут. Он понимал язык

¹ Ики – старик.

зверей и птиц, язык деревьев и трав. Люди считали его волшебником, поэтому не называли по имени. А имя его было Роман-ики...

– А за что его люди уважали?

– От него людям тепло было, – сказал отец. – А в те времена ты, наверно, слышал, в тайге было мало тепла. Беда ли к кому придет, радость ли – дед твой был легким на подъем, в руках у него все горело, все играло... В жизни у него был жаркий костер – людей согревал...

В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА

Голос костра был ровным и спокойным. Стреляющий Глухарей сидел у огня и слушал. Костер рассказывал ему, о чем шептала эта урманная река в глинистых берегах и о чем думают черные кедрово-еловые урманы за спиной Старика, убегая в голубую дымчатую марь.

Костер поведал ему о думах старого смолистого кедра, который подошел к огню и остановился справа от Старика, чтобы в последний раз перед долгой студенной зимой обсушить свои одежды и погреть руки-ноги, погреть свое большое, теперь уже быстро зябнущее тело. Возле него, за костром, испуганно трепетал куст багульника – ему, видно, стало слишком тепло и он боялся, как бы огонь не обидел его. И Стреляющий Глухарей молча успокоил куст – огонь не тронет его, человек смотрит за огнем. Глядя на багульник, он вспомнил свой первый костер в день вступления на тропу охотника. Тогда вот так же сидел у огня, пил крепкий чай. Вдруг услышал отчетливый тихий стон. Потом увидел у огня маленькую зеленую сосенку – ее всю корежило. Тоненькие беззащитные веточкигнуло из стороны в сторону, они лихорадочно искали место, где им

будет лучше, где они выживут. Иголочки на макушке бросились врассыпную, а по стволу медленно ползла прозрачная тяжелая капля – слеза. В следующее мгновение сосенка вспыхнула, рванулась в небо снопом искр и растворилась в желтом пламени костра.

Жило дерево – не стало дерева. Тогда, в день вступления на тропу охотника, он поразился тому, как все это просто и как все это сложно. Хватило мгновения, чтобы превратить сосенку в пепел, чтобы отнять у нее жизнь. Но в то же время, казалось бы, что значит для него жизнь сосенки?! Ничего не значит?! Ведь сосенок-то много. Но... сосенки-то уже нет, а он все еще слышит ее стон и видит ее слезу. Может быть, это оттого, что виноват здесь не огонь, а он, охотник, который развел костер?

Сейчас, сидя у костра, Стреляющий Глухарей внимательно прислушивался к голосу огня. По этому голосу можно узнать, какая будет погода завтра и послезавтра, что впереди еще немало безветренных теплых дней: в такую осень удача никогда не обходила его дом... Сейчас ему много не нужно, тепло еще, сожалел он. Большая удача будет нужна в день первозимья, когда тайга наденет свои белые одежды.

Костер говорил, а охотник слушал.

Трепетали светло-желтые языки пламени. Их было три. Три языка, три пламени – это хорошо, – подумал Старик, – три – это хорошее число. Еще три дня можно спокойно плыть вверх по течению навстречу полуденному солнцу.

Костер согревал Старика. Он чувствовал, как огонь ласкает его мозолистые крепкие пальцы, шрам на правой щеке, морщины на высоком лбу. Тепло медленно и осторожно входило в него, шло по плотному литому телу, доходило до костей и там останавливалось и тихонько растворялось. Тепло таежного костра

никогда его не размаривало, а наоборот, бодрило тело и дух.

Костер хочет единения, думал Стреляющий Глухарей. От костра уютнее стало на берегу урманной реки, к нему придвинулись и старый кедр, и черный урман, и травы, и кусты, и река, и люди – отец и сын. Тепла костра хватало на всех.

Между тем огонь вскипятил чай в закопченном котелке, а затем медленно и степенно, вместе с людьми, вдыхал тонкий аромат крепкого охотничьего напитка, где смешались запахи кедровой смолы и хвои, сизого дымка и осенней листвы, терпкий дух багульника и черемухи.

Голос костра был ровным и спокойным. Стреляющий Глухарей молча смотрел на языки пламени. Сын тоже молчал. Он знал, что костер о чем-то говорит. Но не все доходило до него, а спросить у отца не решался. Тот обычно говорил в тайге: смотри и слушай. И думай. Человек должен дойти до всего своим умом, и тайгу тоже надо постичь своим умом. И мальчик старался всегда предугадать, что нужно делать в тайге. Он убрал посуду в заплечный мешок и взялся за топорик. Пока отец курит свою трубку, ему делать нечего – и он решил сделать две зарубки на старом кедре. Это будет память о двух охотниках, что останавливались тут. Иногда охотники оставляют свою «подпись» на кострищах и на местах удачной добычи. Он посмотрел на отца, на кедр и отложил свой топорик: наверно, не надо делать зарубки. Наверное, этот кедр – старый друг отца, не зря он тоже придвинулся к костру, подумал мальчик. В ожидании, пока отец выкурит трубку, он отнес топорик и мешок в обласок, высыпал под куст опивки чая и набрал полный котелок воды. Он знал, что ни одно дерево не должно погибнуть от огня и человека. И хотя вокруг костра он сам выбрал на совесть

весь мох и всю хвою, и затухающий огонь был в надежном кольце, но ему теперь показалось, что водой-то вернее.

Тут отец вынул изо рта трубку и тихо сказал:

– Зачем костер хочешь обидеть?..

Как – зачем, хотел переспросить мальчик, но смолчал. Почему отец такое сказал, думал он. В чем тут дело, в чем... Время, я забыл о времени, догадался наконец мальчик. Сейчас не теплая весна, не жаркое лето, а осень, прошли первые осенние дожди. Позади осталась пора лесных пожаров. И какая осень – вон какие безветренные погожие дни. Воду обратно не понесешь, думал он и, взглянув на отца, разлил ее вокруг костра, ни капли не уронив на огонь.

– Костер не хочет, чтобы его убивали, – сказал отец, докуривая трубку.

Утихающий голос костра, ровный и спокойный, теперь отчетливо слышал и сын Стреляющего Глухарей.

Глава вторая НА ПРИВАЛЕ В ПУТИ

– Ты видел, как медведь шаманит? – спросил Миккуль отца.

– Видел. Правда, всего один раз. И Старик раньше рассказывал, что редко кто видит это. Редко. А мне довелось... Однажды осенью, когда пришло время спелой брусники... Медведица села на ягель, вытянула ноги, как человек. Посадила на колени медвежат и давай их ласкать: качает их, обнимает, целует. А сама урчит потихоньку, будто колыбельную песню поет – тягуче сладкую и покойную. Шаманит – так ханты считают. Если бы не услышал своими ушами, никогда бы не поверил.

– А она... тебя видела?

– Она в это время ничего не видит и не слышит. Стреляющий Глухарей рассказывал, можно подойти и дотронуться до нее рукой. Она совсем беззащитна, поэтому и надо обходить ее стороной. Не тронешь ее – и она потом никогда не тронет тебя, не застанет врасплох. А из-за детей она может и в огонь, и в воду, и на человека. Ничто ее не остановит. Когда с ружьем на медведя ходишь, медвежат нельзя трогать, только самца надо брать. А медвежат, детей, нельзя трогать.

НА ПЕРЕПРАВЕ

Заночевали на сухой неширокой гриве под сенью разлапистых кедров. После чая посидели немного у костра, прислушиваясь к тихим звукам засыпающей тайги. На сухую прошлогоднюю хвою настелили свежего лапника и поставили колышки для полога-палатки. И как только Стреляющий Глухарей натянул ситцевый полог, сын – Дани – сразу же заснул крепким детским сном. Ночью он ни разу не просыпался, лишь рано утром, когда только-только взошло весеннее солнце, отец разбудил его таинственным шепотом:

– Смотри!..

Сын живо высунулся из полога и замер: вниз по течению, там, где кончается кедровая грива, на песчаном мыске топталась медведица с двумя крохотными, как мохнатые черные рукавицы, медвежатами.

Мать, тихонько рыча, подталкивала детей к воде. Но малыши, видно, не желали купаться в холодной реке – тоненько повизгивая, пятились от берега, стараясь обойти мать и скрыться в кедровнике. Но медведица терпеливо подгоняла их к воде, тыча то мордой, то лапой. А шалуны, наострив уши, все время

увертывались. Пока мать подгоняла одного, другой отбегал назад. И все начиналось сначала.

Что это они делают, соображал сын, выкупаться хотят или просто играют?.. Вода еще холодная...

Он как высунулся наполовину из полога, так и не шевелился. Так близко и столько медведей сразу он еще никогда не видел...

А медведица, кажется, рассердилась на шалунов – угрожающе зарычала и дала легкую оплеуху подвернувшемуся под лапу детенышу. Медвежата разом присмирели – сели на задние лапки, ждут, что еще потребует мать. А медведица осторожно вошла в воду и боком, словно лодка, приткнулась к берегу. Затем проурчала, словно сказала что-то, и малыши проворно, один за другим, взгромоздились ей на спину. Сели верхом, как всадники, опустив задние лапки по бокам медведицы, а передними вцепились в ее бурый загривок.

И медведица плавно поплыла к другому берегу. Над утренней молчаливой водой слышалось лишь легкое повизгиванье.

Медвежата сидели спокойно так, важно, с высоко поднятыми, хитрющими мордашками и со вскинутыми ушками. Видно, в первый раз переправлялись через реку, и это нравилось им.

Медведицу снесло течением, и к противоположному берегу она подплыла там, где начиналась крутизна. Развернулась вдоль берега возле старой, замшелой валежины, один конец которой был в воде, а другой на суше. Медвежата соскочили на валежину, выбрались по ней на землю и радостно забарахтались. Медведица тоже вышла на берег, отряхнулась и скрылась за стволом толстого кедра. Медвежата бросились за ней.

Медведи уже скрылись в тайге, а волна на реке все еще лизала берег, на который она переправилась.

– Вот ведь придумала! – проговорил наконец сын. – Подошвы сапог² даже не промочили!

– Тебе повезло... – ответил старик. – Такое нечасто увидишь. А ума у нее, конечно, много, много...

– А ружье-то где? – вспомнил о ружье сын.

– Ружье?! – переспросил Стреляющий Глухарей. – Зачем тебе ружье?.. Оно там, где должно быть.

Глава третья У ВЕЧЕРНЕГО КОСТРА

– Люди говорят, что Стреляющий Глухарей великим медвежатником был и за свою жизнь много медведей низводил³? – спросил Микуль вечером, когда остановились на ночлег.

– И много. И мало. Сколько ему положено было, столько и низводил. Больше этой своей меры он никогда зверя-птицу не трогал. И рыбу тоже. Он знал свою меру.

– А кто ему эту меру определил?

– Как кто?.. Земля определила. Небо определило. И сам, может, тоже определил. Потому и был великим, что меру свою знал.

– Разве добыча не приносила ему большой радости?

– Приносила. Но еще большую радость ему тайга приносила. Он хотел, чтобы человек в урманых-борах всегда тропы звериные находил. Чтобы осенью-весной его всегда радовала песня перелетных птиц. Чтобы в реках-озерах рыба никогда не переводилась. У земли много Людей – и Деревьев-Трав, и Зверей-Птиц, и Рек-

² У охотников ханты: когда говорят о медведе, подразумевают, что у него не лапы, а сапоги.

³ Так у охотников принято говорить о медведе – низводят его вместо «убивают».

Озер – все они хотят жить, им всегда нужна радость и удача... Чтобы у Людей этой земли была удача и радость.

НЕЧЕСТНЫЙ ОХОТНИК

На оконечности речного мыска торчало из воды лосиное ухо. Глинистый берег весь вытоптан. По траве, через заросли тальника, тянулась тропа в сумрачный прибрежный ельник.

Над лосиным ухом роями жужжали мухи и оводы.

Стреляющий Глухарей веслом зацепил лосиную тушу снизу и потянул вверх. Сын помогал ему своим веслом. Из воды медленно и тяжело выплыла безрогая голова лосихи и темный бок с глубокими следами медвежьих когтей. Нет только правой задней ноги – видно, пообедал медведь на славу.

Стреляющий Глухарей причалил обласок к берегу, и они выбрались на сушу. Сын вопросительно взглянул на отца. Тот раскуривал свою трубку и был, кажется, чем-то недоволен – просыпал табак и дважды чертыхнулся на комаров, которые якобы не давали разжечь спичку. Потом, когда, пыхнув трубкой, пустил огромное облако дыма и комарье отхлынуло от него, он выпрямился, его быстрые иззелена-болотные глаза скользнули еще раз по медвежьей тропе, по утопанному мыску, по лосиному уху и остановились на спине. Глаза говорили: посмотри внимательно, все тут написано, что и когда случилось.

И сын увидел...

В полдень, когда солнце поднялось совсем высоко, лосиху стали донимать оводы и жара. Комары и мошка ей нипочем, говорит отец, она легко их переносит, а овод, когда он линяет и новая шерсть еще короткая, не дает ей покоя. Лосиха спустилась к реке, постояла

в зарослях тальника, прислушиваясь, спокойно ли вокрут, нет ли поблизости кого постороннего. Не учуяв ничего подозрительного, лосиха осторожно вошла в реку и остановилась. Из воды торчала только голова, так было ей хорошо – и прохладно, и оводы не донимают. Стояла так и жевала жвачку. Но как ни чутка была лосиха, а медведя не услышала. Тот подкрался вплотную и с мыска по гладкой няше съехал прямо на спину лосихи. Лосиха хоркнула и рванулась на берег. Может быть, она в бешенстве скинула бы коварного медведя со спины, да ноги засосало мягкое илистое дно – ни туда ни сюда. А медведь железной хваткой вцепился ей в бока, подмял под себя – и лосиха захлебнулась и затихла.

Медведь выбрался на берег, отдышался, сел на корточки и, видно, размышлял, как ему дальше быть. Хоть и был он главным силачом тайги, да на этот раз мочи не хватило – пыхтел, кряхтел, тянул лосиху так и эдак, да не вытянул: больно большая и тяжелая была. А на сушу обязательно надо, чтобы песочком присыпать тушу – быстрее протухнет, духовитее будет – вместо соли. Без соли какой смак?! И без душка какой смак?! Не любит он свежатину, всякое мясо обожает с душком. Наконец не выдержал медведь, прямо в воде начал рвать и глотать свою добычу. Насытившись, притянул тушу поближе к берегу, чтобы не унесло течением, и медленно и лениво направился в глубину сумрачного ельника. Там лег возле толстой трухлявой валежины на прохладный и мягкий кукушкин лен и задремал – пусть пища переваривается. А к вечеру он снова вернется к своей добыче. И этот его пир будет продолжаться несколько дней, пока он не съест всю тушу лосихи.

Стреляющий Глухарей, посасывая трубку, осматривал следы – медведь большой и упитанный, поперек

отпечатка лапы можно поставить ступню в нырике⁴. Он проводил взглядом медвежий след до тальника и вдруг сказал сердито:

– Ты – пакостник!.. Какую лосиху в грязь завалил!.. – и добавил в адрес медведя еще несколько крепких слов.

Сын не поверил своим ушам: медведя, священного зверя, главного силача тайги, шамана, сына самого верхнего бога – Нум Торыма – ни один охотник еще не ругал такими словами. Не то чтобы ругать, плохого слова о нем не говорили. А тут...

И сын тихо промолвил:

– Сам говорил: он все слышит...

– Пусть слышит! Я ему говорю, – Старик сердито пыхнул трубкой, искоса поглядел на озадаченного сына, потом пояснил, махнув в сторону ельника: – Это нечестная добыча – на земле бы он не догнал лосиху! Этот – нечестный охотник... – и добавил еще несколько слов, чтобы раскаялся медведь-охотник, чтобы слушал и стыдился и впредь так не делал.

Видно, Стреляющий Глухарей был уверен, что медведь начнет раскаиваться и больше не станет пакостить в тайге. Ведь всякого надо учить жизни, чтобы не скудела тайга, чтобы не обижалась земля на своих обитателей.

Глава четвертая В ВЕРХОВЬЕ ВОНТЪЕГАНА

– Ты говорил, что Старик часто с копьем ходил на медведя? – спросил сын.

– Копье ему удачу приносило, – отвечал отец. – У каждого охотника есть оружие, которое ему удачу приносит. А Старик копье любил. Вот и охотился с ним.

⁴ Нырики – летняя кожаная обувь ханты до колена или паха.

Все с ружьями охотились. А Стреляющий Глухарей, когда плавали по этой реке, на левой стороне обласка всегда копьё возил. Мелкое зверье и птиц для котла ружьем стрелял. А как увидит медведя – бросает ружье и хватается копьё. Такой был Старик.

– Всех медведей копьём низводил?

– Луком-самострелом немного. А так на таежных тропах – рогатиной. А ружьем не помню. Они уважали друг друга. Охотник и медведь. Поэтому Стреляющий Глухарей хотел быть на равных со зверем. Справедливый был... Я думаю, ему нужна была охота с копьём – встреча с медведем на равных, борьба с ним, опасность. Однако меру знал. Такой был дед у тебя.

– Копье держать и охотиться он тебя учил?

– Учил, помню. Главное – копьё надо острием держать вверх, тогда зверь лезвие не видит. Если повернешь плашмя – увидит и ударит лапой.

– Ты ходил с копьём на медведя?

– Нет. Я не взял ни силой, ни ростом, ни отвагой. Стреляющий Глухарей был на две головы выше меня, вдвое шире в плечах. А о силе что сказать – не было ему равных. Он последний, кто с копьём ходил на медведя.

РОГАТИНА

Стреляющий Глухарей позвал медведя. Зверь, услышав его зов, бросился к охотнику. И когда между ними осталось шагов десять, медведь поднялся на задние лапы и, переваливаясь с боку на бок, двинулся черной глыбой, чтобы сверху навалиться на охотника, подмять под себя, одолеть его. Старик крепко сжал древною левой рукой посредине, а правой – возле острия. И, когда медведь почти навис над ним, словно для объятия раскинув лапы, Старик сделал выпад навстречу и всадил острие в левую половину медвежьей груди

и тут же, перехватив древко, отскочил назад. На лице он привычно ощутил пронизывающий, горячий выдох зверя.

Рогатина остановила медведя. Он глухо взревел, обеими лапами схватился за древко и начал тянуть его на себя. Стреляющий Глухарей помогал зверю, сдерживая его многопудовую тушу, двигал острое в нужном направлении. Когда лезвие скрылось в густой шубе зверя, Старик по едва ощутимому толчку понял, что попал куда следует.

И оба замерли на мгновение. Отвердели. Онемели. Кто – кого?!

Наконец медведь присел, обмяк и медленно-медленно повалился на правый бок.

Стреляющий Глухарей выпрямился, постоял в задумчивости над медведем, словно оценивая своего противника. Он не чувствовал ни страха, ни усталости. Только руки, сдерживавшие яростный напор зверя, будто немного отяжелели и онемели. Но он привычным движением стряхнул с них онемелость, вытащил трубку, не спеша начал набивать ее табаком, потом так же не спеша раскурил ее. Он был спокоен. Был спокоен, потому что, как себе, своему оружию, своей рогатине верил. На таежных тропах рогатина была самым надежным оружием его. Надежность ее зависела от его рук, которые многое умели и многое видели. Его мозолистые, жесткие ладони помнят скупое тепло березы в пору весеннего сока. Он нашел это деревце на краю березовой рощи, срубил, вытесал и заботливо высушил на весеннем легком ветру в тени старого лабаза. Дерево насквозь пропиталось соком, а потом, когда высохло, так отвердело, что топор не брал – отскакивал. Такое древко рогатины смастерили его руки. Пальцы помнят каждую выемку, каждую царашину на древке. И поэтому он был спо-

коен. Древко должно быть надежным, как друг. Никакой медведь тогда не страшен, ни один коготь зверя не заденет тебя.

Стреляющий Глухарей выкурил трубку и тут же снова начал набивать ее табаком.

Потом, когда медведь затих, он почистил лезвие рогатины: сначала пожухлой осенней листвой, затем мягким таежным мхом. Несколько мгновений молча смотрел на холодно блеснувшую сталь своего оружия. Может быть, он говорил своей рогатине: вот и одолели мы с тобой еще одного зверя, я сделаю зарубку на память о нем на толстом дереве. А ты отдыхай до следующей тропы, до следующей охоты. Сделал свое дело – теперь отдыхай.

Он обернул лезвие мягкой вываренной берестой, обмотал бечевкой, вдел в ножны.

В ту осень он больше не собирался идти по медвежьей тропе: он добыл столько, сколько ему было положено. А на большее не имел права – да и сам не хотел. На каждого зверя у него была своя мера. И он никогда не преступал этой меры.

Обласки были перегружены, поэтому он поставил рогатину под разлапистым кедром, чтобы не падала на нее дождевая вода, а под пятку подложил дощечку – не отсыреет и не сгниет. У него было какое-то хорошее предчувствие, и он показал сыну, куда поставил рогатину: вдруг да тому понадобится отцовское оружие.

...Много лет спустя его внук Миккуль поднял рогатину, осторожно стянул ножны, прикоснулся к холодно-строгому острию и вздрогнул: словно ветром пронзило его, словно прикоснулся к ушедшему времени, прикоснулся к дедовской силе и дедовскому мужеству. Подумал, как долго живет добрая сила и добрая память, даже всеильное время бессильно... Вон

сколько лет и зим прошло, как не стало деда, а лезвие не притупилось ничуть, и ржавчина его не взяла. Словно только вчера Стреляющий Глухарей наточил рогатину, надел на лезвие ножны и поставил под разлапистым кедром на крутой излучине в верховье Вонтъегана. Поставил рогатину на месте добычи последнего медведя, чтобы взять потом. Может быть, он знал, что если сам не возьмет, то сумеют взять сын или внук, будущие охотники...

Глава пятая НА МЕДВЕЖЬЕЙ ТРОПЕ

– А когда Стреляющий Глухарей с копьём ходил на медведя, не страшно было ему? – интересовался Микуль.

– Некогда было о страхе думать: зверь близко... Может быть, потому и любил он охоту с копьём, что – близко. Медведь – самый сильный зверь тайги. В урмане люди только медведя боятся. Женщины его след ягодами посыпают, чтобы он не пугал их. Считают его шаманом тайги, святым зверем. Иногда такое выкинет – слов нет сказать. Он разный бывает, иногда добрее зверя не найдешь.

– Может, Стреляющий Глухарей какой-то секрет знал?

– Вряд ли. Просто понимал умом. Все понимал. И медведей тоже.

– Наверное, только самый смелый с копьём на медведя идет?

– Таким и был твой дед Стреляющий Глухарей. Ничего не боялся. Ни пред чем не останавливался. Иной раз даже бывалые охотники удивлялись. Таким был твой дед...

ЛУКАНИЩЕ

Дело шло к полуночи: воды и берега слились воедино. Стреляющий Глухарей вел за собой караван обласков, будто видел в темноте и урман, и реку.

Сын в обласке проснулся от залпа из пяти стволов. По обычаю, так извещают домашних, чтобы они приготовились к встрече таежного гостя – охотники возвращаются с удачей.

Четыре дня ездили охотники-промысловики в верховье Вонтъегана. А возвращались на пустых обласках: осень выдалась неплохая, но охота не принесла удачи.

Припозднились. В черную осеннюю ночь подъезжали к луканищу⁵ на Большом Урманном Яру. Там Стреляющий Глухарей четыре дня назад насторожил самострел на медведя – на случай неудачной охоты. Он знал: там хорошая медвежья тропа, и луканище было удачливым в осеннюю пору.

– Лук посмотрим. Думаю, тут нас удача ждет, – предложил Стреляющий Глухарей. Луканище досталось ему от предков и не раз выручало род охотников.

– Ты в своем ли уме! – воскликнул старейший охотник рода. – А если лук выстрелил?!

– Мне это и надо посмотреть, – сказал Стреляющий Глухарей.

– А если раненый зверь там притаился?! – предостерег старейший. – Даже ты – в такую-то темень как?! Ладно, когда светло...

– Если он там, у него шорох-морох есть, – отвечал Стреляющий Глухарей. – Так просто не накинется.

⁵ Луканище – место у звериной тропы, где настораживают самострел. Удачливое луканище переходит от поколения к поколению и имеет свое название.

– Раненый зверь все может!

– Ух, тьма-то – дух захватывает! – признался молодой охотник. – За каждым кустом так и мерещится кто-то, чернющий такой.

– Он зверь благородный, – рассуждал Стреляющий Глухарей. – И это... уважение у него к человеку есть.

– И-и... не причаливай! – опять предостерег старейший. Ствола ружейного не видно, в случае чего куда стрелять?!

– Он на должников зол бывает, – сказал Стреляющий Глухарей. – А у меня совесть чиста...

Тут все охотники заговорили в голос: оставь луканицу, завтра проверишь.

Между тем подплыли клуканищу, и, не раздумывая, Стреляющий Глухарей пристал к берегу. Сыну, сидевшему в его обласке, сказал: я быстро, только посмотрю; добычу дома ждут.

– Ладно сам-то, а сына зачем под звериный коготь подводишь! – крикнул старейший. – Хоть бы о сыне подумал!..

– Пусть привыкает, – ответил Стреляющий Глухарей. – Он в обласке сидит.

Сын вцепился правой рукой за кустик, чтобы обласок не отбило течением от берега. Отец, как только ступил на землю, сразу растворился во тьме. Видно, на ощупь пробирался по тропинке на гриву, и шагов не слышно. Даже ружье и топор не взял, подумал сын, а если там и вправду раненый зверь притаился?! Кулаком его не пристукнешь! А стрелы на медведя совсем небольшие: наконечник не длиннее бокового ножа⁶. Бывает, раненый зверь прячется возле луканища. Поэтому самострелы проверяют только днем, когда хоро-

⁶ Охотничий нож. В деревянных или костяных ножнах постоянно висит на правом боку на поясе, у левши – на левом.

шо видны кусты и валежины вокруг. Многое зависит от охотника: иной все рассчитает и так насторожит самострел, что зверь сразу падает замертво на тропу. А если зверь там притаился, что отец будет делать? А что дома ждут – так один раз можно и без добычи вернуться, решил сын.

Охотники, постукивая веслами, подгребали против течения и тихонько переговаривались:

– Все-таки ушел.

– Сам-то ладно, сын страху натерпится.

– С ним-то что, не одного зверя видел.

– Кто знает? Если медведь там – добра не жди...

Охотники смолкли. Над рекой нависла тишина. Не проглядная тьма, безмолвная река, безмолвная земля. Ни звука, ни шороха. Когда отец находился рядом, сын не испытывал страха. Сейчас, невольно съездившись, он впервые почувствовал, как тяжелы темнота и тишина. Эта же тяжесть, видимо, давила и на других охотников на середине реки. Будто вечность прошла. Наконец кто-то не выдержал и крикнул в сторону луканица:

– Ты... живой?! – Эхо глухо отозвалось в прибрежной тайге.

Спустя несколько мгновений из темноты пришли слова Стреляющего Глухарей:

– Только до лука добрался. Выстрелил!

– Иди обратно. Утром отыщем! – крикнул старейший.

– Сейчас. Нитку нашупал, натянута. Может, далеко не ушел, тут свалился.

– Вернись, если жить хочешь! – приказал старейший. – Может быть, там не один зверь! Остальные ждут, притаились!..

Только деревья повторили: «при-та-и-лись!» Больше ни звука!

Охотники тоже притихли, будто съезжились и растворились в черноте ночи. Кто-то нервно кашлянул – и опять тишина. Сын знал, медведь редко ходит один, особенно осенью. Обычно живут семейством – медведица с детенышами и отец-медведь. Если самострел поранит одного, остальные располагаются недалеко в кустах, чтобы не дать его в обиду. Такой вот зверь – медведь.

Тут один из охотников протяжно так выдохнул в сторону луканища:

– Ты-ты-ы-и... – и смолк, будто воздуха не хватило.

– Тут, нашел! – донеслось из темноты.

В обласке кто-то шумно вздохнул.

– Нашел, – шли слова из темноты. – Нашупал. Шубу⁷. Не шевелится... Выходите. Теплый еще, до утра протухнет...

– Там больше их нет, не притаились?! – невольно вырвалось у молодого охотника.

– Не слышно ничего, – отвечал Стреляющий Глухарей. – Если был зверь, так, наверно, давно удрал. Он тоже побоится. Идите.

Охотники вышли на берег, развели костер. А сын кипятил чай и, поглядывая на отца, думал, что пустые страхи, нагнанные темнотой, тишиной и невидимым зверем, теперь не должны вернуться к нему – он их однажды уже испытал.

Глава шестая ВОЗЛЕ УСТЬЯ ВОНТЪЕГАНА

– Люди говорят о большой силе деда. Расскажи, – попросил Микуль.

– В ту пору я еще мальцом был, – припомнил отец. – В Сургут ехали. В низовье Агана случайно в дом попа-

⁷ Шуба – так называют шкуру медведя, шерсть.

ли, где медведя плясали⁸. А хозяин, известный на всю реку силач, состязание устроил – на палке всех перетянул. Всех мужчин, человек двадцать. Кого одной рукой, кого двумя. Отец молча наблюдал. Молодой еще был, о нем ничего не знали. Тут ему хозяин-силач: «Иди, Роман! Твой черед!» И люди: «Иди, хоть медведя потетишь – через хозяина перелетишь!» Отец потнекивался, потом нехотя сел против хозяина. Дали команду. И тут хозяин через отца – хлоп! – растянулся возле порога. Встал, отряхнулся, говорит: «Ма чулкэм!⁹ Давай снова!» Отец пожал плечами: снова так снова. И хозяин опять – хлоп! – и у порога. Встал, говорит: «Ты первый меня побил. До сих пор сила во мне была. Теперь убедился: сила в тебе, Роман-ики!»

– А после Стреляющий Глухарей ни с кем не мерялся силой?

– Не помню. Если только с медведем. Сила нужна была ему для охоты, для жизни. Ездить очень любил. Ночью или днем, куда надумает, туда и едет. Не знал устали.

Бывало, когда каслали по болоту, он брал свою мать в обласок. И на перетасках, волоках между озерами, волок облас с домашней утварью и бабушкой. Если та порывалась встать, он говорил: «Будешь тут ноги мочить! Сиди!» А я с пустым обласком кое-как поспевал за ними. Вот для чего сила ему нужна была...

СОН В ОСЕННЮЮ НОЧЬ

Стреляющий Глухарей слышал, как жена тыкала его в бок и шептала:

– Вставай! Пришел!..

⁸ Медведя плясать – в честь медведя устраивался праздник: исполнялись песни, танцы, сценки из охотничьей жизни; состязание в силе, борьба и т. д.

⁹ Ма, чулкэм! – Я оплошал!

А он никак не мог понять, во сне это или наяву. Тут жена опять:

– Вставай! Пришел!..

Он никого не ждал, и к нему никто не должен прийти. Выпавший три дня тому назад снег сегодня к вечеру растаял. Не черная осень и не белая зима. В эту пору кто сюда придет, воображал он. Пешком далеко, а на оленях рано. И снова провалился в сон.

С раннего утра он белковал, обошел почти весь бор. Вернувшись домой, поужинал и сразу заснул. Чутко спал он только в лесу, а в чуме спал крепко и сейчас не мог проснуться. А жена снова шепотом:

– Вставай же! Слышишь, пришел!..

И он опять стал перебирать в памяти, кто бы мог добраться до его становья на дальнем бору. А жена между тем трянула его за плечо и, припав к его голове, прошептала испуганно:

– Да вставай же! Дом ломает!

Ах, дом ломает, сообразил Стреляющий Глухарей, да я ему!.. Он вскочил, окинул взглядом чум. Слева мирно спали его дети, дочь и сын. В середине чума жена подкидывала дрова в ярко пылающий костер: кого-то огнем хочет напугать. Но тут все были свои. И он, не спросив ничего, бросился на улицу, где должен быть этот таинственный кто-то. Выходя, он заметил краем левого глаза, как нюки¹⁰ в середине чума поползли вниз. И правда, ломает, убедился он. Да кто ж ему такое позволил! – в следующий миг мелькнуло в его голове. И он почувствовал, как мгновенно отвердели мышцы и стали наполняться силой. Осенняя ночь чернотой ударила в глаза, ослепила его. Но сила негодования толкнула его в эту черноту, и он вслепую, на ощупь, двинулся вокруг

¹⁰ Нюки – полость из выделанных оленьих шкур, которой накрывают чум. На один чум идет две-три полости.

чума. Не было времени ждать, пока глаза привыкнут к темноте... Мелькнул луч света из порванной нюки. Ему показалось, что он успел увидеть жену и спящих детей. Но после света ночь опять ослепила его. «Разве можно ломать дом, в котором есть человек и в котором есть огонь?! – бормотал он. – Никак нельзя! Нельзя ломать!» Он шагнул вперед, и тут руки наткнулись на что-то мокрое и холодное. «А, попался! – не то подумал, не то сказал вслух. – Ломать вздумал?! Детей пугать вздумал?! Да я тебя!..» И он в ярости рванул кого-то, сдвинул пальцами и поднял на руки. И шагнул прочь от чума. Шаг, второй шаг, третий... Будто низкое черное небо навалилось на него и вдавливало ступни в застывшую землю. Он сделал еще несколько шагов и отшвырнул свою ношу.

Глухой хрип – и все стихло.

Перед глазами по-прежнему стояла осенняя чернота черной земли, черных сосен, черного неба. Он постоял немного, прислушиваясь к тишине. Потом потер руки, будто хотел умыться. Тут почувствовал, как холодная земля слабо пощекотала его голые ступни. Он вспомнил, что босиком выскочил на улицу, и вернулся к чуму. Поправил порванный край нюки и, подняв полость-дверь, вошел в чум.

– Кто там был? – спросила жена.

Потрескивал огонь в чуме. Посапывали дети во сне. Глухо шептались сосны в бору.

– Зверь был, – ответил Стреляющий Глухарей.

– Ушел?

– Ушел.

– Обратно не вернется?

– Не вернется, – успокоил он. – Теперь не вернется.

Жена подложила дров в огонь и принялась за шитье. Старик раскурил трубку, два раза пыхнул ею и лег спать.

– Слышу, кто-то вокруг чума ходит, – говорила жена, поглаживая камус новых кисов. – Сначала подумала – олень ходит. А потом он начал нюки рвать. Тут я немного напугалась. Тебя стала будить. Всякий зверь охотника всегда побаивается. А женщину не боится. Они, звери, все понимают...

Она немного помолчала. Потом спросила:

– Ты почему ружье не взял?! Как в такую темень без ружья?!

Стреляющий Глухарей засыпал с трубкой в зубах. Это самый сладкий сон. Голос жены доносился уже смутно, но смысл слов еще доходил до его сознания. Во-во, в такую темень куда ружье годится, мысленно возражал он жене. Никуда ружье не годится. И к тому же лед встал на реках. И снег был. В эту пору шуба у зверя льдом и снегом обрастает – никакое ружье не поможет. Пуля отскакивает, пуля его не берет.

Видно, жена и сама догадалась об этом, сказала:

– Хотя бы нож взял! Кто на зверя с голыми руками ходит?!

Что ножом сделаешь, возражал Стреляющий Глухарей. Так его и возьмешь ножом, если даже огня не боялся. Куда там нож!..

Что дальше говорила жена, он уже не слышал – уснул с трубкой в зубах. Ночью только однажды проснулся. По горько-сладкому запаху нашел в потемках трубку, пустил облако дыма, повернулся на другой бок и снова захрапел.

Утром жена сказала ему:

– Ты, оказывается, зверя добыл?

– ...

– Возле нарт лежит. Посмотри.

Он надел домашние кисы и вышел на улицу. Возле нарт на сухой колодине, на которой он строгал копылья и полозья нартовые, лежал медведь. Ночной сне-

жок припорошил его шубу, обледеневшую и клочкастую.

– Сколько в нем льда-снега, – пробормотал он.

– Чем ты его? Руками, что ли? – спросила жена.

– Чем? – переспросил он и, помолчав, сказал: – Сонный человек... чего только не наделает...

После завтрака он ободрал шатуна. Мясо, жилистое и черное, как уголь, сложил под деревом вдали от жилья и закидал ветками. Шкуру повесил на жердину между двумя соснами. Такова участь медведя-шатуна. Делая все это, он размышлял о том, за что Нум Торым наказал этого медведя, за что вовремя не уложил его в теплую берлогу, за что натравил на человека и на огонь. За что? И, размышляя о Нум Торыме, о медведе, о жизни лесов и болот, он неожиданно пришел к другой мысли: может быть, человек во всем виноват?! Может быть, человек не вовремя потревожил медведя и этим наказал его?! Может быть, и человек. Мало ли неразумных людей на белом свете.

Часть вторая ТРОПОЮ МИКУЛЯ

Глава первая ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ В ШКОЛУ

– Хорошо учишь, – сказал отец. – Скажут считать – считай: один, два, три... Считать ведь умеешь.

– Считать я умею, – ответил Микуль. – Что я в школе буду делать?

– Бумагу читать научат, по-русски говорить научат и другим разным делам научат.

– В школу я не хочу. В тайге жить хочу, на охоту-рыбалку ходить хочу. Ты вот бумагу читать не умеешь, а звериный след читать можешь...

– Когда я маленький был, школы не было. Отец и мать бумагу читать тоже не умели – кто бы меня научил?..

– Стреляющий Глухарей читать и писать не умел, а таежные тропы знал! И зверя, и рыбу умел брать!

– Что было на этой земле в его время – он все знал. Такой уж он был, все хотел знать, все постигнуть. Если бы школа была – он бы обязательно учился, не обошел бы он школу стороной.

Замолчал Микуль, призадумался.

– Школа в большом селении, – продолжал отец после паузы. – А селение на твоей родной земле, а землю надо хорошо знать... Хорошо в школе учишь. Скажут считать – считай: один, два, три... Учишь, теперь все дети охотников учатся. Учишь и всегда о родившей тебя земле думай...

ПО НАСТУ

Микуль бесшумно мчался по насту. На полянках луч солнца на мгновение ловил его радостное веснушчатое лицо и всю проворную ладную фигурку. За ним едва поспевал неуклюжий круглолицый Егорушка из рода оленивода лесотундры. В тайге ему все было внове, но смелость и уверенность Микуля передавались и ему, рядом с другом он чувствовал себя отважным и смелым.

В эти благодатные весенние дни тайга властно манила ребят, и они, чуть забрезжит рассвет, тайком от всех поднимались и уходили из интерната.

Подражая опытным охотникам, мальчишки шли по тайге, прислушиваясь к весенним звукам. Изредка в первых лучах восходящего солнца где-то с шумом срывался с ветки и падал ледяной комок. Тогда Егорушка хватался за рукоятку ножа, висевшего сбоку в деревянных ножнах. Микуль с улыбкой объяснял другу звуки тайги, которых не надо пугаться, а просто надо знать. Они часами могли бродить по лесу, вслушиваясь в птичью переключку, разгадывать замысловатые письма на снегу, дышать смоляным настоем старого бора. В лесу не бывает мертвой тишины: в самую тихую погоду слышно, как перешептываются между собой кусты и ветки, как вздыхает древний дуплистый кедр.

Друзья шли к высокой гриве, что тянулась вдоль урия – глухого речного залива, который мятой подковой огибал поселок. Там в прошлое воскресенье они видели много бурундуков. Весной рано утром зверьки выходят из норок и доверчиво идут на свист. Микуль подражал бурундучьему свисту. На его свист прибегает сразу несколько зверьков. Ребята выскакивают из укрытия и бросаются за зверьками. Бурундучок

взбирается на дерево. Если он выбрал тонкую сосенку, то звероловы трясут дерево за ствол. Бурундучок падает и снова бросается в бегство, а ребята за ним.

На сосне бурундук по желтой коре не лазит – гладкая она. Он будет метаться по черной коре на нижней части ствола. Здесь и ловят его ребята петлей из прочной нитки.

Микуль и Егорушка уже четвертый год учатся и живут в школе-интернате. Ко всему привыкли, а без лесных зверюшек жить не могут. Чаще всего в живом уголке они держат бурундуков.

Колочий морозец освежал лицо, горячил щеки и руки. Дышалось легко и свободно. Солнце розово-желтым полукругом выплыло из-за леса и золотило верхушки сосен.

Тайга дышала резкой утренней свежестью. Такая свежесть бывает в тайге только ранней весной. Друзья тихо пробирались вдоль берега реки. Микуль неожиданно остановился, поманил рукой отставшего друга, раздвигая руками кусты, шепнул:

– Иди сюда! Лэйла¹¹!..

И тут Егорушка, ухватившийся за рукоятку ножа, увидел такое, чему не сразу поверил. Среди кустов на проталине, под огромной сосной, лежал коричневый лосенок. Две пары удивленных глаз рассматривали беспомощное существо. А тот спокойно дремал, шевеля во сне торчащими на маленькой головке естественно большими ушами.

Мальчишки замерли на месте.

– Живой... лосенок! – наконец прошептал непослушными от волнения губами Егорушка.

Друзья сделали шаг. Но лосиха сердито фыркнула и мотнула головой. Шерсть на холке нервно задвигалась. Она вплотную подошла к лосенку. Глаза ее прон-

¹¹ Лэйла – смотри.

зили ребят. А те ее не замечали. Они ничего не видели, кроме маленького лосенка.

Наконец лосиха опустила тяжелую голову и начала лизать наст, а затем влажными губами сорвала с ветки лишайник. Друзья, молча переглянувшись, стали медленно отступать в кусты. Потом повернулись и, не сговариваясь, помчались в сторону поселка. Перевели дух лишь на окраине селения, возле школьной конюшни.

– Есть она хочет! – уверенно заговорил Егорушка. – Давай отнесем ей сена, а?!

– Сена?! – переспросил Микуль. – Я думаю, надо им осиновых веток. Они кору осиновую любят.

– Можно и осину, и сено!

– Давай так: я наломаю веток, а ты сено возьмешь. Только быстро!..

– Да я мигом! – весело откликнулся Егорушка.

Вскоре ребята вернулись на полянку к лосям, положили осиновые ветки и охапку сена на снег и отступили в кусты. Лосиха подошла к веткам, обнюхала их и уставилась на ребят. Запах корма, видимо, дразнил ее, а инстинкт подсказал, что ребята ничего плохого им не сделают, – и она начала есть.

Друзья сидели под кустом и как зачарованные смотрели на маленького лосенка и его мать. Запасливый Егорушка достал из-за пазухи краюху хлеба, разломил ее пополам и один кусок отдал другу.

Только они принялись за завтрак, как лосиха вдруг насторожилась. Она бросила корм. Большие уши поднялись и замерли. Немигающие глаза смотрели на ближайший от мальчиков куст. Друзья повернули головы и... совсем рядом увидели человека с ружьем. Руки поднимали к плечу двустволку. В тишине необычно громко щелкнули курки. Черные стволы выискивают самое уязвимое место – нижнюю часть левой лопатки. Корявый толстый палец нащупал спусковой

крючок. Мгновение – и безжизненное тело таежной красавицы рухнет на твердый апрельский наст.

– Стой!.. – в голос взвизгнули мальчишки. – Это наш!.. Наш!

Ружье в руках опешившего браконьера вздрогнуло и медленно опустилось. Он злобно глянул на ребят и процедил сквозь зубы:

– У-у-у, гаденьши!

Потоптался еще немного, потом закинул ружейный ремень за плечо, резко повернулся и скрылся в кустах.

– Кто это был? – спросил пришедший в себя Егорушка. – Я только ружье видел, не успел на него глянуть...

– Кирюха, – ответил Микуль. – Я его сразу узнал!

В интернат ребята вернулись поздно вечером и улеглись в кровати сразу же, как только воспитательница Нина Ивановна объявила отбой. Но заснуть не смогли. Когда все успокоились и стало тихо, Микуль встал и шепотом спросил друга:

– Не спишь?

– Нет, – ответил Егорушка. – Какой тут сон!

– Как ты думаешь, он больше не придет?

– Кирюха-то? Кто знает?

– Пойдем.

Друзья тихонько оделись в темноте, босиком вышли в коридор и бесшумно проскользнули мимо дремавшей ночной сторожихи. Обулись на крыльце.

Короткая весенняя ночь светла и тепла. Тайга в сумерках особенно таинственна: полумрак мохнатым покрывалом окутал деревья и кусты. Боровые сосны казались застывшими богатырями.

Вот и чернотелая косматая сосна, окруженная стайкой мелких кустов. Стараясь не шуметь, друзья замедлили шаг. Но когда приблизились к заветному дереву – увидели в полумраке широко утоптаный снег да под сосной на проталинке коричневые шерстинки.

Найдя на краю поляны лосиные следы, Микуль обнаружил на плотном насте глубокие ямки от острых копыт лосенка.

– Ушли!.. – вздохнул Егорушка.

Как будто ушедшие лосиха с лосенком могли услышать, друзья закричали в голос:

– Приходите еще!..

И темный весенний лес повторил:

– Еще-о-о!..

Глава вторая ДОМА НА КАНИКУЛАХ

– Почему зима такая длинная, а лето такое короткое? – вслух думает Микуль.

– Я про это легенду слышал, – сказал отец. – Предки наши рассказывали. И Стреляющий Глухарей рассказывал... В давние-давние времена здесь стояло вечное лето. Много света и тепла было. И было много птиц: зеленых, голубых, розовых, белых. Взмахом крыльев они солнечное тепло и солнечную ласку притягивали. И само солнце притягивали. Но однажды пришел человек с черным сердцем и птичьи гнезда разорил. Птицы на человека обиделись, в далекие края улетели и с собой солнечное тепло и солнечную ласку унесли. И тогда пришла бесконечная ночь, и снежная зима пришла, и жестокий холод пришел. И стало человеку и холодно, и голодно, и жутко.

– А потом что? Что же потом?

– А потом... птицы пожалели человека и ему тепло на короткое время стали приносить, чтобы его отогреть, чтобы его суровую югорскую землю обновить. Так передавал мне легенду Стреляющий Глухарей.

ЖУРАВЛИ

В теплый весенний день по узкой тропке, что вела к речонке Еганишке, спешили трое мальчишек. Впереди старшекласник Пенчо. Дома у него настоящее охотничье ружье есть. Микуль и Егорушка завидовали ему, но старались не показывать этого. Пенчо ни минуты не мог молчать, все время рассказывал какие-то небылицы, что-то придумывал.

– В прошлом году я медвежонок поймал! – рассказывал он, оглядываясь на друзей. – Он был маленький такой, а потом вырос и стал вот так-ким! Громадным, как... пень столетнего кедра. Ну, глянь-те! – И он разводил руки и показывал, каким стал медвежонок.

– За одно лето таким стал? – сомневался Микуль. – Такое не бывает!

– Отец, наверное, поймал, – не поверил и Егорушка. – Медведь сильный – в стаде любого оленя свалит! – со знанием дела заключил сын оленевода.

– Буду я врать! – презрительно усмехнулся Пенчо. – Со мной еще не такое приключалось. Рассказать – так ахнешь!..

Через минуту он уже болтал о чем-то другом.

А Микуль больше молчал. Он считал, что в тайге должны разговаривать деревья и травы, мхи и воды. А люди должны слушать.

Деревня скрылась за порыжевшими ветвистыми сосенками. Вышли на берег Еганишки, остановились на небольшой проталине с молодыми березками. Пенчо постучал по стволу березы и вытащил нож. Все приготовились полакомиться березовым соком, но напрасно: сока не было, дерево получило еще мало тепла, не проснулось.

Вдруг над головой раздалось приветливое и радостное: кур-лы, кур-лы-ы, кур-лы-ы-ы!

По-пад Еганишкой низко-низко летели три журавля. Пенчо сложил ладони рупором и издал протяжное и зовущее: кур-лы, кур-лы-ы!..

Журавли услышали зов. Плавно, с достоинством описали над ребятами круг и, не обнаружив среди кочек своих сородичей, опустились на край соседнего болота, чтобы отдохнуть и поесть прошлогодней клюквы. Мальчишки стремглав понеслись в ту сторону. Проваливаясь в ямки между кочками, наполняя талой водой изношенные сапоги, они мчались за журавлями.

Птицы стояли у маленького круглого озера и подбирали клюкву.

– Стой! – скомандовал Пенчо. – За кусты! Прячьтесь!

Молча смотрели на журавлей. Смотрели, как они вышагивают на высоких ногах, наклоняются за ягодами, оглядываются вокруг, словно выискивают знакомые кочки и болотца, где садились в прошлом году.

– Снимай рубашку! – приказал Пенчо, повернувшись к Егорушке. – Давай быстрее!

Он срезал кривую ветку сосны, торопливо обмотал ее серой рубашкой. А на длинную жердь привязал нож – получилась пика. Натянул на себя серое пальто, к голове приставил сучок сосны и, изогнувшись как журавль, двинулся к птицам. Издали он все-таки смахивал на журавля.

Ребятам он велел притаиться за кочкой. И те молча наблюдали за ним. А птицы спокойно прогуливались по болоту. Пенчо подходил все ближе и ближе...

Тут Микуль вспомнил легенду о том, что весну на эту землю приносят перелетные птицы. Эта земля – их родина. Не надо без нужды убивать птиц.

Ведь они могли бы не летать сюда, им хорошо и в теплых краях. А они вот летят, чтобы людям хорошо было.

Вспомнил Микуль легенду, и показалось ему, что Пенчо хочет весну убить.

– Вернись! – закричал он и бросился за Пенчо.

– Уйди прочь! Пенчо толкнул Микуля в грудь.

Тот, падая на мшистую кочку, успел схватить противника за ногу. Оба скатились в бурю мокрую кашицу болота.

«Кур-лы-ы!» – услышал Микуль и повернул лицо.

В далеком безоблачном небе плыли журавли. Микуль забыл о своем разбитом носе и о холодной лужице, куда упал. Его лицо озарила улыбка: вестников весны не убили. Журавли живы, и весна жива.

Глава третья У ОЗЕРА ХОЛОДНОЙ ВОДЫ

– В давние времена здесь водились волки, – рассказывал отец. – Я еще маленьким был, помню, ночью однажды на наше пастбище два волка приходили. Долго выли. Отца дома не было, мы с матерью вдвоем. Она не может меня одного оставить, чтобы пойти оленей проведать. Мать говорит, волки воют – это они у Торыма оленей выпрашивают. Если разрешит – то оленей больше не увидим. Говорит, волк зря оленей не трогает. Когда Торым разрешит – только тогда он домашнего оленя зарежет.

– И они напали на оленей?

– Нет. Мать утром пошла за оленями – все они на одном месте были, спокойно паслись. Волки мимо них, через все пастбище прошли, потоптались и в сторону болота ушли.

– А после не приходили?

– Нет, больше не приходили. Я не слышал, чтобы они где-то в этих краях появлялись. Сколько лет прошло после этого – не было их... Предки наши говорили, волк зря домашних оленей не трогает. И твой дед так же говорил... Только однажды вовсе необыкновенный случай вышел. Ты еще маленький был, в школу не ходил.

Но Микуль помнил тот случай.

КУТЮВИ

Лайка Кютюви таинственно исчезала и снова появлялась. Хозяйка ласково просила собаку не оставлять дом, гладила ее по голове, сытно кормила, но ничего не помогало. Приходило время – и Кютюви исчезала. Хозяйка ничего не могла понять. А потом Кютюви и вовсе удивила ее: стала воровать! Кютюви – воровка! Хозяйка никогда бы этому не поверила, если бы не увидела все собственными глазами. Сначала она заметила небольшой лаз в углу кул хотя¹². Подумала, что он просто прохудился, обломались ветки и осыпался снег с улицы. Но через день лаз заметно стал побольше, и будто по нему что-то волоком тащили. Она решила, что повадился какой-нибудь зверь. Может быть, песец. Песцы не боятся жилья. И когда с тундры их много приходит, они обычно заходят даже в кораль¹³ в надежде чем-либо поживиться. Она хотела поставить в лаз капкан и поймать зверя. Если песец – какая это удача! Но потом подумала: пусть этим делом займется муж, ведь он большой мастер настораживать капкан. Муж вернулся через три дня, и она сказала, что кто-то

¹² Кул хот – «кул» – рыба, «хот» – дом. Конусообразный сарай из веток и жердей с круглым или квадратным основанием, зимнее хранилище для рыбы и мяса.

¹³ Кораль – у хантов: изгородь вокруг дома, куда загоняют оленей.

повадился в кул хот и таскает рыбу. Утром муж сходил туда и с улыбкой сказал:

– Это Кутюви!

– Что ты говоришь?!

– Кутюви таскает рыбу.

– Может быть, это песец?!

– Нет, не песец. В этом году песцов мало.

– Или росомаха. Ведь росомаха – большой пакостник! Это все знают.

– Что я – росомаху от Кутюви не отличу? – рассмеялся муж.

– Кутюви никогда не воровала! – убежденно заговорила хозяйка. – Что хочешь рядом с ней положи – без разрешения не возьмет. С голоду умрет – не возьмет.

– Поставь капкан – сама увидишь, кто рыбу ворует! – посоветовал муж и выдал свой главный аргумент: – На ветках в лазу я нашел шерсть Кутюви!

Хозяйка сбегала в кул хот и убедилась: на ветке клочок белой шерсти. Но почему Кутюви стала воровать рыбу? Вернувшись в дом, спросила у мужа:

– Для чего ей рыба? Разве она голодная?!

– У собак иногда бывает такое, – ответил муж. – Про запас пищу прячут. На черный день.

– В этом году она не такая, как в другие годы. Что-то с ней случилось. Может, стареет – вот и чудит.

– До старости ей еще далеко. Не очень старая она.

Днем, после отъезда мужа, хозяйка подозвала Кутюви к лазу и повела разговор:

– Ты зачем продырявила кул хот, а?! Ты зачем рыбу вороешь, а? Разве ты голодная? И не стыдно тебе, Кутюви? Не стыдно, а? Вижу – стыдно тебе! Стыдно!

Кутюви внимательно прислушивалась к голосу хозяйки, отведя в сторону умные всепонимающие глаза, и слабо помахивала хвостом.

– Смотри, больше не воруй, – выговаривала хозяйка. – Не позорь себя и меня, твою хозяйку. И хозяйка не позорь. Слышишь?! Ты ведь все понимаешь, все!

Хозяйка закрыла лаз сосновыми ветками, а с улицы закидала снегом. Нечего собаку к беспорядку приучать, пусть ест то, что ей дают, решила она. И с тревогой оглянувшись на свою любимицу, поспешила в дом.

И вспомнила она недавний случай.

В тот вечер муж вернулся домой с охоты на дальнем урочище, где пробыл более недели. И за ужином жена рассказала ему домашние новости. Дочка выучила несколько новых слов. Сын Микуль играл только на улице, в дом его невозможно было затащить. Олени не болеют, сами домой приходят каждое утро. С большого болота прилетали куропатки, целый день паслись возле корая.

– Одно плохо – Кутюви пропала, – сказала жена.

– Куда же? – спросил муж после паузы.

– Кто знает?! Отвязалась – и пропала. Мы думали, за тобой убежала.

– Ко мне не приходила.

– Жалко, – опять вздохнула жена. – Все понимала, только говорить не могла. А понимать – все понимала. Жалко, если в урман ушла¹⁴.

– Куда она могла убежать? – соображал хозяин. – Жилья вблизи нет. Люди далеко. Сколько здесь живем, к людям она никогда не убегала. Неужели и вправду в урман ушла?

– И такая послушная была! – вспоминала жена. – Что скажешь – все сделает. Скажешь «ложись» – ляжет. Скажешь «молчи» – молчит. Голос зря никогда не подавала. Только по делу лаяла.

¹⁴ «В урман уйти» – устойчивое словосочетание, означающее – погибнуть. Так говорят о домашних животных.

– Надо было все-таки вторую собаку завести. Все бы ей веселее было, – и хозяин тоже пожалел Кутюви: она хороша была на белку и глухаря. Шла и на выдру. Осенью без такой собаки как без рук.

Пужинав, легли спать. Жена все вздыхала и вспоминала Кутюви. Утром она сказала мужу:

– Может, поищешь?

– Где искать? Снег был. Буран был. Все следы занесло. – Помолчав немного, добавил в раздумье: – Да и ни к чему искать. Если жива – сама придет.

– Так-так: если жива – придет! – подтвердила жена. – Она свой дом любит.

Днем хозяин уехал на болотную реку проверить морды на окуней и щук. В последующие дни ездил на водораздел настораживать капканы на песка. Пришло славное время его любимой охоты – на подволоках скрадывал зверя по свежему следу, оставлял на звериных тропах силки и капканы. Теперь он целыми днями пропадал на болотах и в урочищах. Благо, места были отдаленные и зверья-птицы было достаточно. К северу начиналась ненецкая земля. Там он ни разу еще не встречал охотников. Так и жил с семьей в уединении. В поселок ездил только при большой нужде – по малоснежным болотам добирался за два дня. И то на резвых оленях и на легкой нарте. Из-за этой отдаленности сюда почти не заезжали охотники. Но ему нравилось здесь, и он не думал покидать эти места.

Однажды вечером жена радостно сказала охотнику:

– Кутюви вернулась.

– Вернулась так вернулась, – проговорил хозяин, думая о чем-то своем.

– Худая такая. И где только носилась?!

– Накормила?

– Накормила. А пришла когда, олени дома были. Так оленей напугала. Раньше олени не боялись ее.

А тут вскочили – и врассыпную! С чего бы это? Никак не пойму!

Они подошли к конуре. Кутюви выскочила навстречу им, взвизгнула и лизнула руку хозяйки, словно извинялась за долгое отсутствие. Но к утру вдруг встревожилась и начала повизгивать. Хозяин вышел и прикрикнул на нее – замолчала. А после его отъезда на охоту она завывала жалобно и тонко. И когда хозяйке невмоготу стало от ее воя, она отвязала собаку.

– Я отпустила тебя, но ты не убегай! – попросила женщина. – Слышишь, Кутюви, – не убегай!

С тех пор Кутюви не привязывали. Она не лезла туда, куда не разрешали хозяева. Днем лежала в конуре или сидела в сенках избушки. Когда хозяин проверял морды и привозил рыбу, она крутилась вокруг нарты до тех пор, пока не получала одну-две рыбы. Если хозяйка открывала кул хот, она делала то же самое – ждала рыбу. А когда маленький хозяин – Микуль – выходил на улицу поиграть, она бросалась к нему. И тот, тайком от родителей, давал ей солидные куски мяса и рыбы. А потом она снова продырявила кул хот. Теперь уже в другом углу. Хозяйка сказала об этом мужу. Тот промолчал в раздумье, словно разгадывая какую-то тайну, затем ответил:

– Одна собака нас не объест!

«Оставь ее в покое!» – поняла жена и уже не жаловалась на Кутюви – в покое так в покое. А Кутюви по-прежнему исчезала, появлялась, куда-то прятала все съедобное, что ей попадалось. Хозяева, занятые своими делами, теперь почти не обращали на нее внимания. Пришла весна, у нее всегда много забот.

На весновку решили переехать поближе к поселку на приток реки Аган. Встали рано утром и начали готовиться к касланию: выносили и укладывали вещи. Кутюви подходила то к одной, то к другой нарте. Обычно она всегда радовалась перекочевке, а сегодня будто

опечалилась. А перед самым отъездом Кутюви исчезла. Никто не заметил, куда она убежала. Кричали, звали ее – не пришла.

– Ладно, если захочет – догонит! Места ей знакомые! – сказал хозяин и тронул упряжку.

Неспешно проехали сосновый бор, миновали неширокое болото и спустились на озеро. Нарты были тяжелые, поэтому часто останавливались, чтобы олени могли отдышаться. После очередной остановки хозяин услышал крик жены:

– Стой, остановись!..

Он нехотя остановил упряжку – что там опять случилось.

– Смотри, Кутюви идет! – кричала жена. – И кого-то ведет.

Хозяин повернулся назад и прищурил зоркие глаза. Вслед за ними с берега на озеро спускалась Кутюви с тремя уже подростшими щенками. А за ними... Нет, не собака, сразу понял хозяин. По поджтому хвосту и ушам определил – светлый полярный волк. Ступал волк мягко и осторожно, словно шел по топкому болоту. Выйдя на открытое место, он остановился – настороженный и недоверчивый. Казалось, в любой миг он готов ринуться обратно. Кутюви оглянулась на него и тоже остановилась в нерешительности, затем присела на задние лапы. Только щенята беззаботно завоились возле матери – играли.

Все молча рассматривали друг друга – люди, Кутюви и волк. Было тихо. Было солнечно. Было тепло. Подтаивал снег.

До зверя было далеко, и хозяйка не сразу поняла, что это волк. Наконец она удивленно прошептала:

– Смотри, Микуль, это Кутюви и... Высоконогий¹⁵!.. Я уж думала, Кутюви совсем из ума выжила!..

¹⁵ Высоконогий – так в разговоре обычно называют волка.

Когда упряжки тронулись, муж оглянулся и увидел, как Кутюви встала и пошла с щенятами за нартами. А за ними, все еще недоверчиво, тронулся полярный волк. «Ему, наверное, в тундре тяжело без людей, – подумал хозяин о волке. – Одному тоскливо стало, не выдержал – вот и пришел к человеку».

Волк мелкой рысцой трусил вслед за караваном.

– А он оленей не напугает?! – встревожилась жена.

– Оленей? – наконец переспросил муж. – Не должен напугать. Это теперь домашний волк.

В долгие зимние вечера, вернувшись с охоты и поужинав, отец иногда вспоминал эту историю. Микуль слушал, смотрел на веселые языки пламени в чумале. И ему уже казалось, что не пурга завывает за стенами старого зимовья, а одинокий полярный волк, которому нелегко в тундре без людей.

И, должно быть, всему живому нелегко в снегах без теплого человеческого дыхания, без человеческих троп и дорог.

Глава четвертая НА ЯГЕЛЬНИКАХ ВОНТЪЕГАНА

– Медведь всегда охотника предупреждает, – говорил отец Микулю. – Если вздумает напасть. Охотник однажды возле реки заночевал. От комаров полог натянул и тут же заснул. А разбудила его вода – сверху капает. Удивился – откуда вода?! Видно, через полог – раннее утро, солнце взошло. Ни облаков, ни дождя. Тут слышит – шаги, кто-то идет. Сразу спящим притворился, похрапывает себе. А вполглаза видит: медведь подошел – и полную пасть воды на полог. И снова к реке.

– Додумался – водой будить! – удивился Микуль. – Мог ведь и прихлопнуть сонного человека!

– Однако такой грех не взял на свою душу, – вставил отец. – Разбудил охотника. Бывает, раненый или в злобе бросается к человеку. На испуг хочет взять. Вот тут на уши надо смотреть. Если они прижаты к голове, не видно их – значит, наложит лапу на человека, надейся только на свою силу и умение. Если уши видны, торчат в стороны – не тронет человека, уйдет по-доброму. Стреляющий Глухарей, бывало, так говорил: посмотри внимательно на медведя – сразу поймешь, что у него на уме: хорошее ли, плохое ли. Он ничего от человека не скрывает. Доверять надо ему.

НА ПАСТБИЩЕ

Прошлым летом Демьян крепко обругал медведя. Уж очень разозлился. Ведь надо же придумать такое – целый мешок муки пустил по ветру. Ладно бы, если слопал. Можно понять – голод что угодно заставит сделать. А то ведь явно из озорства напакостил. Кочевали со стадом по болоту. На старой стоянке Демьян оставил нарту-ларь для продуктов и мешок муки. Через день поехал за ними и вскоре вернулся угрюмый и злой. Подошли пастухи узнать, что случилось. Оказалось, на становье набрел медведь и вспорол уголок мешка с мукой. Видно, понадеялся найти лакомство, но мука явно пришлась ему не по вкусу. И разочарованный зверь рассыпал всю муку по становью – то тут, то там. Носился с мешком до тех пор, пока сыпалась мука. Затем выкинул пустой мешок в лужу и поплелся по своим делам.

Подивились пастухи его озорству.

– Мых пыкем, такой-сякой! Там бы сидел – так я бы его проучил! – ругался Демьян. – Запомнил бы навеки, так бы его проучил!

– Наверно, лепешки собирался испечь! – сказал кто-то из пастухов. – Печку ему надо было еще оставить.

– Я бы ему такую лепешку испек – навсегда отбил бы охоту к хлебному! – не мог успокоиться Демьян. – Я бы ему!..

– Не голодный был, однако, – сказал отец Микуля. – Это он озорство свое показал.

– Когда-нибудь он попадется мне на глаза! Попадется – тогда сочтемся за муку! – не унимался пастух. – Слышишь, косолапый вор! Слышишь, косолапый пакостник! Попадись мне на глаза! Я косые твои лапы поправлю мигом – чтобы знал, что ими можно трогать, а что нельзя.

– Зачем его так? Поругал и хватит, – испугалась жена Демьяна. – Услышит – добра тебе не видать.

Микуль впервые слышал, как ругают хозяина тайги, самого сильного и умного зверя. Все грехи посыпались на него. И Микуль спросил у отца, разве можно так о медведе. Отец немного помолчал и ответил, что Демьян – взрослый человек: говорит – значит, понимает тяжесть своих слов. Каждый берет на себя то, что ему под силу. Но Демьян, кажется, немного перебрал. Ведь медведь-то взял у него не последний кусок хлеба. Не последний...

А Демьян все не мог остановиться, разошелся вовсю:

– Где ты, пакостник такой-сякой?! Слышишь меня?! Черта ты услышишь!

Медведь и вправду не услышал Демьяна и на глаза ему не попадался. Не попадался в июле, когда пасли стадо на болотах. Не попадался в августе, когда перекаслали в сосновый бор и пустили оленей на жировку. Не попадался и в сентябре, когда Демьян с карабином за плечом обходил пастбища. Не попадался, как в воду канул. А затем Демьян и вовсе забыл о медведе.

Не думал о нем и сейчас, возвращаясь с объезда пастбища на четырех быках. Голова была занята другим. Низенький и плотный, он крепко сидел на нарте, чуть наклонившись вперед. И, сощурившись от скромного осеннего солнца, укладывал в цепкой памяти все, что видел: где и сколько приблизительно оленей пасется, куда ведут следы, сколько оленей болеет, где их следует искать по первому снегу. Его черные быстрые глаза схватывали все сразу: и болото слева, и желто-светлую полосу яра справа, под которым течет река Ампута, и песчаную нитку дороги, что убегает вдаль по узкому сосновому бору, и темные спины четырех быков, что легко тянули нарту по опавшей хвое и шишкам.

И тут – Демьян вздрогнул от неожиданности – медведь из-под яра.

Бурый медведь семенил вперевалку, не спеша. Демьян понял, что тот еще не увидел человека и упряжку оленей. И рванул вожжу на себя – четыре быка подошли к нему вплотную. Теперь он не видел медведя – его закрыли собой олени. Но Демьян почувствовал, что зверь увидел оленей и сейчас мчится прямо на них. Времени оставалось совсем немного. И Демьян яростно стал наматывать на правую руку вожжу, чтобы удержать быков, когда они рванутся.

Раз мотнул. Другой мотнул.

И мысль его понеслась в глубь прожитого им времени, обгоняя движения мечущихся рук.

Удержать оленей. Девять лет пасет колхозное стадо. Всяко приходилось, но черной осенью ни разу не упустил упряжку. Ни разу. Олень зацепится ремнем за дерево и, если не найдешь его, погибнет. По черной земле где его искать? Нет следа. Выпадет первый снег – тогда другое дело. Но до снега еще недели две, если не больше. Четыре здоровых ездовых быка – это слишком много. Рыбакам-охотникам и так не хватает оле-

ней. А через полмесяца они приедут... Снег бы побыстрей! Но и по снегу всяко бывает. Повезет – отыщешь! Не повезет – и следов не увидишь. Но лучше удержать! Удержать, удержать!..

Трижды мотнул. Медведь набирает скорость.

Вспомнил, как в детстве впервые увидел медведя. С отцом плыли по таежной реке. Медведь собирал черемуху. Запомнился почему-то ярко-желто-бурым. Такого ярко-желтого медведя больше никогда не видел. Он стоял на задних лапах и показался очень высоким и большим. Но мальчик не испугался – отец был спокоен. А медведь оглянулся на обласок и, будто нехотя, недовольный тем, что прервали ужин, скрылся в кустах. После, уже став охотником, Демьян не однажды встречался с медведем. Сам низводил четырех зверей. Робости в себе не чувствовал. Но, увидев медведя, всегда вздрагивал. Вздрагивал в первое мгновение. Потом начинал делать то, что нужно было. Он уважал медведя и ладил с ним. Все говорили, что характеры у них одинаково вспльчивые. Медведь быстро выходил из себя. И он – тоже. А в гневе самыми последними словами крыл медведя, если тот шкодил ему или оленям. Аж бывалым охотникам становилось не по себе.

Четвертый виток. Медведь разогнался вовсю.

Пятый виток. Шестой. Медведь мчался в мшистом вихре.

Утром Демьян спешил – надо за день объехать несколько боров и болот. Запряг оленей и сразу тронулся в путь. Уже отъехав, обнаружил, что нет ни ружья, ни карабина. Но возвращаться не стал: авось не пригодится. Теперь уже нечего жалеть об этом. Если бы даже было ружье, все равно оно сейчас ни к чему – то ли за ружье хвататься, то ли за вожжу. Возьмешь ружье – оленей надо бросить, не удержать их. Может быть, и хорошо, что ружья нет. Иногда без ружья лучше.

Седьмой виток. Медведь пылит во всю мочь.

Конец вожжи попал под левый полоз нарты. Демьян яростно дернул раз, другой. Наконец выдернул вожжу. Руки заметались еще быстрее.

Восьмой виток. Медведь все ближе, ближе.

Неужели не удержать?! Нет, намотал крепко – разве что с рукой оторвут?! А силы много в четырех быках, что запрягают в черную осень, когда нарта ходит по песку и хвое. Быки приучены к тяжелой нарте. Если рванутся – только чудом можно удержать. Но, может, медведь свернет в сторону и не напугает оленей?! Кто знает, что у него в голове. То ли свернет, то ли не свернет. Трудно удержать таких быков! Один вожак Высокий Рог чего стоит?! Рослый и плотный, силы у него – что у лошади. Это главный вожак Демьяна. У каждого пастуха по одному главному вожаку. Особой резвостью не отличается, но у него сила и хороший ход по глубокому снегу. В бездорожье он никогда не останавливается и не ложится. Демьян обучил его нарте пять лет назад, а в позапрошлом году сделал его главным вожаком и очень ценил и уважал за спокойный характер. И, кажется, впервые сила вожака обойдется ему боком!..

Девятый виток. Медведь все ближе и ближе.

Забеспокоились олени – переступают с ноги на ногу, подняли уши, оглядываются. Только второй в упряжке, рядом с вожаком, бык Ворон еще ничего, кажется, не подозревал. Он наклонил голову и хватал кусочки ягеля. Видно, проголодался и поэтому решил, что остановили для кормежки.

Десятый виток. Медведь где-то совсем рядом.

Демьян оглянулся в ту сторону – ничего не увидел. Олени полукругом закрыли его от зверя. Они тоже не видели еще медведя, тот был позади них. Но они почувствовали приближение опасности. Третий бык,

Вондыр, и крайний справа, Торых¹⁶, рванулись вверх – встали на дыбы. И гулко ударили копытами по остывающей земле.

Еще виток. Медведь где-то тут.

Демьяну показалось, что он уже слышит тяжелое дыхание зверя. Не видит его, но дыхание слышит. Вожак расширил лиловый глаз. И в этом огромном глазу, видел Демьян, мелькнул маленький человек с откинутым капюшоном малицы. Мелькнули черные усы, копна черных волос и бледное тонкое лицо. Все мелькнуло и пропало. И в то же мгновение бешено рванулись вверх правые Вондыр и Торых. Затем рванулись Высокий Рог и Ворон. Они рванулись вразнобой. Сначала правые, потом левые. Поэтому Демьян удержал их.

Еще виток.

Олени опять рванулись. И опять вразнобой. Сдавленная вожжой, рука тупо заныла, затем онемела и будто омертвела вдруг.

Не успел сделать виток. Упряжка метнулась влево – обошла Демьяна. За оленями нарта круганулась во круг пня. И Демьян столкнулся с медведем. Рост в рост. Лицо в лицо¹⁷. Медведь стоял на задних лапах. Их разделяла только нарта.

Тут олени рванулись враз. Вожжа лопнула, и быки с нартой полетели прочь.

Человек и медведь. Теперь ничто их не разделяло.

Рост в рост. Лицо в лицо. Глаза в глаза...

Медведь смрадно выдохнул – выдох пронзил Демьяна с волос до пяток... Медведь упал на передние лапы и рванул прочь. Упряжка в одну сторону, медведь – в другую.

¹⁶ Вондыр и Торых – Выдра и Журавль. Всем оленям обычно дают имена.

¹⁷ Охотники-ханты считают, что у медведя не морда, а лицо, как у человека.

Наконец Демьян вдохнул воздух. Медленно оживали глаза. Медленно оживало сердце. И разум возвращался не сразу.

Глаза видели: невдалеке нарта наскочила на сосну – лопнул упряжный тяж, и нарта осталась. Быки четвериком летели прочь. Затем они обошли дерево с разных сторон, порвался еще один ремень, и теперь неслись они парами – левые вместе и правые вместе.

Умчались олени.

Умчался медведь.

Демьян медленно и бездумно переступал с ноги на ногу. Затем ноги повели его к нарте. Покачивалась земля. Покачивались сосны. В голове не было ни одной мысли. Глаза бездумно натыкались на плавающие в тумане деревья и кусты. Левая рука нашла омертвевшую правую и машинально стала разматывать вожжу.

Один виток. Второй.

Вот идут куда-то сосны. Плышет пень. Ползет валежина.

Третий виток.

Куст багульника бежит от болота к реке.

Четвертый виток.

Нарта обходит сосну, катится куда-то без оленей, сама собой.

Пятый виток.

Все качается. Все куда-то плывет.

Рука размотала вожжу и бросила. Глаза наткнулись на аркан, что лежал на нарте. В голове, видно, родилась первая слабая мысль: «Аркан нужен». Рука взяла аркан, а ноги понесли его в сторону дома.

По-прежнему покачивалась земля. Покачивались боровые сосны.

На другой день пастухи приехали на яр, где Демьян оставил нарту. На подмерзшем ягеле все хорошо было

видно: и следы полозьев, и следы четырех оленей, и следы человека.

Только возле пня, вокруг которого проехала нарта, не нашли медвежьих следов. В стороне есть следы, а возле пня нет.

– Наверно, на полозе нарты стоял, – предположил отец Микуля. – Видно, прокатиться решил. Не в воздухе же висел?!

– Точно, на одной нарте вы проехали, Демьян! – заулыбались пастухи. – На одной нарте с медведем!

В тот же день разыскали и поймали трех быков с лямками. Четвертого, Торыха, заарканили по первому снегу. Все выжили. Только аркан нигде не мог найти Демьян: и домой не принес, и на нарте его нет.

– Одно хорошо помню: взял аркан! – говорил Демьян. – Точно помню: взял! А вот где он – не знаю! И куда дел?!

У Микуля этот случай не выходил из головы. И он как-то спросил у отца, когда тот приехал домой:

– Почему медведь так напугал Демьяна? Может, потому, что тот поругал медведя летом? Крепко ведь поругал.

– Не думаю. Вряд ли из-за этого. Демьян сам виноват: ввел медведя в заблуждение! – объяснил отец. – Медведь вышел из-под яра, смотрит – олени стоят. Помчался к ним. А Демьян-то маленького роста, не видно его из-за оленей. Он там стоит, знай себе наматывает вожжу на руку. Лишь когда олени отскочили и рванулись вокруг пня – медведь столкнулся лицом к лицу с человеком. Медведь, видно, тоже крепко напугался – не ожидал увидеть человека. А потом опомнился первый и кинулся прочь... Не было у него в голове плохой мысли. Это человек ввел его в заблуждение. Ему надо было покричать медведю, показать надо

было, что эти олени – с человеком. Медведь сразу бы ушел своей дорогой. Не надо вводить зверей в заблуждение.

Глава пятая В ПЕРВЫЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ СЕЗОН

– Наш род издалека идет, – ответил на вопрос Микуля отец. Родоначальник нашего рода водяной зверь – махи¹⁸. Мы из рода махи – твои родственники, братья и сестры, дядья и тети. Вот у Лейковых другая фамилия, а все равно наши родственники. Потому что они тоже из рода махи.

– А я думал, мы из рода какого-нибудь большого зверя, – разочарованно признался Микуль. – А что махи?! В школе на картинке видел – совсем маленький зверь. И в наших краях его совсем нет. Одно только имя сохранилось – махи.

– Верно, зверь не крупный и в наших краях его давно нет. Но он был когда-то здесь самым сильным зверем, самым ценным зверем. Их тут много водилось. Об этом говорил и мой отец Стреляющий Глухарей. Но потом, еще во времена белого царя, люди побили всех махов. Побили, потому что у них были самые дорогие шубки. Вот и не стало маха. Стреляющий Глухарей говорил, что, когда люди станут добрее, махи понемногу начнут возвращаться на свои старые места на таежных реках. Ты еще увидишь их.

У ОСЕННЕЙ ВОДЫ

Вода на озере была тихой и печальной. По ней проносились лучи солнца и плыли осенние облака. Они набегали на медведя – и тот становился еще темнее.

¹⁸ Махи – бобр.

Голова его у самой воды. Но озеро было спокойным, и вода не тревожила сон зверя.

Микуль подгрел поближе – медведь даже не шелохнулся. Что же с ним случилось, соображал Микуль. Может быть, кто упустил раненого зверя. Но в окрестностях, он знал это, никто не стрелял в медведя. Может, стреляли из вертолета? Но в последние дни в этой стороне не слышно было вертолетов. Что же случилось с медведем?! Он еще ни разу не слышал, чтобы медведь просто так умер от старости или болезни и кто-то находил его мертвого, погибшего своей смертью. Не рассказывал об этом и отец. И дед, Стреляющий Глухарей, по слухам, никогда не видел такого. В тайге так просто ничего не случается.

Микуль причалил обласок и вышел на берег. Он постоял в раздумье над зверем и двинулся по медвежьему следу, что привел его в приречный осинник. Сначала примятый багульник, расцарапанные кочки, вывернутый болотный мох. Затем поляна в осиннике, полуманья кусты и ветви. След лосихи. Копыта ее глубоко вонзались в плотную урманную глину – значит, неслась галопом, во весь дух. Вот тут и побывал медведь.

Микуль шел по следу и увидел все, что случилось здесь...

...Лосиха паслась в осиннике. Она лакомилась корой молодых осинков. И тут на нее наткнулся медведь-охотник. Он бесшумно подкрался и рванулся к ней. И уже встал на задние лапы, и уже сверху падал на свою жертву – но тут лосиха метнулась в сторону. И он, падая, лишь одной лапой задел лосиху. В когтях остались клоч шерсти и капли теплой крови. Передние лапы больно шмякнулись о глину. Медведь быстро повернулся и помчался за лосихой. Но тут на поляну выскочил навстречу ему тяжелорогий самец и протрубил свой боевой клич.

Медведь резко остановился: мчался за безрогой лосихой, а вместо нее – свирепый самец-рогач. Он сразу понял, что с рогачом ему в эту пору не совладать. Особенно спереди. Но отступить было поздно. Медведь слишком сильно разогнался и упустил мгновение, когда перед самыми рогами можно было сделать скачок вправо и напасть сбоку. Понял это, когда из-под лап ушла земля. Не было земли. Не было неба. Не было солнца. Ничего не было, словно на мгновение ослеп. И когда обрел землю – напружинил задние лапы и резко оттолкнулся. Оторвался от рогов, перекувыркнулся через спину и помчался. Поединок окончен – теперь можно мчаться прочь... Но обмякли лапы, и его стало покачивать из стороны в сторону. Пробежал еще немного и перешел на шаг. Потом остановился и припал к дереву. Дерево это почему-то не стояло на месте, а ходило влево-вправо, вперед-назад. И его водило за деревом влево-вправо, вперед-назад. И кусты перед глазами тоже качались и ходили. Он закрыл глаза и опустил отяжелевшую голову. В ушах глухо шумело.

Постояв немного, он открыл глаза и, когда деревья и кусты обрели ясные очертания, на слабейших лапах побрел в чашу. Тепло его тонкой струйкой уходило в таежную землю. Сначала струйкой, а затем каплями уходило оттуда, где побывали рога сохатого. И, пошатываясь, он оставлял на холодных листьях красные капли своего тепла.

В зарослях он остановился между двумя кочками, медленно и тяжело сел, вытянув задние лапы, и сталлизывать раны. Делал он это старательно и долго и наконец остановил уходящее тепло. Чуть полегчало. Тогда он положил голову на кочку и впал в забытье. Но вскоре очнулся – теперь жгло ниже груди. Он отполз на ровное место и лег животом вниз на остывающую

землю тайги. И земля приятным холодком остудила раны, и будто опять стало немного легче.

Не впервые он получил раны. И боль ему знакома. Но случись это еще зим пять-шесть назад, он нашел бы целебные корни и травы, которых в тайге множество, и отлежался бы в сумрачной чашобе. В молодости его тело быстро залечивало все раны. Но сейчас он старик, и осень слишком близка. И забот немало – отыскать место для берлоги, выкопать берлогу, застелить ее полы сухими мхами-травами. И нужно успеть залечить все раны. С болью в теле ни он, ни другой из его рода никогда не ложился в берлогу на долгую зимовку. Успеет ли старик?! Если не успеет – его ждет бездомное шатание по заснеженной тайге. Облечение и злоба. К чему все это старику?! Он никогда не держал злобу на людей и тайгу, на землю и небо. К чему все это старику?!

Он лежал и чувствовал, как жизнь из него уходила в остывающую землю. Он лежал неподвижно, и было ему покойно и хорошо оттого, что жизнь его возвращалась в ту землю, что родила и вскормила его. Он как бы уходил – и снова возвращался обратно. В одно и то же время и уходил, и возвращался. Поэтому лежал он покойно и неподвижно. Он лежал и ждал, когда жизнь его до последней капли уйдет в землю тайги и снова вернется в тайгу. Сколько лежал зверь – Микуль не знал.

Очнувшись от жгучей жажды. Приподнял голову – где напиться? Слева была река, справа озеро. Река ближе, но там берег крутой и вода мутная, илистая. А в озере осенняя вода – прозрачно-чистая и холодная. Озеро-друг не однажды дарило ему осеннюю свежесть и доброту.

Он встал и, пошатываясь, не разбирая дороги, напролом двинулся к озеру. Он слабел и падал. Но вновь

поднимался и шел. Он знал, что не отдаст свое последнее тепло, пока не доберется до осенней воды озера. Он цеплялся за кусты, прислонялся к стволам деревьев, рвал когтями болотные мхи – но шел вперед.

Осенняя вода встретила его тихой и светлой печалью.

Он долго лежал и смотрел на задумчивое и доброе лицо друга-озера. Затем попытался отползти немного назад – и подвернул под себя правую переднюю лапу. Он не стал ее освобождать – осенняя вода принесла ему покой, и уже ничего не хотелось тревожить в этом мире. Он лежал неподвижно и чувствовал, как замедляется дыхание и уходит жизнь из него. Он теперь уже не противился этому – пришло время.

Микуль медленно шел по следу. И в уши все еще врывались отзвучавшие звуки. И в нос били улетающие запахи. А ниже груди нарождалась боль, словно там побывали рога сохатого. И пришла жажда, и потянуло к озеру – к осенней воде.

Он вернулся к медведю и остановился над ним. Ни один зверь с такими ранами не ушел бы так далеко от места поединка, подумал он. Только медведь способен на это.

Потом Микуль поправил неловко подвернутую лапу, чтобы удобнее было медведю-старика у осенней воды.

Глава шестая НА ОХОТЕ В УРМАНЕ

– Вот тут, по преданию, святое место раньше было, – отец повернул голову к высокому, крутому берегу реки. – На вершине этой горы когда-то боги жили. Дома у них тут стояли в незапамятные времена.

А после, старые люди говорят, на небо ушли, к Нум Торыму, а землю людям оставили, чтобы они места заповедные тут охраняли, деревья и травы без нужды не трогали. Без нужды дерево не рубили.

– А зверя и рыбу брать можно?

– Когда нужда заставит – можно. И в старину брали, когда совсем туго приходилось охотникам. Такие места на помощь человеку приходили: здесь зверь-птица потомство выводили, никто их не тревожил, отсюда они по всей тайге расходились. В тихих лесных озерах рыба икру метала, тоже свой род продолжала. Святые, заповедные места были. Люди их берегли.

НА СВЯТОМ БОРУ

Человек остановился у древней сосны.

Кора сосны выцвела и стала такой же светлой и чуть голубоватой, как ягель. На ее вершину и ветви-руки опирается огромное небо вселенной. А ночью там отдыхают усталые звезды и усталая Луна.

Более трех веков в жаркие летние дни солнце грело спину старой сосны. Грело и тянуло туда все соки и смолы, и кора стала красноватой, а древесина стала кремневой. Стала твердой как сталь. И если бы сосна стояла на другом бору и ее грели другие лучи солнца и омывали другие дожди, тогда, может быть, ее давно срубили бы на полоз нарты, куда идет только кремневая древесина. Может быть, срубил бы ее удачливый рыбак и выстругал надежное кремневое весло.

А возможно, охотник бы ее срубил на матицу зимовья или лабаза. Это могло бы случиться, если бы она выросла не на этом светлом бору, а где-то далеко отсюда. На этом же бору никто ее не тронет. На этом бору она неприкосновенна. Она будет возвышаться здесь много-много лет. А потом, когда не станет мочи стоять,

она осторожно уляжется на мягком ягеле светлого бора. Затем на нее вскарабкаются маленькие гибкие сосенки. И она медленно уйдет в землю живительным соком, чтобы потом родиться на свет новым бором.

Человек на шаг отступил от сосны.

Старшее поколение сосен еще не одряхлело и держалось потому, что среднее еще не набрало силу. Темнокудрые сосны только выпрямились, только раскинули ветви-руки в стороны, но еще не дотянулись до старших. Солнце не так щедро к ним, оно отдало мало тепла, и спины их еще не закремневели, и не выстоять им в сильный ураган без старших. Еще нужно расти, чтобы возмужать и набрать полную силу. Ведь после ухода старших им быть в ответе за эти земли и за эти воды...

Человека позвал рыже-зеленый молодой сосняк. И нашептывал ему сосняк, что уйдет все живое и... вернется все живое. Но уйти – легче! Вернуться – труднее! Вернется ли?!

Сосняк захватил ровную чистую поляну пять-шесть лет назад. Солнце щедро отдает ему свое тепло и заботливо тянет деревья ввысь. Дожди ласково омывают теплыми струями. Земля поит своими соками. А светлый бор неумолчно напевает свою дивную мелодию. Ведь без подрастающего сосняка немислимо будущее светло-звонкого бора.

Бор все зовет человека. И сказали ему сосны: уйдет поколение, но останется земля. Уйдет человек, но родится человек. И всегда будет человек. И у человека всегда будут земля и небо. И щемящая боль в груди стала медленно уходить...

В этом заповедном бору ничто не тревожит и не беспокоит крылатых птиц и некрылатых зверей. Они спокойно выводят свое потомство и затем разлетаются и разбегаются по всей таежной и нетаежной земле.

В приборовых реках-заливах и в озерах-ручьях непуганая рыба живет и нерестится, играет и кормится.

Стоит бор испокон века. И кажется, что все начиналось отсюда: и звери-птицы, и деревья-травы, и реки-заливы, и озера-ручьи. Но сначала был только этот светлый изумительный бор. Живой вздыхающий бор...

Светлый бор ведет человека, что-то ему нашептывает.

Сосны бора то ли сказку рассказывают, то ли песню напевают.

Ягель бора то ли песню напевает, то ли сказку рассказывает...

Ведь бор-то вздыхает, бор-то живой.

Послушайте...

*Ханты-Мансийск,
1981*

КРАСНАЯ НАРТА

Пьеса

Пролог

Вой тайги, свист ветра, отдаленный гул тайги. Из темноты с лучом света выезжает красная нарта с красным флагом. Проезжает, освещая заимку охотника, партизан.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Вдоль урманов и рек красная нарта с красным флагом идет!..

ВТОРОЙ ГОЛОС: Зачем в дебри таежные красная нарта ломится?! Зачем?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Она людям везет Красное Время. Новое Время!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Кому это новое Время?! Зачем оно, красное Время?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Новое время охотнику и рыбаку! Красное Время таежнику и оленеводу!

ВТОРОЙ ГОЛОС: А что же купцу?! А что же шаману?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Красная нарта и купца, и шамана прогонит!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Как без купца да шамана народ проживет?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Красное время народ от всякой беды спасет!

ВТОРОЙ ГОЛОС: *(зловеще)* Красная нарта в вековых сугробах тайги завязнет! В непроходимых урманов с пути собьется. В таежные реки-озера провалится! На крутых сопках-горах разобьется! В вековых сугробах тайги завязнет! Завязззнет!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: *(подхватывая окончание последнего слова)* Нет!.. Врешь – не завязнет!.. Вдоль урманов и рек красная нарта с красным флагом идет!

У красной нарты:

– Красное солнце!

– Светлое небо!

– Удачливые тропы – удачливые пути!

У красной нарты:

...Счастливые песни, счастливые сказки!

(торжествующе) Вдоль урманов и рек красная нарта с красным флагом идет!..

(После песни включаются все прожектора).

Действие первое

Охотничье зимовье. В переднем углу Аксинья в окружении туесков, игольниц, мешочков – шьет кисы. Возле нее, собрав из утиных носов длинный аргиш, играет Миколка. Захар занят ремонтом подволока.

ЗАХАР: Теперя все пурга, пурга... *(Покосился на потолочное окно)*. На кого небо разгневалось? Такого года не упомню. На охоту с собаками как пойдешь?

АКСИНЬЯ: Может, это хорошо? Старые охотники говорят, новый снег удачу приносит.

ЗАХАР: *(в раздумье)* Удачу-то, удачу. Так-то так. Но Нум Торыму не мешало бы и людей послушать. Чтоб охотника послушал. Чтобы рыбака послушал. Знал бы, чо от него таежные человеки хотят...

АКСИНЬЯ: *(сердито)* Жди-ка, услышит!.. Мои молитвы в год большого мора он услышал?! Помнишь – ему сколько молилась?! Услышал?! Всех ребятишек моих взял! Всех троих! В год один! В день один... Его сколько просила?! Слез моих сколько в землю упало! Тогда в тайге один человек все людские поклоны брал – Гаврил Паук! Вороном над зимовьями летал, добычу смотрел. Они с купцом самогонку хохотом закусывали, а мы лосиные копыта варили. Рыбьи кости толкали, чтобы ребятишки не померли.

ЗАХАР: Ладны, хватит...

МИКОЛА: Мама?! Ма-ма-а?!

ЗАХАР: *(жене)* Ребятишку не пугай...

АКСИНЬЯ: Иди, иди, маленький, играй.

МИКОЛА: *(радостно)* Мама, Харгур лает – гость! Я посмотрю, кто приехал?

АКСИНЬЯ: Иди, только теплую малицу надевай!
(Микола бросается к малице).

ЗАХАР: *(прислушиваясь)* Таперя не успеешь, Микола – быстрый гость, в сенях уже идет.

(В зимовье стремительно влетает молодой охотник Василий, брат Аксины).

ВАСИЛИЙ: Питя вола! Питя вола.

ЗАХАР: Питя вола!

АКСИНЬЯ: Питя вола!

ВАСИЛИЙ: Питя вола, маленький человек Микола!

МИКОЛА: Мама говорит, скоро я большой совсем стану!

ВАСИЛИЙ: Верно, Микола – Большое время пришло *(возбужденно)*. Слыхали, родичи, Большую новость?!

АКСИНЬЯ: *(настороженно)* Что случилось, Васи?! Какое горе, несчастье идет? Война?!

ВАСИЛИЙ: Сестра, не пугайся. По словам знающих людей, это хорошая новость. Белого царя скинули!

АКСИНЬЯ: *(удивленно)* Скинули?!

ЗАХАР: *(недоверчиво)* Как так?!

АКСИНЬЯ: *(все еще удивленно)* Откуда... Скинули?!

ВАСИЛИЙ: Где он всю жизнь спал, вот оттуда и скинули. Говорят, травой-мхом весь оброс. Страшный такой, у-ух!

АКСИНЬЯ: Его разбудили, значит. Подняли. А кинули куда?

ВАСИЛИЙ: К нам кинули. Говорят, в Тобольск-город везут. Там им сидеть место. Жить место. Вот какое время пришло! *(смеется)*

ЗАХАР: Куда твой смех, Васи?! Теперя кто вместо Белого царя-то править будет?! Скажи. На кого сидеть нам, таежным людям?! Таперя как без царя-то жить?!

ВАСИЛИЙ: Жить можно. Время Красного царя пришло. Мне говорили, это царь бедных людей. Царь охотников и рыбаков. На него теперь будем сидеть. Он станет править!

(Аксинья накрывает на стол, наливает брату чай. Тот садится к столу, ест, Аксины и Захар некоторое время молчат).

ЗАХАР: А его имя как?

ВАСИЛИЙ: Про кого ты?

ЗАХАР: Этого Красного царя. Белого знал – Миколой звали. А этого как?

ВАСИЛИЙ: *(озадаченно морщит лоб, потом воскликнул)* Вспомнил!.. Много в голове новостей – все спуталось! Вспомнил, имя его – Со-вет! Советская власть теперь вместо Белого царя!

ЗАХАР: *(сдержанно)* И какой он... этот... Сос... Совет? Советская власть? Видел – так скажи.

ВАСИЛИЙ: Совет и есть Красный царь. А в Совете не один есть человек, а много. В городе был. В Совет ходил. Он теперь главный. Своими глазами видел. Там больше бедные. Попа и купца к Совету не пустили. Вот

как там! А главным в Совете, председателем, – Арсений-старик. Теперь он заглавный в городе! Большой человек!

ЗАХАР: Это который мой Арсений-старик?

ВАСИЛИЙ: Тот. Тот Каторжник. Твой друг Арсений-старик, которого Белый царь из большого города прогнал.

АКСИНЬЯ: Ох, это он в Год Большого мора нас от смерти спасал! Только ребяташек не успел, а нас вот... Пусть он с удачей-здоровьем долго-долго живет! Хоть и не старый, а недаром люди к его имени мудрое слово «старик» приложили – Арсений-старик!

ВАСИЛИЙ: Видно, недаром. А над домом, где Совет и где Арсений-старик, красную материю повесили. Флагом называется.

АКСИНЬЯ: А что это такое? Для какого дела?

ВАСИЛИЙ: Арсений-старик так сказал: это значит, время белых кончилось, а теперь Время Красных пришло. Был век богатых, начался век бедных!

ЗАХАР: Таперя скажи: Время красных сколько будет жить? Надолго?

ВАСИЛИЙ: Арсений-старик сказал, навсегда. Такие его слова помню.

АКСИНЬЯ: Время крепкое, наверно?! Он напрасно слова на ветер не пустит.

ВАСИЛИЙ: Крепкое-крепкое. И красную материю, которая флагом называется, – не напрасно повесили. Так я думаю. Видел Гаврилу Паука, так ниже травы стал, ниже мха стал. Семенит, косится на красное – и дрожь его взяла. Тихий такой, но злой, как змея. Флаг бы сорвал – но руки короткие (*Довольно*) Ах, какой Паук стал. Не признаешь. Совсем другой стал.

ВАСИЛИЙ: А купцов совсем не видел – видно, дома притаились. Конец пришел. Шипят. Арсений говорит, все у них возьмут будто бы бедным. Рыба-

ку – сети, невода, пески стржевые! Охотнику – угоды в урмане и кедровниках! Оленным людям – стада и пастбища! И шаманам ничего не будет! Вот кто такой Совет!

(Василий допивает чай, поднимается. Надевает капюшон, поправляет малицу).

ЗАХАР: Ужо поехали? Сидел бы ишо, вестей много везешь.

ВАСИЛИЙ: Нет. Мне надо быстро-быстро ехать! Весть о Совете и революции всем охотникам надо передать! Всем, всем!

АКСИНЬЯ: А кто такой... Ррр... Ре-во-лю-ца?

ВАСИЛИЙ: Красная нарта по тайге идет. Скоро до ваших мест доберется. Тогда поймете, что такое Совет, революция! Кто такой Ленин! Красная нарта с теплом, удачей идет! Ждите Красную нарту!..

(Василий уходит. За ним выходит Микола).

АКСИНЬЯ: Вот какая весть!.. И Васи другим стал: легким и скорым. Раньше будто сонный ходил. А тут проснулся и по тайге с большой вестью о Совете помчался? Что скажешь?

ЗАХАР: *(раскуривая трубку)* Таперя вот дела-а...

АКСИНЬЯ: Чо дела-а?.. Тебе тоже не мешало в город ходить. Мож быть, маленько другим бы стал. Паука сколько поклонами кормить? Сколько? Он привык, давно охотников обирает! Его одними поклонами не накормишь! Он не такой, сыт не будет!

ЗАХАР: *(задумчиво)* Вот пошто осенью он не ехал. Не успел...

АКСИНЬЯ: *(возмущенно)* Не успел?! Да эта новая... Со-советская власть... ему разбой держать не дает. Арсень-старик не дает. Ежели бы не так – давно тут был!

ЗАХАР: *(пуская облако дыма)* Новая власть таперя... С Советом! С Революца? Непонятная она, неожиданная – будто с неба упала...

АКСИНЬЯ: Пошто неожиданная? Какая большая весть всегда неожиданно приходит. Пошто непонятная?.. Мне понятная. Мне сердце всегда говорило: ожидай, когда-нибудь лучше время придет! Особенно когда Год большого мора ушел. Не может быть все плохо да плохо. Конец должен прийти. И вот старое время ушло, которое ребятишек наших взяло... Понимаешь, слышу нутром – то светлое Время идет, которое ожидала. Так ожидала!.. Как думаешь, это Время, про которое мое сердце говорило?! *(Смотрит на мужа в ожидании ответа)*

ЗАХАР: Может, и то время. Не знаю.

АКСИНЬЯ: Нет, новое Время быстро не уйдет. Мне сердце так говорит. А сердце неправду не скажет.

(Захар отходит к чувалу с трубкой в зубах и с отрешенным видом садится на чурку. Выходит Микола).

МИКОЛА: Мама, а кто... Революца? Кто Ленин?

АКСИНЬЯ: Думаю, что это все хорошие люди?! Слышал, дядя Вася говорил: новое Время идет! Вот Красная Нарта придет – все узнаешь.

МИКОЛА: Харгур как залает – встречать побегу. Я первым увижу красную нарту, мама?!

АКСИНЬЯ: Ты, ты увидишь, мой маленький охотник!

(Микола снимает кисты. Захар рассматривает отремонтированные подводки. Аксинья возится с постелью. Затемнение).

Ночь

(Слышится лай собаки. Аксинья засветила плошку, накинула на плечи сак. Сидит, прислушивается к лаю. Затем начинает будить мужа).

АКСИНЬЯ: Вставай, слышишь! Харгур лает, кто-то едет. Слышишь!

ЗАХАР: *(спросонья)* Таперя слышу...

АКСИНЬЯ: Да вставай! Может быть, Красная нарта?! Гости?!

ЗАХАР: *(садится)* Гости так мимо не пойдут. Не напрасно с большой дороги завернули.

АКСИНЬЯ: И пошто оне в полночь?! Темно!

(Входит Федор Суерин. Весь в снегу. На шапке красный бант. На поясе в кабуре револьвер).

СУЕРИН: Захара зимовье?..

АКСИНЬЯ: Его, его.

СУЕРИН: Нас тут много. Я не один.

(высунувшись в дверь, кричит в темноту) Давай сюда!

(Входит Катя. За ней партизаны вносят раненого Андрея. За ними сухонький старичок Михеич. Вооружены чем попало: тут и охотничьи ружья, и винтовки, и револьверы. Раненого укладывают на нары, Катя придерживает ему голову).

МИХЕИЧ: *(потирая руки, оглядывая зимовье)* Ох и снежура! Вон какие мохнашки *(хлопнул рукавицами)* – а руки того, заоченели! Как ты, Катеринушка?! Не озябла?!

КАТЯ: Нет. Вот Андрей... *(ласково)* Потерпи немного. В избушку приехали. Потерпи, отогреем.

(Захар разводит огонь в чувале, подвешивает чайник. Возле него суетится Михеич. Микола садится на постели, внимательно смотрит на гостей).

МИКОЛА: Мама, кто это? Люди Красной нарты?

АКСИНЬЯ: Это... гости. Ты пошто не спишь, Микола? Утро ишо не пришло. До утра далеко.

МИКОЛА: Мой сон убежал... Скажи, мама, кто эти люди?

КАТЯ: *(подходит к Миколу, дает ему кусок сахара, ласково)* Как зовут тебя, мальчик?

МИКОЛА: Микола.

КАТЯ: На охоту еще не ходишь, Микола?

МИКОЛА: Нет, папа сказал: маленький, ружье не терпит.

КАТЯ: А учиться хочешь?

МИКОЛА: *(недоуменно смотрит на нее)* Ууу... учица? Белку искать папа учит.

КАТЯ: Не охоте, а грамоте. Читать и писать хочешь? Книгу станешь читать.

МИКОЛА: Кто учит?.. Папа не читать – охота ходит. Мама не читать – кисы шьет. Кто учит?

КАТЯ: Теперь вот все по-другому будет при Советской власти. Все охотники – по-новому жить станут. И читать научатся, и писать. Я сама буду всех учить.

АКСИНЬЯ: *(обращаясь к Кате)* Нарта Красный где, скажи? Как живет, как едет?

КАТЯ: *(недоуменно)* Красная нарта?

АКСИНЬЯ: Мы Красный нарта слышали. Новый Время везет.

КАТЯ: Красная... *(уверенно)* Есть такая нарта. Только она немного задержится, но обязательно придет. И новое Время привезет. И для Миколы. Он уже будет жить совсем по-новому. Будет в школу ходить, выучится разным наукам. Вот какое новое Время.

АКСИНЬЯ: Чо слышно – скоро придет?

КАТЯ: Скоро, скоро. Ждите.

АКСИНЬЯ: *(обняв сына)* Слышишь, Микола: для тебя Новое Время идет! Для тебя!.. О Торым, как долго ждала! Как этот день ждала!.. *(Миколу)* Ты братьев и сестер не помнишь. Ничего не помнишь!.. Ты один остался... один! Никому тебя не отдам, никому! *(Аксинья укладывает сына в постель)* Спи, сынок, утро еще не пришло...

(Катя отходит к раненому. Возле раненого Михеич, Аксинья наливает воду в куженьку, подходит к раненому. Катя перевязывает, помогают ей Аксинья и Ми-

хеич. Затем все садятся на нары и чурки и пьют чай. В сторонке Захар курит трубку. К нему подсаживается Суерин).

СУЕРИН: Вот какое дело, хозяин!.. *(помолчал)* Совет разгромили! Кулачье! Контра! В городе и верховых селах разгромили! Купец Тетюцкий банду сколотил. С Пауком вешают и топят в проруби! Вешают и топят большевиков! Комсомольцев! Советчиков! Всех! Против Совета поперли. Совет им поперек глотки! Совет у них в глотке сидит! Но мы свернем контру! Свернем! *(стукнул кулаком по коленке)* Мы всех поднимем, нас много будет! Революцию им никак не победить! Нет! *(пауза)* Вот бой был. Товарища ранило. Его с Катей оставить нужно, тут, Катя вылечит его... Дорога тяжелая, длинная. Холод, что контра бандитская. Плохо ему в дороге. Оставим тут – только укрыть их надо. Вдруг банда нагрянет – чтобы не нашли!.. Такое вот дело, хозяин!

(Захар молча и старательно сосет трубку).

ЗАХАР: Красный... Белый... Моя, однако, охотник. Таперя мой какой дела, пуцай красный белый бьет, ежели дела больше нет. А моя тайга надо ходить. Охота надо ходить.

СУЕРИН: Погодь!..

ЗАХАР: Мой какой дела...

СУЕРИН: *(перебивает)* Как твое какое дело? Как? Это твое дело! Твое!.. Не купец?! Нет! Не шаман?! Нет! Ты – пролетариат?! Вот ты есть пролетариат! Скоро пролетариат мировую революцию учинит! Раз ты пролетариат – это твое дело! Твое! Должен ты устанавливать советскую власть! Должен бороться – это твоя власть! Должен выступить против Белого царя и купца! Так, хозяин!

ЗАХАР: Таперя скажи: что моя Советская власть давал?

СУЕРИН: *(в упор уставился на него)* Ты это... што?! Ты што мелешь – да Советская власть тебе все! Как отец будет! Как мать будет! А царь што тебе давал?! А купец тебе што давал?!

ЗАХАР: Чо Белый царь давал! Чо купец давал?! Белый царь не видал – неправда не скажу. Купец видал. Купец порох давал. Дробь давал. Ружье давал. Купец мука давал. Чай давал.

СУЕРИН: Хочешь сказать – Советская власть шиш тебе давала?! *(приподымаясь)* Што хочешь сказать?! Ши-шши-ш?

ЗАХАР: *(молча кивает в знак согласия)* Моя сказать. А таперя Советская власть – моя не видал ишо. Новый он, на ум ишо не пришел. Хороший али плохой. Сам говорит – Советскую власть воевать нада. А сам ужо от купец бежит. Как таперя понимать?

СУЕРИН: *(вскакивает)* Это я-то бегу?! Против Совета агитки разводишь?! Да я тебя, контра старорежимная! Собственными руками пролетариата... *(тянет руку к кобуре)*

(К Суерину бросаются Катя и Михеич. Тот уже вытащил револьвер. Михеич хватает его за руку, Аксинья семенит к мужу, останавливается возле него. Поднимаются остальные партизаны. Захар невозмутимо курит трубку).

КАТЯ: Федор, Федор, товарищ Суерин!

МИХЕИЧ: Федыша, лихомант! Выпорю! Брось – выпорю!

СУЕРИН: Ладно, ладно. Разговоры такие... не могу слышать. Про нашу Советскую власть. Нутро разом закипает! Все во мне кипит.

МИХЕИЧ: *(кивнув на Захара)* Не контра он, не контра, а темный. Аль не видно: темный. Свет-то революции еще не проник сюда. Токмо идет. Токмо доходит. Экая глухомань, тута еще лешачки бродют! Понимаешь?

КАТЯ: *(Суерину)* Михеич прав. Ничего не знают, одними слухами живут. Красную нарту ждут. Ах, был бы с нами Арсений Петрович!

МИХЕИЧ: Да, кремень-человек был. Могутный души человек был... *(опускает голову)*

ЗАХАР: *(насторожившись)* Чо с ним?! Он – где?!

АКСИНЬЯ: *(испуганно)* Ему плохо? Болезнь пришла?!

МИХЕИЧ: Тяжело Арсений Петров...

(Захар замер с трубкой в руке. Аксинья медленно опускается на нары возле мужа).

КАТЯ: Погиб.

СУЕРИН: Убили *(сжимает кулаки)*.

МИХЕИЧ: Сгубили ироды-ы-ы! Сгубили!

АКСИНЬЯ: О Торым, чо земля делает! Чо небо делает! Такой человек!..

ЗАХАР: Пошто убил?

КАТЯ: За что? Он хотел... Он хотел, чтобы в дома всех бедных охотников пришла удача. Чтобы все люди хорошо стали жить. Чтобы никто не знал горя и нужды...

ЗАХАР и АКСИНЬЯ: *(в голос)* За такой дела разве можна убить?!

КАТЯ: Убивают. Белые всех убивают, кто против них.

АКСИНЬЯ: *(вздыхает)* Э-э, Арсень-старик...

КАТЯ: *(после паузы)* Он и о вас говорил. Последний раз.

АКСИНЬЯ: *(быстро)* Какие слова?!

КАТЯ: *(медленно)* Хорошие слова...

(Все замолкают. Захар сидит с опущенной головой. Мнет в руках кисет. Несколько мгновений в зимовье полная тишина. Затем все взгляды устремляются на Захара. Но тут выпрямилась Аксинья).

АКСИНЬЯ: *(печально и негромко)* Мой муж... ваши люди возьмет.

(Все молча ждут. Захар поднимает голову, смотрит на Аксинью, затем переводит взгляд на Суерина).

ЗАХАР: *(твердо)* Жена правда говорит: моя люди прятать будет. Таперя так. Раз такой дела...

АКСИНЬЯ: Он женщина и парень такой места возит – собака след не находит!

СУЕРИН: *(недоверчиво косится на Захара)* Как бы в лапы Паука не угодили наши товарищи.

МИХЕИЧ: *(Суерину)* Ты чо – остяку не веришь?! Окстись! Побойся бога – колды остяк неправду на себя брал?! Как сказал – так и делает. Аль не слышал, не знаешь?!

ЗАХАР: Таперя много слов не надо. Пошто языка моль делать?

СУЕРИН: Это я к тому, чтоб и сам не попадался Пауку. Попадешься – никого не пожалеет *(махнул в сторону товарища)* – ни ребенка, ни жену. Большая дорога тут, недалеко, наверняка сюда нагрянут. По зимовьям и селам шастают, гады! Страх наводят.

ЗАХАР: *(глянул в потолочное окно)* Звезда утренний заря придет – поедем. Вместе поедем. Ты – свой дорога. Мы – свой дорога.

АКСИНЬЯ: *(гостям)* Устал маленько – так лежи спать. Ночь ишо. Нам никто не ездит. Как ехать станет – так Харгур далеко слышит, его голос скажет. Моя тоже не спим – муж дорога собирай.

(Гости расходятся по нарам, устраиваются на ночевку. Захар и Аксинья в своем углу зимовья).

ЗАХАР: Нет Арсень-старика. Как так вышло? Не понимаю никак...

АКСИНЬЯ: Думаешь, что-нибудь понимаю?

ЗАХАР: А Арсень-старик-то за красных был уже.

АКСИНЬЯ: Красный. Сразу тебе сказала: Время красных, новое время пришло. Мне сердце так говорит. А ты никак время понять не можешь.

ЗАХАР: Мой ум не быстро ходит – долго идет. Твой быстро ходит, мой ум перегоняет. Может, и мой ум ско-

ро до нового Время, до Революца, до Ленина дойдет. Таперя так думаю.

АКСИНЬЯ: Это хорошо. Шибко-то не отставай – не догонишь вдруг! *(смеется)* Заблудишься.

ЗАХАР: Не-е, таперя дорогу найду.

АКСИНЬЯ: *(вздохнув)* Арсень-старика вот не стало. А Микола так его видеть хотел. Чо теперь – не увидишь...

ЗАХАР: *(медленно)* Таперя на одного красного меньше стало. На одного меньше...

(Микола садится, протирает глаза).

МИКОЛА: Мама, папа, почему это не спите?

ЗАХАР: Спи, Микола, маленькие быстро растут, когда хорошо спят. Тропа охотника близко будет. Спи.

МИКОЛА: А ночь далеко ушла?

АКСИНЬЯ: Далеко, далеко. За урман, за озеро, за горы ушла ужо. Скоро утро придет!

ЗАХАР: Таперя скоро Звезда утренней зари придет. И тайга светлая станет.

Конец первого действия.

Действие второе

(Полдень. То же зимовье. Аксинья шьет кисы. Возле нее Микола строгает палочку).

МИКОЛА: Где папа? Почему так долго нет его?

АКСИНЬЯ: Его, наверное, охота далеко в тайгу увела. Скоро придет.

МИКОЛА: А гости уехали?

АКСИНЬЯ: Чо им тут делать: по делам поехали.

МИКОЛА: А тетенька, которая учить хотела, – тоже с ними уехала?

АКСИНЬЯ: Катерина-то? Она тоже уехала.

МИКОЛА: А почему они так быстро уехали?

АКСИНЬЯ: Дела у них есть. Они шибко спешили.

МИКОЛА: Я думал, они маленько поживут у нас, в нашем доме. А ты не разбудила, когда уехали. Я «до свидания» им не сказал.

АКСИНЬЯ: Мал-мал, потерпи, Микола. Они скоро обратно приедут. Сказали – мимо не проедут.

МИКОЛА: А мне сон приснился, мама. Наши гости там были.

АКСИНЬЯ: Расскажи, Микола, послушаю.

МИКОЛА: Такой сон я еще не видел. Сначала слышу, снег шумит – по снегу едем. Открываю глаза, вижу – солнце. Такое яркое-яркое. Бежит за нами по кедром. Как белочка скачет – с дерева на дерево. А снег белый-белый, сверкнет на солнце, глазам больно. Потом русскую тетеньку увидел, которая...

АКСИНЬЯ: Катерину? Она была?

МИКОЛА: Она, она, я сразу узнал ее. Вот – улыбается тетенька Катерина, а лицо красивое такое. Слышу, говорит она: «Андрей, смотри – наш Микола глаза открыл». Тот оглянулся и говорит: «Верно, оклемается наш остячок!»

АКСИНЬЯ: Это который Андрей-то?

МИКОЛА: Не знаю.

АКСИНЬЯ: Неужто который раненый?.. Поправляется, значит... А дальше-то что было?

МИКОЛА: А тетенька Катерина ему: «Ведь он выживет, Андрей?» А он говорит «Как же, обязательно должен выжить». Тут я проснулся. Смотрю, светло стало – день пришел.

АКСИНЬЯ: *(озабоченно)* А куда тебя везли? Не знаешь?

МИКОЛА: Не знаю, мама.

АКСИНЬЯ: Ну, вот сон... Солнце – это хорошо. А вот пошто оне тебя везли? Куда?

МИКОЛА: Не успел спросить – проснулся.

АКСИНЬЯ: Ладно. Чтобы сон плохой стороной к нам не повернулся.

МИКОЛА: Сон мне понравился. Хорошо ехали.

АКСИНЬЯ: Пусть все хорошо будет.
(Тревожный лай собаки).

МИКОЛА: Красная нарта?! Пойду?!

АКСИНЬЯ: Погоди. Как Харгур лает – что-то недоволен. И шибко много шума. Погоди...

(Слышится скрип полозьев, ржание лошадей. Топот и крик. Дверь с грохотом распахивается и в зимовье вваливается Паук. За ним Петруха. Паук весь в ремнях, увешан оружием. Аксинья вздрогнула и уколола палец парусиновой иглой для шитья кожи. Микола прячется за спину матери).

ПАУК: *(простреливая зимовье по всем углам)* Кто сторонний есть?

АКСИНЬЯ: Не видит? Глаз нет?

ПАУК: Не твое собачье дело... о моих глазах. То-то! Петруха, потыкай носом туды-сюды, понюхай, нет ли кого?

(Петруха смотрит за чумал, затем в другие углы и нары. Паук поставил в чумал большую охапку дров, протянул к пламени руки, погрел их).

ПАУК: Батюшка Иван Семенович жар обожают. Теплых, благородных кровей они.

АКСИНЬЯ: Куда шибко много дров, дом горит!

ПАУК: Не бойсь. Раньше батюшки не горит. Пока мы тут, не сгорит. А там как господу богу угодно будет. Вернее, батюшке Иван Семеновичу.

ПЕТРУХА: *(подскакивает к Пауку)* Нету-ка никого!

ПАУК: Ну, ступай, батюшку веди!

(Петруха уходит).

Дверь с грохотом распахнулась и вслед за Петрухой в зимовье ввалились толстый бородатый атаман –

купец Иван Семенович Тетюцкий, в тулупе и мохнатой шапке. За ним его банда. Паук бросился к атаману, помог ему снять тулуп и усадил возле чучала, бандиты на ходу сбрасывали шапки, рукавицы и, потирая руки, столпились у чучала. Загалдели, загремели котелками).

ГОЛОСА: Эх, пожрем сейчас! Пусти к огню, оглобля! Потерпишь, не сдохнешь! В нутро бы – где бутылка?! Ух, в санях оставили? Живо сюды!

ПАУК: Петруха – подать стол!

(Петруха приносит стол, ставит перед атаманом. На стол живо нагромождают закуску, кружки и четверть самогона).

ПАУК: Тих-хо. Батя Иван Семенович... сказать имеют!

АТАМАН: (медленно поднимает кружку) Изничтожим красную мразь!..

ПАУК: Изничтожим!

ГОЛОСА: – Всех советчиков разз-туды, мать твою! – В преисподнюю! Дьяволу! И большевиков туды их! – Комсомолию, комсомолию не забудь! – А комсомолок... (конец фразы тонет в хохоте)

(Пьют. Закусывают. Горланят старорежимные песни. Аксинья склонилась над шитьем. Микола испуганно выглядывает из-за ее спины).

АТАМАН: (утробно) Гаврила!

ПАУК: (подбегает с постной физиономией, крутит головой) Слушаю, Иван Семенович! (меняет выражение лица)

АТАМАН: Ищ-щи! Чу-ю-у!

ПАУК: Ищу, ищу, батя Иван Семенович!

(Паук отходит, выпрямляется, поправляет маузер и саблю. Огляделся).

ПАУК: Петруха, Дугин!

(Петруха и Дугин поднимаются).

ПЕТРУХА: Чаво опить?

ДУГИН: Тута я.

ПАУК: (озлобляясь) У-у, мерзавцы! Я вам покажу «тута я». Кто перед вами, а? Тут вам не шайка партизан, а сибирская белая армия! А?!

ПЕТРУХА и ДУГИН: Так точно!

ПАУК: Ладно. А теперь: Дугин – дом! Петруха – улица, амбары. Все обнюхать, перевернуть! Подать Советчиков! Аль след их!.. (многозначительно хлопает по маузеру) Хозяин – мне! Я – вам! Дошло?

ПЕТРУХА и ДУГИН: Так точно!

ПАУК: Марш!

(Петруха и Дугин убегают).

ПАУК: (оборачиваясь к Аксинье) Аксинья, где твой муж, Захарка?

АКСИНЬЯ: Известно где – охота.

ПАУК: А почему собака дома?

АКСИНЬЯ: (твердо) Собачий время кончилось.

ПАУК: (поперхнувшись) Кончилось... собачье время?!

АКСИНЬЯ: Так. Так. Кончилось.

ПАУК: (с угрозой) Ты-ы... Полегче с временем-то! Почем знаешь, чья верх возьмет?!

АКСИНЬЯ: Новый снег пришел.

ПАУК: Новый снег – да. А скажи, метелит – кто в такой метель на охоту ходит? Где Захарка?

ПАУК: Капканы снегом занесло. Кому ты веришь-то, Аксинья? Думай, что он проверяет!.. Может, он петли проверить ушел, а?! Может, петля по нему плачет, а?!

(Появляется Дугин, затем Петруха).

ПАУК: Ну-с?

ДУГИН: Нету-ка никого.

ПАУК: Петруха!

ПЕТРУХА: (вытягивается перед ним) Ничего нет, господин штабс-капитан!

АТАМАН: (утробно, не шелохнувшись) Ищ-щи. Чую-у!

(Паук крутанулся по зимовью с перекошенным лицом).

ПАУК: У-у, партизаны!..

(Петруха и Дугин вздрагивают и втягивают головы в плечи. Паук, изогнувшись, ударил ногой подвернувшуюся мусорную куженьку. Куженька перевернулась, из нее вывалился мусор и окровавленные бинты. Паук в неловкой позе замирает перед мусором. Тишина. Затем медленно наклоняется, втягивает воздух в себя, медленно выпрямляется и оборачивается к Аксинье).

ПАУК: *(торжествующе и злорадно)* Аксинья, это что, а? Лучше добром, ты меня знаешь *(вытащил маузер, поигрывает им)*. Лучше добром! По какой дороге уехали, а?! Где красная сволота?

АКСИНЬЯ: Моя ружье не пугай, – не боится.

ПАУК: Неужель? А почему?!

АКСИНЬЯ: Почему – ты сам боишься. Раньше не такой был. Теперь шибко боится – плохой конец чуется...

ПАУК: *(с наигранным любопытством)* Неужель?! Говори, говори. Может, последний разик.

АКСИНЬЯ: Раньше моя не верил – твой время кончилось. Теперь видно – твой собачий время помирает!

ПАУК: Ох, Аксинья, много на себя берешь – не выдюжешь! Лучше отвечай: где твой муж Захарка? Где красная сволота?! Брось иглу-то! Хоть она парусиновая, трехгранная – не поможет! Лучше отвечай: где Захарка, где красная мразь?!

АКСИНЬЯ: Моя все сказал.

(Аксинья наклонилась над шитьем. Руки ее перебирают камус, оленье жилы, парусиновую иглу для шитья кожи. Микола притаился у нее за спиной, Петруха и Дугин в малых нарах – видно, завалились спать. Паук, торжествующий, ходит по зимовью, останавливается перед Аксиньей, поигрывает маузером).

ПАУК: Где красная мразь? Скажешь, Аксинья – в покое оставим. Отложи шитье-то, отложи иглу. Я ж тебя спрашиваю: куда их Захарка повел? *(пауза, ждет ответа)* Молчишь?! А ведь ты у меня заговоришь. Я все могу. Все... Ты знаешь, где Арсений-то?! Наилучший друг твоего Захарки где?! Не слышала? Так уже на том свете. Ждет там своих друзей-приятелей не дождется. Вот мы ему и хотим услугу, пообещали ему – побыстрее отправить за ним всех его друзей-большевиков! Чего нам стоит маленькую службу сослужить!.. Так вот – через царство рыб он попал на тот свет. Ты что думаешь – просто туда попасть? Говори, Аксинья, где красная сволота? По-хорошему не хочешь – так этот приятель заставит! Он быстро твой язык развяжет. Вынудит! *(Трясет маузером)* Ну, говори! *(Багровея)* Сейчас по-другому запоешь! Моментом заговоришь! Заговоришь!

(Паук потянулся к Миколу. Мать заслонила его собой).

АКСИНЬЯ: *(яростно)* Не дам сына! Уходи вот!..

(Паук схватил мальчика. Тут Аксинья всадила в руку Паука иглу-трехгранку. Тот вскрикнул и выпустил мальчика. И тут же выстрелил дважды).

АКСИНЬЯ: *(падая на шитье, гаснувшим голосом)* Ты где, красный нарта рре-е-е...

(Взревел Микола. Банда вскочила, схватилась за оружие).

(Один только атаман даже не шевельнулся. Напряженная тишина. Атаман медленно повернулся, медленно садится, не поворачивая головы, взглядом ловит Паука, и тот, словно заипнотизированный, неслышно подлетает к атаману).

АТАМАН: *(не меняя позы, чуть помедлив, сквозь зубы)* Дур-рак!..

(Паук съезжился словно от удара. Заюлил... завертелся по зимовью. Затем схватил Миколку и снова подскочил к атаману – выставил левый бок, всем своим видом выражая преданность и послушание. Атаман чуть повернул голову, покосился на мальчика, не то с удивлением, не то с осуждением. Микола захлебнулся криком и слезами).

АТАМАН: Сам... подох... нет.

(Атаман подал знак. С шубой подскочил Петруха, накинул на него. Атаман оделся и вышел. За ним вывалилась банда).

ГОЛОС ПАУКА: Изничтожить огонь! Изничтожить жратву! Изничтожить воду!..

(Плачь Миколы. Лай Харгура. Крик и ругань. Скрип саней. Слабый луч света выхватывает из мрака Миколу. Он дрожит от холода и кутается в тряпье. Подходит к чувалу, дует на угли, но огня нет).

МИКОЛА: *(всхлипывает)* Ма-ма-а! Ма-ма-а! Мама, иди сюда! Мне холодно, мам! Слышишь, добрый чувал-ики, дай искорку огня для мамы! Маме холодно! Дай огня – согрей маму, встанет она! Слышишь, чувал-ики?!

(Прислушивается Микола. Тишина. Идет, пошатывается к куженьке для питьевой воды. Куженька проколота штыками – ни капли воды. Но тут послышался стон возле двери. Поспешил туда. Сунул руку в приоткрытую дверь. Слышится тяжкий хрип).

МИКОЛА: Харгур, ты?! *(Харгур пытается взвизгнуть, но слышится только хрип)* Харгур, ты куда ползешь? Ты в дом ползешь? Что с тобой сделали?! *(гладит собаку по голове)* Холодно, замерз? Иди, иди в дом Харгур! Иди! *(неожиданно резко отдергивает руку)* Что это?! *(с ужасом смотрит на руку)* С тобой что сделали?! Что?! *(пятится от двери)* Ма-ма-а! Папа, когда придешь.

(Микола в беспамятстве падает на пол. Тайга. Снег. Сидят атаман, Томка, Паук. В стороне Петруха, Дугин, другие бандиты. Из-за деревьев выходит Захар с ружьем, останавливается).

ПАУК: *(кричит)* А-е, дружище! Захарка! Здорово, что ль!

ЗАХАР: *(сдержанно)* Здорово.

ПАУК: Ты где это шлялся, а?

ЗАХАР: Тайга ходил. Охота ходил.

ПАУК: Попался кто?

ЗАХАР: Попался. Нет.

ПАУК: Никто не попался, говоришь?.. Тогда сам ты попался, дружище, Захарка! Попался в мои когти! Ха-ха-ха. Вон у меня сколько молодцов-гвардейцев *(показал за спину)* – рвать-то некуда!

ЗАХАР: *(спокойно)* Таперя некуда.

ПАУК: Ну так скажи, дружище, куда красную мразь запрятал, а?

ЗАХАР: *(мрачно и жестоко)* Твоя первый сказать!

ПАУК: Что тебе сказать? Так и быть, одно твое желание исполню.

ЗАХАР: Скажи, таперя: Арсень-старик убил?

ПАУК: Ну, я помог твоему другу-приятелю. Все красные через меня проходят. И Арсению помог. Как с ним дело было: все в подробностях Аксинье рассказал. Встретишь когда – спросишь у нее. Расскажет!

ДУГИН: *(машинально поднимает руку, бормочет)* Царство ей...

ЗАХАР: *(взглянул на Дугина)* Чо? Чо он говорит?!

ПАУК: *(покрутив пальцем вокруг виска)* Кераж этот... Малость того...

ПЕТРУХА: *(глядя в сторону)* Верно, он... энто...

ПАУК: Ну, дружище, Захарка: где красная мразь? Скажешь – ей богу, на все четыре стороны отпущу! На все четыре! Хоть в небо лети! Только Советчиков

мне подавай! *(выжидательно смотрит на Захара)* Ну, что тебе еще сказать. Про Арсения я все выложил, что еще?

ЗАХАР: Таперя все. Ватит.

ПАУК: Теперь твое слово. Скажешь, где красные – жить будешь. Что слов не стало? Где твое слово?!

ЗАХАР: Таперя... вот мое слово!

(Захар вскидывает ружье и стреляет в Паука. Бандиты хватаются за оружие. Выстрелы).

ГОЛОСА: Не уйдет, идти некуда!

– По кедровнику, по кедровнику!

– Стой! Живым его, живым!

– Не уйдет, сволочь!.. Попал...

(Выстрелы. Крики: Красные! Там красные...

Паника).

АТАМАН: *(пытаясь остановить своих)* Стой! Стой! Гады!

КРИКИ: Красные комиссары!.. На красных нартах... Красные!..

АТАМАН: Атамана бросили! Мерзавцы! *(семенит за своими)* Я вам, мерзавцы!..

КРИКИ: Красные партизаны! Красные!..

(Банда убегает, за ними появляются красные партизаны).

СУЕРИН: *(приостанавливаясь, Михеичу)* Видел Захара? Где Захар?

МИХЕИЧ: Пал, пал наш Захар. Погиб.

СУЕРИН: И-х!..

МИХЕИЧ: Вишь темный был, темный, а... *(махнул рукой)* Да что теперя!

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

Обереги от Геннадия Райшева

Сейчас я вхожу в мир Геннадия Райшева медленно, мучительно, с болью. И, войдя, с тихой надеждой взираю на его небесных богинь и земных женщин, хранительниц очага. Как в сказочном лесу, брожу, смотрю, вдыхаю ароматы жизни. И жду, жду одного некогда утраченного мгновения. И жду так терпеливо, что не замечаю, когда оно приходит... Пришло материнское тепло. Пришла материнская ласка. Я ощутил это всем своим существом. Будто попал в пору далекого-далекого, еще досиротского детства, когда сидел на Маминых руках. И вбирал в себя тепло и ласку ее ресниц, глаз, рук – и чувствовал себя в самом надежном и прекрасном мировом пространстве. Мне ничего не грозит. И я всемогущ и счастлив. И готов сам осчастливить все земные и небесные миры. И с этим ощущением материнского тепла и материнской ласки, будто воспарив, начинаю плавать по Райшевскому миру...

Только потом, спустя много времени, я начну осознавать, почему так притягателен для меня его мир. Я ищу там тепло, ласку и защиту другого времени, моего досиротского периода жизни. Я ищу там мою рано ушедшую из жизни Маму. И теперь, наконец, я разыскал Ее там, в миру, созданном загадочно-необъяснимым художником. Там Она живет. Там живет моя Мама. Там живет Ее душа.

И теперь я думаю, что в Мире Райшева живет не только моя Мама, а ушедшие родичи многих-многих моих сверстников. Ведь такое вполне возможно.

Затем приходит и другая мысль. Точнее, ощущение. В мир Райшева потихоньку перебираются все деревья и травы, реки и озера, болота и сопки, ягельные боры и черемуховые гривы, беспощадно погибающие под пятой промышленного Молоха-Колосса. Туда перебираются птицы, звери и рыбы, которым не стало места на нашей нефтегазоносной земле. Ибо всем им становится тепло и уютно в мире Райшева, как в мире современного Спасителя Вселенной.

А раз дело принимает такой оборот, то картина Райшева, как языческий оберег, должна висеть в каждом доме. Начиная с избушки охотника-вогула и остяцкого рыбака и кончая домом Губернатора и, возможно, Президента всея Руси. Каждый штрих его кисти или пера невольно оборачивается всемогущим и таинственным оберегом для наших угорских народов ханты и манси, усиливая и удлиняя их земное дыхание.

Хотя бы там (в мире Райшева) мы все сохранили себя. Как люди. Как народы. Как истинные обские угры.

Конечно, и в мире Райшева, как и у всякого художника, витает демонический дух. Но он только у Райшева, преобразовываясь, уничтожает демоническое

начало в отрицательных персонажах. По-иному и не должно быть.

Мир Райшева беспределен. Его мир не имеет ни начала, ни конца.

Это есть мир неосознанный, непостижимый, до конца не признанный и не оцененный современниками. По угорской мифологии, это мир изгоя небес, приспущенного для приращения земной тверди.

18 ноября 1999 года

Три штриха к портрету А. Г. Григорьевой

В тот год я учился в начальной школе села Варьеган. В середине зимы по селу прокатилась весть: приехала председатель Сургутского райисполкома Антонина Георгиевна познакомиться с жизнью сельчан. Обедать пошла не к председателю колхоза, как делали все важные приезжие чины, а попила чай в бревенчатой избе, у бригадира пастухов Кузьмы Казамкина. А потом первым делом она решила навестить оленеводов. Мимо школы-интерната вихрем пронеслись олени упряжки пастухов первого стада колхоза имени Кирова. Было холодно, стояли январские морозы. Жена бригадира Анна Галактионовна впоследствии часто вспоминала: нарядили мы гостью в меховую ягушку и кисы. Но оказалось, что полы ягушки ей пришлось выше колен. Подумала: коротковата шубка, как бы не заморозили гостью.

После нее такого уровня руководители никогда больше не выезжали к оленеводам, особенно в зимнюю стужу.

Штрих второй. В Ханты-Мансийск приехал Юван Шесталов, основоположник мансийской литературы,

лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького, знаменитый поэт союзного и республиканского уровня. Грудь колесом, шумный, независимый, с авторитетами не считался, с чинами с высокими рангами не церемонился. Я, как журналист и начинающий литератор, попал в группу сопровождающих его лиц. Юван Николаевич говорит нам: после обеда идем в окрисполком, к Григорьевой, я с ней договорился о встрече. В Доме Советов мы вошли в приемную Антонины Георгиевны. И тут произошла с ним метаморфоза. Наш знаменитый земляк вдруг притих, стал как бы меньше ростом. И почти шепотом сказал: вы не ходите со мной, я пойду один, ждите меня здесь. И, когда его пригласили, быстро юркнул в кабинет. Через некоторое время он вышел оттуда с расправленными плечами, улыбающийся, довольный. Сказал: хорошо поговорили, я о ней буду писать. Она угостила меня строганиной, из дома принесла. И покачал на руках небольшой сверток, завернутый в газету. О ней писали, ее личностью интересовались в то время многие писатели и поэты: наши земляки из Москвы, известный поэт Алексей Смольников и прозаик Ванцетти Чукарев, хантымансийцы Микуль Шульгин, Андрей Тарханов и многие другие деятели культуры.

Штрих третий. В Ханты-Мансийске золотая осень. Отмечали большой окружной праздник. Гости уже разъезжались. Я проходил мимо гостиницы «Югра». И в группе тюменских ветеранов, ожидавших отъезда, увидел Антонину Георгиевну: в деловом костюме, с высокой прической, со спокойным, немного грустным выражением строгого лица. Выглядела она не по годам энергичной и собранной. Выглядела хорошо. Она всегда меня интересовала как личность созидательная, личность легендарная. Я подошел, поздоровался и сказал, что хотел бы написать ее портрет: всегда

интересен и поучителен взгляд личности на время, на эпоху, на настоящее и будущее. Она тепло улыбнулась и сказала: приезжай, есть что вспомнить, посидим, не спеша чай попьем. Как всегда, я подумал: впереди еще столько времени... Оказалось, время-то имеет свои пределы. Через полгода после этой встречи, совершенно неожиданно для меня и многих жителей округа, Антонина Георгиевна ушла из жизни.

Сейчас, когда жители округа и области садятся на Боинг 737, на борту которого начертано имя «Антонина Григорьевна», непременно вспоминают, что при ней было построено, открыто, создано. После себя она оставила нам много добрых дел. Как сказал Маяковский, воплотилась «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела». Правда, вместо парохода – авиалайнер компании «ЮТэйр». Ведь именно в период ее руководства наш округ был отмечен самой высокой наградой СССР: награжден орденом Ленина. За высокие достижения в развитии нефтегазовой отрасли, за успехи в культурном строительстве, за мудрость в управлении, за заботу и внимание к каждому жителю края.

Среди мировых лидеров-женщин ее имя в моем сознании ассоциируется с именем Маргарет Тэтчер.

Ноша, которую несла Антонина Георгиевна, – не каждому богатырю по плечу. В памяти северян она останется вечным президентом Югры. Дай ей штурвал планеты в руки – миром бы правила исправно...

9 июля 2018 года

Тропа Вождя

Один из самых удивительнейших людей нашей эпохи – Анатолий Прокопьевич Кауртаев. Его жизнь – это целая эпоха. Почти семь десятков лет второго тысячелетия и десятилетия третьего тысячелетия. А вехи этой эпохи – Великая Отечественная война, проводы родичей на войну, похоронка на отца с фронта, работа в тылу, Институт народов Севера в Ленинграде, учитель в школе, открытие нефти на Самотлоре, руководитель в городе и в районе, лидер коренных северян, перестройка, крушение Советского Союза, падение в бездну девяностых...

Директор школы в двадцать три года. Затем неспешное движение вверх по служебной лестнице в системе образования и власти в Нижневартовске и в районе.

Он пользовался непререкаемым авторитетом в Нижневартовском районе и у коренных жителей округа. К нему обращались как к родителю, к родному отцу за советом и помощью. Все хорошо знали: если Кауртаев сказал «поможем» – значит, непременно поможет сам или поможет власть, которую он представлял.

Он все делал основательно, энергично, ничего не откладывая в долгий ящик. Бывало, если в городе его машина попадала в пробку, он обычно говорил попутчикам: пошли пешком, дойдем быстрее.

Анатолий Прокопьевич умел дружить. Помнится, многолетняя дружба связывала его с Г. Райшевым в Ханты-Мансийске, с Ю. Шесталовым в Ленинграде, на Конде с А. Тархановым, в Нижневартовске с М. Анисимковой и многими другими известными деятелями литературы и искусства. Его искренне уважали все, с кем он встречался. Ведь он идет по жизненной тропе с честью, с достоинством, с совестью. Нелегкая эта ноша – жить по совести. А художники всегда тонко чувствуют природу человека, его душевную организацию...

Я посвятил Анатолию Кауртаеву рассказ «В полете в бездну», в котором он стал прототипом героя. Было это в самую тяжкую и горькую годину в истории Отечества. В избе осталась одна пара валенок на двоих. На маму и на старшего сына. Надевали их по очереди, кому нужнее. А нужнее они были маме, на работу в колхозе, для помощи фронту. И тут я воочию увидел, как мальчик, крепко награв пятки возле устья дышащей живым огнем русской печи, босиком по снегу бежит в школу...

8 ноября 2020 года

**Первый врач народа ханты
Е. М. Сагандукова
(4.07.1924 – 6.10.1984)**

Елена Михайловна Сагандукова запомнилась мне на всю жизнь человеком удивительно светлым, солнечным и строгим.

В первый раз я увидел ее в далеком детстве, в нашем лесном поселении, в солнечный морозный день середины зимы. На оленьих упряжках приехала разъездная бригада врачей, человек шесть-семь. Во главе с Еленой Михайловной: все крутилось-вертелось вокруг нее. Помню ее смуглое чернобровое и строгое лицо, обрамленное такими же строгими черными волосами в короткой, до плеч, стрижке. Как я понял впоследствии: признак сильного характера. В самый большой дом, к дяде Василию, всех пригласили на медосмотр. Сначала осматривали мужскую половину жителей поселения – детей, мужчин, стариков, а потом женскую. Врачи что-то писали на листах бумаги, часто обращались к Елене Михайловне, что-то спрашивали. Она подсказывала, давала какие-то советы. Я тогда еще не ходил в школу, не знал русского языка.

Второй раз увидел Елену Михайловну уже в Ханты-Мансийске, будучи студентом педучилища. К ней привела меня моя старшая сестра, с которой она дружила. Мы сидим на ее кухне, с окнами на полдень, на первом этаже. Это в двухэтажном доме на улице Комсомольской, недалеко от Окружной больницы, пьем чай. Она спрашивает меня о здоровье жителей и житье-бытье на моей родине, в нашем лесном поселении на реке Аган, в поселке Варьеган, в Сургутском районе.

Ее первый рассказ. Как она ехала учиться в Омск, в мединститут. В годы Великой Отечественной войны она уже работала фельдшером. Но было неистребимое желание учиться дальше, стать детским врачом, чтобы прежде всего помочь детям. У врача возможности несоизмеримо большие, чем у фельдшера. Поехала на пароходе. В военные годы не только она, а вся страна была полуголодной и полуодетой. На трудности она старалась не обращать внимания. Запомнилось, как ехали. Когда заканчивалось топливо для парохода, капитан причаливал к лесистому яру Иртыша. Команда и пассажиры брали топоры и пилы и выходили на берег. Одни валили деревья, другие рубили сучья, третьи пилили, четвертые носили чурки на судно. Будущей студентке Елене, выросшей в лесной деревне, была знакома эта работа. Она вместе со всеми женщинами и сучья рубила, и пилила, и чурки, что под силу, носила на пароход. Потом ехали дальше, до следующей остановки, пока топка не запросит очередную порцию дров.

У Елены Михайловны была большая библиотека. Она по-настоящему любила литературу. Помню, она часто вспоминала различные эпизоды из «Песни о Гайавате» Лонгфелло. У нее был том в переводе Ивана Бунина. Меня, как начинающего литератора, особенно интересовали книги – самый большой дефицит

в те годы. С благоговением смотрел на золоченные корешки «Саги о Форсайтах», «Человеческой комедии», на бессмертные творения Льва Толстого, Антона Чехова, Фенимора Купера и многих других. Как личность уникальная, самобытная, она производила неизгладимое впечатление на всех, с кем общалась. Ее образ неизменно завораживал деятелей искусства и литературы. Врач и художник Вадим Савинов всю жизнь пишет ее портреты. Помню, а известный тюменский писатель-геолог Геннадий Сазонов, который прошел по всем тропам сурового Приполярного Урала, при встрече всегда спрашивал меня о Елене Михайловне, ибо ее судьба и образ всегда просились на страницы литературного произведения. Тут не надо было ничего придумывать.

Ее второй рассказ был об отце. Нужда заставила – и большая семья снялась с насиженного места на реке Васьюган и начала спускаться на вместительной дощатой лодке вниз по течению, по Великой Оби. Так семья Сагандуковых приплыла в наш округ. Сначала остановились на реке Назым, в Самаровском районе. Отец ее, Михаил Васильевич, участник Великой Отечественной войны, рано ушел из жизни при трагических обстоятельствах. Он ездил в Остяко-Вогульск за деньгами общины. На обратном пути в деревню, на месте ночевки у подножия горы возле устья Назыма, на него напали грабители. Он, защищая общественную кассу, погиб. Так семья осталась без кормильца.

Одна из последних моих встреч с Еленой Михайловной состоялась в ее новой квартире, на улице Калининна, недалеко от Водолечебницы. Она пригласила меня в гости вместе с моей семьей. Она интересовалась не только моими литературными делами и работой, но и семьей и здоровьем детей. Символично, что она всегда жила возле лечебных учреждений. Помню,

сидим у окна в полуденную сторону, пьем чай. На ее строгом лице играют золотые блики солнца. Когда я приходил к ней, почему-то ее всегда освещало яркое солнце. Беседуем, вспоминаем общих знакомых, говорим о здоровье народа, о литературе. Я с гордостью поглядываю на книжные полки. Там рядом с именами многих почитаемых мною писателей стоят и мои книги.

Жизнь ее была необыкновенно насыщенной и многотрудной: в заботах о семье, о народе, о государстве. У нее рано умер муж. И она одна растила и воспитывала сына. Прошла путь от рядового фельдшера до руководителя здравоохранения автономного округа, от депутата регионального уровня до депутата Верховного Совета СССР. Безусловно, Елена Михайловна – личность легендарная. Мало сказать, генерал, она была маршалом здравоохранения округа. Она оставила о себе добрую память, как общественный и государственный деятель, у всех, кто ее знал, кто общался с ней. Многие вопросы здоровья народа и жителей она решала с известным в округе ветераном, в те годы председателем окрисполкома, Антониной Георгиевной Григорьевой, с которой она дружила.

Попили чай. Потом мы тепло прощаемся и уходим. Она провожает нас до порога. И говорит, чтобы без стеснения звонили и приходили в гости. А потом, спустя некоторое время, она ушла из жизни. Я был на учебе в Москве и поэтому не успел ее проводить в последний путь. Но она, ее солнечный образ, ее легендарная личность всегда живы в моей памяти.

26 октября 2013 года

«В моем сердце вся природа...»

Мария Кузьминична Вагатова – человек многогранного дарования. Она и поэт, и сказитель, и певец, и музыкант, и публицист, и исполнительница народных танцев, и прекрасный наставник и организатор. Словом, трудно перечислить, ничего не упустив, все, что ей удалось создать за свою творчески насыщенную жизнь. За что бы она ни бралась – все у нее получается хорошо, все ей под силу...

Мария Кузьминична – человек жизнелюбивый и жизнерадостный. Всем своим детям и внукам она вдохнула свои разносторонние способности, каждому передала частицу своего дарования. В ее семейном ансамбле «Ешак най» («Огонек») самые младшие внучата начинают петь и танцевать с того момента, как только начинают говорить и ходить.

Жизнь и творчество поэта нельзя пересказать, нельзя описать. Все это читатель может найти только в стихах, только в книгах поэта. Поэтесса в своем новом поэтическом сборнике «Моя песня, моя песня...» свое состояние души, мировосприятие ханты, возможно, наиболее полно выразила в двух строках:

«В моем сердце вся природа,
Добрый нрав и ум народа...»

Мария Кузьминична, да пусть вечно витает
над Югорским краем ваша песня, вселяя в сердца лю-
дей доброту и мудрость наших народов!

*Ханты-Мансийск,
январь, 2000*

Солнце, Театр...

Анна-Ксения Вишневская появилась в Театре «Солнце» как-то незаметно. Но я сразу заметил в Театре появление Гарсиа Маркеса Габриэля. Его нельзя было не заметить. Глыба XX века. Стержень нашей Земли. Ось Вселенной. Сто лет одиночества. «Любовная диатриба мужчине в кресле». Его привела в Театр обско-угорских народов Анна-Ксения (это надо смотреть на театр с безрассудно юным задором, чтобы рискнуть приблизиться почти к неприкосновенному). А ведь глыба может больно прищемить...

В Театре я встретился с героями Чингиза Айтматова в спектакле «И дольше века длится день». Роман многоплановый, сложный не только для театра, но и для простого чтения. И Вишневская решила ответить на извечные вопросы бытия. На чем держится мир? Кто есть мы в этом мире? И куда мы идем? С молодыми актерами. В молодом Театре. В молодом Солнце. Придут ли зрители?..

Один из самых талантливых писателей наших дней – Александр Латкин. «Последнее пришествие» – пронзительно-острая повесть прозаика. Последнее

пришествие младенца, человека, семьи, народа, человечества... Последние мгновения жизни на земле. Последняя жизнь во Вселенной. В постановке Анны-Ксении Вишневской в Театре «Солнце...»

Мне особенно приятно, что в Театре я увидел героев моих лирических рассказов в спектакле «Любить», героев детских сказок в «Чев-Чев», героев Отечественной войны «В окопах, или Явление Екатерины Великой».

Анна-Ксения Вишневская родилась в Ленинграде. А приехала к нам из Санкт-Петербурга. С солидным творческим багажом. Играла в театре, снималась в кино и сама снимала фильмы. Приехала и полюбила эту суровую землю с ее прозрачными льдами, белыми снегами, белыми ночами и светлыми и душевными северянами. Незримые нити тянулись от нее к городу на Неве, к Мариинскому театру, к Большому драматическому, к Русскому музею, к Университету (ЛГУ, СПбГУ, где она училась), к Пушкину... Как-то после спектакля Вишневской, выходя из театра, наш признанный мэтр в искусстве сказал мне: она привезла нам высокую культуру...

Это была истинная истина.

Солнце светит днем. Луна светит ночью. Театр светит всегда...

К Величию Великой княжны

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие прекрасные лица
И как это было давно.
Какие печальные лица
И как безнадежно бледны –
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны.

Георгий Иванов, 1950

Великая Княжна российского престола Ольга Николаевна, старшая дочь Императора Николая II, 3 (16) ноября 1895 года рождения, в возрасте 22 лет, в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, накануне расстрела записала «Молитву»:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину бурных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о, Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И Крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,

Терпеть позор и оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверии могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы –
Молиться кротко за врагов.

Потом, в расстрельной комнате, как всегда, с врожденной изящностью и грациозностью чуть наклонив прелестную головку к Папа, Она подняла взор на палача. И увидела ту незримую и непреступную линию, которая отделяла ее от безжалостных разрушителей Российской Империи, разрушителей жизни, преступным путем захвативших власть. Это была полоса, разделившая мир на две неравные части. Она всем своим существом ощущала эту линию. И знала, что в самую критическую минуту, шагнув к этой линии, она сможет спасти своих близких, себя, Россию. Возможно, еще не осознанно, по наитию, в Констанце в июне 1914 года Она отказала претендовавшему на ее руку наследному принцу Карлу Румынскому. Не хотелось оставаться на чужбине. Не хотелось быть чужой на своей родине. Слава Богу, Папа не принуждал. Потом Она сказала своему учителю французского: «Я не хочу покидать Россию... Я русская, и хочу остаться русской!» Еще тогда Она смутно улавливала свою миссию, свое предназначение на земле. Спасти в эти мрачные и жуткие дни что возможно. Спасти грацией, светлостью, красотой. Все это всегда было при Ней. Кроме того, Она ощущала в себе необъяснимую таинственную магическую силу, что накапливалась и в душе, и в теле.

И которую, порою, в муках, в просветлении и в унижении едва сдерживала в себе. Свою половину мира надо было отрезать от чрезмерного великодушия и милосердия, чрезмерной широты и высоты русской натуры. А противоположная сторона нуждается и в любви, и в просветлении. Если нет сил полюбить, то нужно хотя бы чуть облагородить, образумить, очеловечить, осветлить. Осветлить. Осветлить. Господи, дай силы! Так трудно и тяжело прикасаться к грязи, ко всему грубому и мерзкому, ко всему ничтожному, порочному, подлому. Трудно, но ведь это тоже Россия... Палач звереет от слабости духа, слабости тела, слабости ума. И вот, кажется, наступает критическое мгновение. Но шаг – это слишком большая плата. И она еще немного помедлила. Оглядела всех своих: повела глазами влево, потом вправо. Папа, сестры Татьяна, Мария, Анастасия, брат Алексей, мама, доктор... Папа, убедительность Папа. Папа – и отец, и товарищ, и Царь, и народ, и Россия. Папа – это опора, надежда, идеал. Она лучше всех понимала Его и чувствовала всю тяжесть неподъемной ноши на Его плечах. Она безошибочно улавливала все порывы Его благороднейшей души. Отрекаясь, Он прежде всего думал о благе народа и величии России. Думал, что народу и России это пойдет во благо. О себе Он меньше всего беспокоился, меньше всего позаботился. Она остановила глаза на Папа. Господи, помоги!.. И Она подалась к линии – и тут выстрелил палач. Грянул гром. И свинцовый ливень нахлынул на Нее. И в гаснущем сознании Она еще долго удерживала мысль, что прикрыла собою, защитила, спасла родных и близких. А спасая Папа, символ русского народа, спасла Россию...

Сознание Ее еще долго не хотело угаснуть насовсем. Она все ощущала затылком дыхание Папа, сестер, брата, мама. Все чувствовала, все жила, жила и жила.

Потом душа ее улетела в Небо. И там нашла свое пристанище.

А на Земле православная церковь причислила ее к лику святых. Святая Ольга. И ей стали преклоняться православные, простые русские люди, простые российские люди. Просили у Нее помощи, защиты, сочувствия, понимания. Ибо верили, что Святая, принявшая мученическую смерть, всегда приемлет чужую радость и боль.

Со дня последнего шага Великой Княжны Ольги Николаевны к черте прошло 83 года. Без малого – век. Одна человеческая жизнь. Одно человеческое поколение. Немало воды утекло с той черной ночи подлого и трусливого Цареубийства с лихорадочным замечанием следов злодейского преступления. Черная ночь Цареубийства и детоубийства. Преступники-палачи не пожалели даже малых – двое младших детей Царя еще не достигли совершеннолетия. Но Божья кара настигла всех расстрельщиков. Кого сразу, кого чуть позже. Все до единого, во главе с палачом с наглой ухмылкой и плутоватыми глазками, канули в небытие. Канули в небытие и мелкие палачи разных мастей. И, быть может, единственная отрада в том, что все-таки злодеев стало чуть меньше, чем было их в том роковом 1918 году.

Боль о безвинно убиенных будет жить в россиянах до того дня, пока Россия не вернется на тот круг, на ту орбиту, с которой сошла за год до кровавого Цареубийства. Ибо тяжело жить в стране, имеющей клеймо страны-детоубийцы, страны-цареубийцы.

Это всеобщая наша боль. Это моя боль. Это твоя боль.

*Вороново,
17 июля 2001 года*

Совесьь России Валентин Распутин

Сегодня ушел из жизни писатель Валентин Распутин. Было ему 78. Всего несколько часов не дожил до своего дня рождения.

В последний раз видел его в Кремле, в 1991 году, незадолго до крушения Советского Союза, роспуска КПСС, падения Советской власти. Было это на заседании в Верховном Совете СССР, где с докладом выступал Михаил Сергеевич Горбачев. Сейчас я вспоминаю уроки Распутина. «Уроки французского», «Прощание с Матерой», «Последний срок», «Деньги для Марии»... Впереди прощание с Распутиным, прощание с совестью человеческой...

Вместе с уходом Распутина мы окончательно теряем совесть.

Угасла совесть Союза, угасает совесть России, совесть мира.

*15 марта 2015 года,
утро, 8:30*

Настоящий человек Алексей Маресьев

Впервые я встретился с легендарным летчиком-истребителем, Героем Советского Союза Алексеем Маресьевым на страницах «Повести о настоящем человеке» в школе-восьмилетке, в селе Аган, в Сургутском районе. А впервые воочию увидел его в Кремле, во Дворце съездов.

Май 1989 года, перестройка, Москва, I Съезд народных депутатов СССР. Здесь – цвет страны, история страны, слава страны. Прикосновение к истории, к живой легенде Отечества всегда вызывает трепет в душе человека, оставляет неизгладимый след. Это были уникальные встречи с уникальными личностями. Моими коллегами-депутатами были многие известные ветераны Великой Отечественной войны. Один из них – человек-легенда Алексей Маресьев (прототип героя «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого). На его счету 11 немецких стервятников, сбитых в воздушных боях за Родину. 7 из них он сбил после ампутации обеих ног после ранения, когда уже поднял свой истребитель в небо, на протезах, в 1943 году.

А за год до этого, в конце зимы сорок второго, он 18 суток, на грани жизни и смерти, ползком пробирался на восток, к линии фронта.

Беспримерный подвиг, беспримерная воля к жизни, беспримерная любовь к небу и ко всему и ко всем, среди кого он жил, кто поставил его на ноги. Удивительно, что судьбы многих великих героев связаны с нашим суровым Севером, Сибирью, Дальним Востоком. В восемнадцать лет он по комсомольской путевке приехал и строил город Комсомольск-на-Амуре. Думаю, суровая северная закалка помогала выжить ему в заснеженных лесах в восемнадцатисуточном пути к линии фронта, к своим, к спасению.

После крушения Советского Союза, в поисках путей сохранения государства, мы с ним вошли в одно Всероссийское общественно-политическое движение, возглавляемое премьером Виктором Черномырдиным, – «Наш Дом – Россия». В моей памяти Алексей Петрович, всегда в строгом костюме, в галстук, сосредоточенный, углубленный в себя, немногословный, остался настоящим воином-богатырем – и по духу, и по росту (казалось, едва я дотягивал до его плеча). И походка у него была уверенная, ровная. Трагическую безысходность тех дней трудно передать одной-двумя штрихами: Великая держава, которую защищал легендарный летчик без обеих ног, – рассыпалась, а что нас всех ждет впереди – никто тогда не знал...

Родился А. П. Маресьев 7 (20) мая 1916 года в Камышине Саратовской губернии, ушел из жизни 18 мая 2001 года в Москве.

прослужив в армии, так и не научился выражаться матерными словами. Подумалось: да, были люди в наше время, которые прошли по жизни с честью, с совестью, с доблестью во имя будущего своего Отечества.

Справка. Годы жизни Д. Т. Язова: 8 ноября 1924 года, Язово Омской губернии РСФСР – 25 февраля 2020 года, Москва.

Последний маршал Советского Союза

Наш земляк-сибиряк, ветеран Великой Отечественной войны, маршал Советского Союза, министр обороны СССР Дмитрий Тимофеевич Язов принимал участие на всех съездах народных депутатов СССР. Также приглашали его на заседания Верховного Совета при рассмотрении повестки по оборонным вопросам. Дмитрий Тимофеевич, несмотря на свой высокий государственный пост, запомнился мне человеком доброжелательным и по-отечески заботливым: однажды я пообщался с ним в перерыве между заседаниями. В помощи нуждался попавший в трудную жизненную ситуацию майор Л. из Югры, служивший в Западной группе войск. Дмитрий Тимофеевич внимательно выслушал меня и попросил прислать пакет документов на его имя. И вскоре после этого я получил ответ, что вопрос военнослужащего рассмотрен и решен положительно.

Уже после крушения Советского Союза, в последнем интервью последнего маршала мне почему-то врезались в память его слова о том, что, всю жизнь

Крах перестройки

Размышления на пороге Третьего Тысячелетия¹

Вот и наступил двадцать первый век. Наступило Третье Тысячелетие. Перешагнув этот условный порог, я задумываюсь о многом в этой быстротекущей жизни. О России, об обских уграх ханты и манси, о времени и о себе. О наших потерях и обретениях.

Бурное последнее десятилетие для меня пролетело как один день. Как одно мгновение. И, задумываясь о прошлом, я вспоминаю людей. Время – это люди, а история – это личности. А в политике людей можно разделить на две группы: одни – разрушители, другие – созидатели. Мне более симпатичны созидатели, поэтому через свое восприятие их личностей хочу рассказать о последних годах прошлого века и прошлого тысячелетия. Тем более что, будучи депутатом последнего Верховного Совета СССР, судьба свела меня со многими из них.

В 1989 году самым популярным политиком в СССР и в мире был, конечно, Михаил ГОРБАЧЕВ. Всесильный Генсек ЦК КПСС, председатель Верховного

¹ Из публикации в шведской газете «Hufvudstadsbladet».

Совета СССР, затем первый и последний Президент СССР. Я впервые увидел его «вживую», не на экране телевизора, в дни первого Съезда народных депутатов СССР в Кремле. Мои избиратели, озабоченные нарушением экологического равновесия в Сибири, направили на его имя обращение и несколько пухлых папок с подписями по поводу планируемого грандиозного строительства нефтехимкомбинатов на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Улучив момент, я вручил их Михаилу Сергеевичу со своими комментариями. Вот, мол, голос народа.

В те дни он был, пожалуй, в апогее своей славы. И на Съезде, и в Верховном Совете мог провести любое решение. Возможно, поэтому, чувствуя всенародную поддержку, он сквозь пальцы смотрел на немногочисленную группу демократов, требовавших радикальных реформ в стране. Но наступило время, и в декабре 1991 года он отрекся от поста Президента СССР.

Так произошло падение Верховного Совета СССР.

Так произошло падение Советского Союза.

В январе 1992 года правительство России отпустило цены. Затем началась приватизация государственной собственности. Одна революционная песня утверждала, что «кто был никем, тот станет всем». Только теперь все получилось наоборот.

История повторяется. В 1917 году российский царь Николай II отрекся от престола – и в стране начался хаос. Гражданская война, голод, холод, разруха. Ответственность от небольшой группы людей перешла государству. Итог: погибли миллионы ни в чем не повинных людей.

Через 74 года, в 1991 году, советский царь Горбачев отрекся от власти (от престола) – и в стране опять начался хаос. Войны, голод, холод, разруха. Наркомания, коррупция, преступность. Безработица, нищета,

деградация духа. Теперь собственность от государства перешла небольшой группе людей – олигархам (Какой смысл в том, что в магазинах сто сортов колбасы, если у народа нет денег! Основная масса – за чертой бедности). Итог: погибли и погибают десятки и сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

Николай II, отрекаясь от престола, думал прежде всего о спасении России. Горбачев, сдавая свой пост Президента, очевидно, уповал на сохранение Советского Союза. И того, и другого – обоих волновала не собственная судьба, а судьба государства. Оба были совестливы. И поступили по совести. Тем они и симпатичны мне и, полагаю, многим россиянам. Но если бы они знали последствия своих шагов, наверное, все делали бы по-другому. Никто бы не рискнул обречь тысячи и миллионы своих сограждан на нищету и гибель. Потом, после Горбачева, во власть пришли в основном люди, движимые собственными карьерными и материальными мотивами, а не интересами государства. Многие из них внутренне были совершенно пустыми. Самые рьяные критики Советского Союза, советской власти и КПСС оказались самыми ничтожными и пустыми. Пообещали много, но ничего народу не дали. Внутренняя пустота и отсутствие нравственных устоев позволили им сделать карьеру в условиях неразберихи и хаоса при падении институтов государственной власти. Как правило, против легитимной власти всегда борются те, кто хочет, не имея на то никакого морального права, получить бразды правления, кто способствует одичанию нравов общества. Сами же демократы, кто больше всех критиковал Горбачева, так и не смогли воспользоваться плодами реформ и удержаться во власти.

От развала Советского Союза больше всех выиграли, конечно, Соединенные Штаты Америки. Они стали

полновластными хозяевами, диктующими новые мировые порядки. В этом я убедился, работая с их делегациями по вопросам Севера.

В последний раз я встретил Михаила Горбачева в Бразилии, в Рио-де-Жанейро, на Международной конференции «Рио+5» в марте 1997 года. Он был членом Комитета по разработке Хартии Земли – документа, призванного определить, как развиваться человеческому сообществу в XXI веке. В Хартии надо было укрепить позиции коренных народов. И через его помощника, который знал меня по Верховному Совету, я договорился о встрече. Видно, мое появление напомнило ему о днях президентства. Он улыбнулся и, полюбовернувшись к Раисе Максимовне, которая стояла за его левым плечом, сказал: «Это наш...» Выяснилось, что завтра около двенадцати он выступает на пленарном заседании Конференции. Договорились, что после этого он встретится с представителями коренных народов. Наступил новый день. Он немного опоздал, но зато выступил, как всегда, живо, с блеском. Речь его длилась чуть более получаса. Зал ловил каждое его слово. Потом были вопросы. И когда он закончил и с трибуны сошел в зал, толпа, аплодируя, волной нахлынула на него. И местные секьюрити, человек пять-шесть, мгновенно взяли его в круг, взявшись за руки, клиншком, очень ловко и быстро вывели его из зала и повернули к выходу из отеля «Шератон». Я сидел в первом ряду. И толпа прижала меня к охранникам и вслед за Горбачевым вынесла из отеля. У подъезда стояли два лимузина. Садясь в один из них, он отрывисто бросил: «К губернатору». И машины умчались. Потом кто-то из его помощников сообщил, что он попал в цейтнот во времени. Он запаздывал куда-то, не успевал. Здесь, на американском континенте, он нужен был всем.

Мир вступал в двадцать первый век.

Человечество стояло у Третьего Тысячелетия. И дряхлеющая старушка Европа не знала, куда идти – топталась на месте. А обезумевшая Америка в бешеной гонке загнала себя в тупик – не могла перевести дух и не знала, куда же повернуть. И в этом безысходье только евразийская Россия с ее огромным духовным потенциалом оставалась единственным живым островом спасения для человечества. И поэтому люди, возможно, неосознанно тянулись к ее символу.

Я знал чуть больше, чем все разноязычное и разноцветное всемирное племя участников форума в Рио. И потому от встречи у меня осталось впечатление грустное. Точнее, печальное. Горбачев отрекся от власти, и его созидательная энергия осталась в России невостребованной. А ведь мог бы еще много полезного сделать для своей страны. Возможно, он не раз вспоминал главную заповедь русских царей и советских генсеков: в России за власть надо держаться до гробовой доски. Иначе различные катаклизмы, рожденные безвластьем, повергнут страну в пучину, в темную бездну.

Вслед за приватизацией государственной собственности началась приватизация власти. Олигархи могут позволить себе купить контрольный пакет мандатов в любом представительном органе власти, начиная с Федерального Собрания и кончая регионами страны. Могут купить губернаторские посты, не говоря уже об органах местного самоуправления.

Таким образом, население осталось ни с чем. И в экономике, и в политике. Народные массы ничего не обрели. Одни потери.

О демократизации общества тоже сказать нечего. О чем говорить, если дети вместо школы на улицах выпрашивают милостыню, а вас могут пристрелить в любую минуту, и потом никто и никогда не находит след преступника. Впрочем, существует ли где-либо

демократия?! Нет ее следов и в «самой демократичной стране», в США. Штаты всегда кичились этим своим якобы достижением. В этом я убедился несколько лет назад, на презентации моей первой книги на английском языке «Я слушаю Землю», проходившей на некогда Диком Западе. Нормальный средний гражданин никогда не сможет стать ни конгрессменом, ни сенатором, ни президентом США. Система покупки голосов здесь отработана почти до совершенства. Американский народ с этим давно смирился и внешне демонстрирует довольство жизнью.

К сожалению, Россия перенимает у Запада не самый позитивный опыт.

Сейчас самой влиятельной политической силой остается зюгановская КПРФ. Остальные микропартии с их микророждями и партии-однодневки с их однодневными лидерами не в счет. У коммунистов есть определенная поддержка в народных массах. Это показывают итоги выборов в органы представительной власти. Но, к сожалению, в России никогда не терпели и не могли по достоинству оценить роль оппозиции. Этому еще надо учиться.

Таковы итоги эпохи Горбачева, эпохи Перестройки.

11.02.2002 г.

На старой площади, возле Кремля

В период Перестройки Ханты-Мансийский автономный округ возглавлял Валерий Андреевич ЧУРИЛОВ, первый секретарь Окружкома КПСС, затем председатель окружного Совета. Потом его избрали народным депутатом РСФСР. И я был уверен, что он со временем станет политиком и руководителем сначала на российском, а после и на союзном уровне. Он был в то время самым компетентным, перспективным и дальновидным лидером с нестандартным мышлением и со свежими идеями, с системно-аналитическим подходом ко всем проблемам. Мудрость его проявлялась в том, что, прежде чем отрезать, он много раз отмерял. Но зато потом «резал», выражаясь фигурально, решительно, без оглядки. К примеру, чтобы подступить к решению вопросов недропользования, он начал собирать по крупицам мировой опыт. Его внимание привлек нефтяной штат Техас в США. Туда он выехал вместе со своим помощником, чтобы все увидеть своими глазами и заполучить нужный материал. Затем, когда остро встала проблема коренных народов Севера, приступил к поиску справедливого политиче-

ского решения судьбы ханты и манси в условиях интенсивного нефтегазового освоения их земель. Проводились специальные «Самотлорские практикумы», на которых анализировались и проигрывались результаты опросов ученых и общественности округа. Потом на этой основе принимались управленческие решения. И они оказывались правильными.

Валерий Андреевич опережал время. Его деловые игры, которые стали первыми в жизни КПСС, позволяли прогнозировать экономические последствия принимаемых политических решений...

Именно при В. Чурилове, в 1992 году, окружной Совет принял «Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе», которым до сего дня руководствуются все органы власти в округе. С тех пор прошло ровно девять лет. И за эти годы не было принято ни одного самостоятельного специального закона или нормативного акта по вопросам коренных народов Севера в автономном округе. Не удивительно ли?! Деятельность каждого человека я всегда оцениваю результатом его труда. Есть дело или нет дела. Эта оценка объективна. Понимаю и то, что лидеру мало знать проблемы и о них ежедневно рассуждать. Надо иметь еще политическую волю и смелость, чтобы реализовать идею в дело. На это как раз часто не хватает пороха. А у В. Чурилова эта воля была. И смелость была. И система была. И тем более обидно, что он вынужден был уйти из политики. После известного расстрела Верховного Совета РСФСР в 1993 году.

В последние дни уходящего, теперь уже прошлого, столетия я посетил его офис в одном из переулков Старой площади, возле Кремля. Он взглянул на меня грустными всепонимающими глазами и сказал: «Запаздываете...» Сначала я отнес это к округу. Нас

обходит область. Обходит федеральный центр. В работе головой. Но потом понял, что это относится и ко мне лично. Это леньность мысли, леньность поиска, леньность духа. Я везде и во всем запаздываю. В свое время не захотел заглянуть в будущее, посмотреть вперед. А ведь мог бы предвидеть и появление этого офиса. Все здесь напоминало ссылку. Только ссылку московскую. При царе ссылали в Сибирь, а теперь наоборот – из Сибири в Москву. Я смотрел на нашего экс-лидера, и перед глазами всплывало знаменитое полотно Сурикова «Меншиков в Березове». Помните, там Меншиков сидит со своими детьми в крохотной избушке, занесенной снегами. И стены распирает не востребованная энергия мудрого и блестящего государственного деятеля, сподвижника Петра I, готового всем пожертвовать ради процветания и могущества России.

Тысячи раз подтверждалась истина, что нет пророков в своем Отечестве. Вернее, они есть. Да только чины, олицетворяющие Отечество, не хотят их признавать. Пророк всегда неудобен.

25.05.2002

P.S. Спустя 9 лет.

В 2011 году в Москве вышла книга «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса». Автором является экс-министр печати и информации, зампред Правительства РФ Михаил Полторанин, с которым я познакомился в конце восьмидесятых годов. В этой книге я нашел строки о Валерии Андреевиче. Цитирую:

«Через несколько часов после своей победы Ельцин позвал меня и попросил назвать кандидатуру на пост его первого заместителя. Он плохо знал российских

депутатов. Я предложил председателя Ханты-Мансийского окружного Совета Валерия Чурилова – выпускника МВТУ имени Баумана, кандидата технических наук. Человека с широким кругозором и стойких демократических взглядов. Мы с ним проехали по многим нефтепромыслам, и я отметил про себя, что это настоящий хозяин своей земли, которого рабочие глубоко уважали.

Вскоре Борис Николаевич позвал меня еще раз и сказал, что кандидатура Чурилова не прошла (у кого она «не прошла» – осталось загадкой) и что ему «навязали какого-то» Руслана Хасбулатова. Он его совсем не знал. И я тоже не знал. Жаль, конечно, что Чурилова бортанули – был бы очень сильным, порядочным работником» (конец цитаты, стр. 134).

Возможно, если бы прошла кандидатура Чурилова, в девяностые страну не кромсали, не резали по живому...

2011 год

Неистовая Гаер

В первый раз я увидел ее на I Съезде народных депутатов СССР, в марте 1989 года.

Бурный, неистовый март.

Пламенели знамена.

Пламенели и горели страсти.

Перестройка. Реформы. Горбачев.

Съезд неистовствует. Все можно понять. Представители многомиллионного Союза впервые заговорили в полный голос. О самом главном, о самом наболевшем, о самом сокровенном.

На трибуне хрупкая черноволосая депутат от Дальнего Востока.

Это Евдокия Гаер.

Председательствующий на Съезде Горбачев оставив ее:

– Евдокия Александровна, вы уже перебрали регламент!

Она поворачивает пышущее живым огнем лицо к председательствующему Горбачеву и гремит на весь зал:

– Михаил Сергеевич, коренные малочисленные народы Севера продолжают вымирать! А вы мне два слова не можете дать!

Горбачев смотрит в зал. Мол, как решит зал. По залу глухим и мощным валом прокатилась тихоокеанская волна с отдельными яркими всплесками: «Дать слово!», «Пусть говорит!», «Дать слово Гаер!»

И снова зазвенел в зале звонкий голос Евдокии Александровны Гаер.

Зал, кажется, внимал каждому слову Евдокии Гаер. Ведь сейчас ее устами заговорили 26 коренных малочисленных народов, живущих в самых экстремальных условиях Арктики и Субарктики, Сибири и Дальнего Востока. Условия жизни экстремальные, где все на грани жизни и смерти, а оттуда страна извлекает миллиардные прибыли на всевозможные, порою, на антинародные, проекты.

А зал I Съезда народных депутатов СССР был особенным. Здесь собрался весь цвет тогдашнего СССР. Это был последний Парламент Союза Советских Социалистических Республик. Здесь сидели известные писатели Залыгин, Белов, Распутин, Айтматов, академики Кудрявцев, Велихов, Сахаров, Яблоков, известные герои Отечественной войны Кожедуб, Маресьев, Язов, военачальники следующего поколения Громов, Семенов, Родионов, многие известные художники, актеры, общественно-политические деятели, ученые, космонавты. Многие из них уже успели подружиться с энергичной и неистовой Евдокией Гаер. Возможно, поэтому они так близко к сердцу принимали то, что она говорила с высокой трибуны Дворца съездов СССР в Кремле.

А закончила Гаер на высоко звенящей ноте:

– Коренные народы Севера надо немедленно спасать!..

В зале стало тихо.

Горбачев, выдержав паузу, пошептался с кем-то в Президиуме, потом обвел взглядом зал и сказал примерно следующее:

– Спасибо, Евдокия Александровна! Вы подняли очень серьезную проблему. Давайте в резолюциях Съезда запишем следующее: Правительству СССР, Правительству РСФСР, с участием Верховного Совета СССР, ЦК КПСС и всех заинтересованных министерств и ведомств разработать Программу социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера. И впредь их будем называть не малыми, а «малочисленными народами». Поскольку они малы только числом, а не материальной и духовной культурой. Мы все знаем: малочисленные народы велики своим вкладом в сокровищницу мировой цивилизации. Это бесспорная истина.

Раздались аплодисменты.

И Евдокия Гаер уже спускалась в зал под овации своих коллег по I Съезду народных депутатов СССР.

Таким мне запомнилось первое выступление Евдокии Гаер в Москве.

С тех самых пор, мне кажется, не угасает искренний интерес российской и мировой общественности к самотытной и древней культуре наших коренных народов Севера – в том числе ханты и манси – к вопросам сохранения территорий их традиционного проживания и традиционного образа жизни и, наконец, к их проблемам физического выживания.

8 октября 2003 года

«Поэт в России – больше, чем поэт»

Страна провожает в вечность самого знаменитого поэта и человека в России и в мире Евгения Евтушенко. Провожает в вечность.

В последний раз я встречался с ним в 1991 году, в Кремле, на Съезде народных депутатов СССР. Ранее он подписал наше Обращение к Президенту о признании правового статуса коренных малочисленных народов Севера. Это положило начало созданию правового пространства для наших северян. Забегая вперед, скажу, что после этого состоялся Первый съезд коренных народов Севера с участием Президента СССР Михаила Горбачева и премьера Николая Рыжкова, позднее мы получили статьи 69 и 72 в Конституции России и первые федеральные законы в нашу поддержку, а затем региональные именные законы по правам коренных народов. Помнится, в одном из перерывов в заседании Съезда, в бурном водовороте перестроечных лет, Евгений Александрович на мгновение остановился, поставил свою подпись, с сомнением посмотрел на нее, сказал: «Не знаю, поможет ли?..» Но через мгновение вернул мне ручку, ободряюще улыбнулся,

добавил: «Удачи!» И растворился в облаке среди других великих и именитых во Дворце Съездов, собравшихся со всего Советского Союза. В отличие от некоторых именитых, он не витал в небесах, а ходил по земле, был внимателен к человеку, к малым народам с их житейскими заботами, к людям земли с их печальми...

Сейчас, при упоминании его имени, мне сразу же вспоминаются строки из его стихов и песен, его поэмы, его проза. «Хотят ли русские войны», «Вальс о вальсе», «Братская ГЭС», «Ягодные места». За Уралом, на Севере, в Сибири его считают своим. Его имя ассоциируется с белизной и чистотой. «Идут белые снеги...», зима на «Станции Зима», «А снег идет, а снег идет...», «Белые льдины». И многое другое. Бывая на своей зауральской бескрайней и суровой родине, он всегда заезжал к не менее популярному русскому писателю Валентину Распутину в Иркутск.

Вспомнился вечер, когда я впервые увидел его, будучи студентом Литинститута. Было это в Москве, в Театре Маяковского на улице Герцена, в перерыве между двумя актами спектакля. В светло-сером костюме, с распахнутыми полами пиджака, с ярко-красным галстуком, с черным блестящим ремнем, он, покуривая, сосредоточенно, пружинисто вышагивал по тамбуру парадного подъезда. Был он сосредоточен, был погружен в себя. Точнее, в мир поэзии. После, где бы я ни встречал его, он всегда был сосредоточенным. Закончив разговор или фразу, он сразу же уходил в себя.

В пору белых ночей, летом 2007 года он побывал в нашем округе, в Ханты-Мансийске. В Центре для одаренных детей Севера встречался с читателями, с жителями нашей столицы. Очень сожалею, что я был в отъезде и поэтому пропустил эту встречу. Тогда казалось, что впереди еще будет много встреч. Все впереди.

Всем известна крылатая фраза Евгения Евтушенко: «Поэт в России – больше, чем поэт». Сегодня каждый россиянин, каждый почитатель его таланта может перефразировать его слова: Евтушенко в России – больше, чем поэт. Это эпоха социальной справедливости и социального равенства, эпоха ратных побед и трудовых достижений. Это эпоха с нашими радостями, горестями, с нашей любовью к Отечеству, своему ближнему, к себе. Евтушенко уходит. И вместе с ним уходит вера в Справедливость, в Равенство, в Братство...

Евтушенко – это Эпоха, провожаемая нами в вечность.

2 апреля 2017 года

Габо и Мече. Габриэль Гарсиа Маркес

18 апреля. Утро. Печальная весть. Ушел из жизни Габриэль Гарсиа Маркес. Жаль. Магический реализм. На 88-м году жизни.

А за окном солнце. Весна.

Ушел из жизни один из величайших жителей земли.

У каждого человека свои приоритеты на земле. Я когда-то считал на нашей планете трех человек величайшими писателями: Габриэля Гарсиа Маркеса, Александра Солженицына и Валентина Распутина. Двоих уже нет, остался один лишь наш земляк Распутин.

Когда я ходил в Мексику с писателем и профессором дядюшкой Джо, Габо, как называли его близкие друзья, здоровствовал. Но мой спутник сказал: он очень болеет, его не будем тревожить. У него была странная болезнь: он никого не узнавал, кроме своей супруги Мерседес. Впрочем, о Мерседес Барча ходили легенды. Она 13 лет ждала дня свадьбы. Потом быстро научилась жить в бедности. В Соединенных Штатах она спасла

двоих сыновей и мужа, организовав побег от бешеных антикоммунистов и куклуксклановцев.

Возникает вопрос: кому мы больше благодарны рождению «Ста лет одиночества», «Осени Патриарха», «Полковнику никто не пишет». Габо или Мече, то есть Мерседес? Наверное, в равной степени: и автору, и его женственной и в то же время не по-женски мужественной подруге. Мерседес, заслужившей высочайшего памятника и высочайшей человеческой памяти!

Воистину, эти великие произведения вырублены двумя авторами в великих трудах и муках.

13 мая 2014 года

Здравствуй, Франсуаза!

Впервые я познакомился с ней в Москве, еще будучи студентом Литинститута. Вышла ее первая книга на русском языке. «Здравствуй, грусть», которая принесла ей бешеную популярность не только во Франции и в Советском Союзе, но, пожалуй, во всем читающем мире. Помню, писательская братия была весьма озадачена, а критики просто шокированы. Глубиной проникновения автора во внутренний мир своих героев, глубиной проникновения в психологию человека. Говорили, что это написала семнадцатилетняя девушка. Многим не верилось. Много о ней писали, спорили. Конечно, талант есть талант. Но может ли такая юная писательница сотворить такое?! Даже имея недюжинный талант. Чтобы написать такое, нужно иметь совсем вроде бы незначительное приложение: большой жизненный опыт. Словом, одни были озадачены, другие удивлены, третьи слегка шокированы.

Потом был ее второй роман. «Немного солнца в холодной воде». Тут даже само название завораживало. Солнце. Но совсем немного. Вода. Но холодная. Название от Поля Элюара. А у него была муза, русская

Галя Дьяконова, впоследствии ставшая пожизненной музой под именем Галя у Сальвадора Дали. Ниточка тянулась из России. Что-то наше, родное, близкое. И это название из поэтической строки «Немного солнца в холодной воде». Интриговало. Что бы это значило? Чтобы узнать, нужно непременно прочитать.

Затем вышли другие ее романы. И каждый приносил ей неизменный успех и вызывал у читателей непреходящий интерес. Тема у нее одна – любовь. «Смутная улыбка». Эпиграф к этому роману из Роже Вайана, может быть, в какой-то степени можно отнести ко всем ее произведениям: «Любовь – это то, что происходит между двумя людьми, которые любят друг друга».

После, когда я впервые приехал в Париж, она еще здорововала. Я хотел с ней увидеться, но не получилось, не удалось: как потом выяснилось, она была в отъезде, где-то за пределами страны. К тому же меня замотала суетливая жизнь, каждодневная и подчас пустая суета сует. Тем более, что проехал через Лион, ее малую родину. Мои парижские друзья, славные французы и француженки, говорили мне: в следующий раз, организуем встречу в твой следующий приезд.

Но в следующий приезд, когда я оказался во Франции, узнал, что она уже ушла из жизни. Закончился ее стремительный – она любила быструю езду – многотрудный, бурный и довольно тяжкий путь по нашей грешной земле. Талант – это всегда тяжелая ноша. И чем он больше – тем тяжелее. Теперь наша встреча невозможна в нашем, в среднем мире.

Подумал: все, что она не успела сказать, она унесла с собой в мир иной. И теперь мы уже никогда не узнаем, что она не успела сказать и какую тайну своего таланта навсегда унесла с собой в мир вечного покоя.

Время летит незаметно. Со дня ее ухода прошло уже 10 лет. Прощай, наша современница, блистательная Франсуаза, оставившая нам замечательные романы.

Франсуаза Саган (Куарэ), 21 июня 1935, Кажар, департамент Ло, Южные Пиренеи – 24 сентября 2004, Онфлер, департамент Кальвадос, Нижняя Нормандия.

1 февраля 2014 года

Комментарии

Медвежье горе

Рассказ «Медвежье горе» был навеян автору мотивами хантыйского фольклора. Еремей Айпин написал его на русском языке в 1972 году, будучи студентом второго курса Литературного института. Но в печати сначала появился перевод на молдавский язык. Произошло это в 1973 году.

Впервые на русском языке рассказ «Медвежье горе» был опубликован 14 октября 1978 года в газете Ханты-Мансийского округа «Ленинская правда». Спустя два года он вошел в первую московскую книгу Айпина «В ожидании первого снега». Впоследствии критики много писали об этом рассказе. Укажу здесь статью Светланы Нестеровой «Анималистический жанр в творчестве Еремея Айпина» (на примере рассказа «Медвежье горе»), опубликованную в 2006 году в одном из сборников Нижневарттовского гуманитарного университета.

Но самую высокую оценку этому рассказу дал известный специалист по литературам индейских племен Америки профессор Московского университета Александр Ващенко. В 2006 году он, рассказывая о своем опыте прочтения Айпина, признался: «Но ни Пришвин, ни Сетон-Томпсон, ни даже Серая Сова не написали о животных так, как это мог сделать писатель, вышедший из рода охотников».

хантов. Я имею в виду маленький рассказ о самоубийстве матери-медведицы, потерявшей сына медвежонка («Медвежье горе»). Потрясенный рассказом деда, Айпин смог это событие «увидеть» и передать звериную боль с человеческой силой. Такую же боль он смог передать нам и о судьбе своего народа» («Литературная Россия». 2006. № 37).

Последний рейс

Рассказ «Последний рейс» был написан Еремеем Айпиным в 1972 году на втором курсе Литинститута. Впервые его напечатала газета Ханты-Мансийского округа «Ленинская правда» 15 сентября 1979 года. Годом позже писатель включил «Последний рейс» в свою первую московскую книгу «В ожидании первого снега».

В 1980 году Ф. Керести и А. Саламон перевели этот рассказ на венгерский язык. Тогда же перевод появился в венгерском журнале «Алфолд», который выходил в Дебрецене.

В 1982 году рассказ перепечатал выходящий в Якутске журнал «Полярная звезда» (№ 4. С. 10–15). В том же году он вошел в антологию «Современный уральский рассказ» (Свердловск, 1982. С. 324–332).

Волки

Рассказ «Волки» был написан в 1973 году в Москве (автор тогда учился на третьем курсе Литинститута). Впервые он был опубликован в 1975 году в Москве в сборнике «Родники» (с. 145–147). Спустя два года его перепечатали газета Ханты-Мансийского округа «Ленинская правда» (1977, 20 сентября) и выходящий в Новосибирске журнал «Сибирские огни» (1977, № 7). В том же 1977 году Ф. Керести и А. Саламон перевели «Волков» на венгерский язык.

В 1995 году Айпин включил этот рассказ в сборник своей прозы «Клятвопреступник» (книга была выпущена редакцией московского журнала «Наш современник»).

В 2006 году петербургский исследователь Ефим Роговер напечатал в шестом выпуске сборника «Литература народов Севера» об этом произведении основательную статью «Рассказ Е. Айпина «Волки».

В урмане

Рассказ «В урмане» был написан в 1972–1973 годах в Москве. Впервые он был опубликован летом 1977 года в выходящем в Новосибирске журнале «Сибирские огни» (№ 7). В 1980 году автор включил его в свою первую московскую книжку «В ожидании первого снега».

В 1982 году О. Кравченко перевела рассказ на украинский язык (перевод был тогда же напечатан в Киеве в сборнике «Первоцвет»). Годом позже «В урмане» в переводе Ф. Керести появился в венгерском журнале «Новая Заря».

Конец рода Лагермов

Рассказ «Конец рода Лагермов» был написан в 1973 году. Руководитель литинститутского семинара Борис Бедный, у которого занимался Еремей Айпин, расценил его как шаг вперед в творческом развитии своего студента. Однако до публикации дело тогда не дошло.

Впервые рассказ «Конец рода Лагермов» был напечатан в 1983 году в выходящем в Ленинграде журнале «Нева» (№ 9. С. 87–94). В 1988 году он вошел в коллективный сборник московского издательства «Современник» – «Мой лучший рассказ. 70–80-е годы».

В 1995 году автор включил его в книгу своей прозы «Клятвопреступник».

Впоследствии этот рассказ высоко оценила тюменский литературовед Ольга Лагунова. 3 марта 1998 года она сделала в московском еженедельнике «Литературная Россия» подробный разбор этого произведения.

Старшой

Рассказ «Старшой» был написан в 1977 году. Впервые он был опубликован летом 1977 года в выходящем в Новосибирске журнале «Сибирские огни» (№ 7). Впоследствии он включался в коллективные сборники «Вам, романтики» (Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1978. С. 88–98) и «Братство» (Новосибирск, 1982. С. 262–270). 3 декабря 1983 года рассказ был перепечатан в газете «Тюменская правда».

В 1985 году рассказ «Старшой» вошел в сборник прозы писателей народов Севера «Голубые горы» (Л., 1985. С. 420–428). Позднее он не раз печатался и в других коллективных книгах литераторов Севера (здесь укажем сборник «Северное сияние», Л., 1987; пятый том «Современной уральской повести», Свердловск, 1987).

Во тьме

Рассказ «Во тьме» был написан в 1977 году. Автор предлагал его во многие журналы, но везде наткнулся на отказ. Впервые он вышел в 1995 году в сборнике прозы Еремея Айпина «Клятвопреступник».

Время дождей

Рассказ «Время дождей» был написан на излете 1970-х годов и не раз предлагался «толстым» журналам. Однако издатели по разным причинам его отвергали.

Впервые рассказ «Время дождей» был напечатан в Москве в 1995 году в сборнике «Клятвопреступник». В 1998 году автор включил его в коллективный сборник «Последнее пришествие», который стал своего рода итогом состоявшейся в конце 1996 года в Салехарде международной конференции писателей народов Севера.

Клятвопреступник

Написан в 1978 году на документальном материале. Изменены имена главных героев и русское название села на Оби. Редакторами всегда изымался из состава рукописей в журналы и издательства. Впервые опубликован в 1995 году в сборнике «Избранное» с одноименным названием «Клятвопреступник» (издательство «Наш современник», Москва).

Бездомная собака

Рассказ «Бездомная собака» был написан в 1979 году – почти сразу после демобилизации писателя из армии. В 1983 году Айпин привез его в Магадан на Третий Всероссийский семинар молодых писателей народов Севера

и Дальнего Востока. Рассказ произвел сильное впечатление на редактора Магаданского издательства Владимира Першина. Он отобрал его во второй номер местного альманаха «На Севере Дальнем» (рассказ там вышел под названием «Бездомная собака»; № 2, с. 62–68). В 1995 году Айпин включил это произведение в сборник своей прозы «Клятвопреступник».

Божье Послание

Рассказ «Божье Послание» был написан в конце горбачевской перестройки на документальном материале. Впервые он по предложению критика Вячеслава Огрызко был напечатан осенью 1991 года в московском журнале «Наш современник» (№ 9. С. 50–64). К слову: по итогам года редакция признала эту публикацию одной из самых ярких и присудила автору литературную премию.

В 1995 году Айпин включил рассказ «Божье Послание» в сборник своей прозы «Клятвопреступник». В том же году этот рассказ попал в подборку прозы Айпина, которая увидела свет в сборнике писателей Ханты-Мансийска «На семи холмах соцветие».

Русский Лекарь

Рассказ «Русский Лекарь» в своей основе документален. Автор сохранил подлинное имя главного героя – Иосифа Сардакова и географические названия мест, в которых происходили основные действия. Айпин взялся за этот рассказ практически в дни распада Советского Союза и завершил работу над ним в 1993 году.

В 1994 году «Русского Лекаря» напечатал выходивший в Москве журнал «Северные просторы» (№ 1). На следующий год писатель включил его в сборник своей прозы «Клятвопреступник». В 1996 году рассказ был включен в первый выпуск югорского альманаха «Эринтур» («Поющее озеро») (с. 111–160).

Первые отзывы критиков были противоречивы. Скажем, этот рассказ очень понравился тюменскому литературоведу Ольге Лагуновой. Она по-доброму написала о нем

в московском еженедельнике «Литературная Россия» (1997. 3 октября). Но «Русского Лекаря» в штыки воспринял отец литературоведа – один из старейших тюменских писателей Константин Лагунов. Он так и назвал свой отклик: «Фальшивая нота «Поющего озера» («Тюменская правда». 1998. 10 ноября).

На пороге в другую жизнь

Это – эпилог к книге Еремея Айпина «Клятвопреступник», написанный в 1993–1995 годах.

Повесть «В тени старого кедра»

5 сентября 1980 года фрагмент повести был напечатан в газете Ханты-Мансийского округа «Ленинская правда».

Полный текст повести впервые увидел свет в 1981 году на страницах журнала «Полярная звезда», который выходил в Якутске (№ 5. С. 30–63).

В 1981 году Средне-Уральское издательство выпустило повесть отдельной книгой на хантыйском и русском языках. Спустя пять лет в Свердловске вышло второе дополненное издание этого сборника.

Одним из первых на второе издание откликнулся критик Вячеслав Огрызко. 12 августа 1987 года в газете Ханты-Мансийского округа «Ленинская правда» вышли его заметки «Чувствуя «боль изначальную».

В 2002 году Светлана Молданова (Нестерова) напечатала в сборнике материалов V Югорских чтений статью «Образ медведя в повести Е. Айпина «В тени старого кедра». Годом позже во втором выпуске сборника научных трудов «Литература народов Севера», выходящем в Санкт-Петербурге, появилась серьезная работа Г. Скороспелкиной «Повесть Е. Айпина «В тени старого кедра» (миф и литература)».

В 2003 году повесть стала основой книги «В тени старого кедра», которую петербургские издатели выпустили для дополнительного чтения в 5–6 классах хантыйских школ. Уточню: книга вышла на сургутском диалекте.

Пьеса «Красная нарта»

Драму «Красная нарта» Еремей Айпин написал в начале 1980-х годов по мотивам своего раннего рассказа «Зимовье в кедровнике».

Два слова о рассказе. В его основе – драматический случай Николая Терёшкина, чуть не погибшего в тайге. Эту историю именитого земляка писатель впервые услышал в конце 60-х годов от преподавателя хантыйского языка в Ханты-Мансийском педагогическом училище Алексея Сенгепова. В рассказ эпизод из детства Терёшкина писатель оформил уже в конце учебы в Литинституте.

7 января 1978 года эта история под названием «Зимовье в кедровнике» была опубликована в газете Ханты-Мансийского округа «Ленинская правда». А в 1983 году ее перепечатал выходящий в Якутске журнал «Полярная звезда».

На хантыйском языке рассказ «Зимовье в кедровнике» впервые вышел 26 июля 1980 года в газете «Ленин пант хуват».

В начале 80-х годов Айпин переработал рассказ в драму, дав новому произведению название «Красная нарта». На хантыйском языке эта драма впервые была напечатана в газете «Ленин пант хуват» в 1982 году (номера за 8 и 22 мая и 5 июня).

В 1991 году руководитель Ханты-Мансийского института повышения квалификации учителей Евдокия Нёмцова, столкнувшись с нехваткой текстов на родном языке, без ведома автора распорядилась выпустить драму Айпина «Красная нарта» двумя брошюрами – на хантыйском языке и в русском переводе.

К Величию Великой княжны

Впервые очерк о старшей дочери Николая II «К Величию Великой княжны» была опубликован 17 мая 2002 года в московском еженедельнике «Литературная Россия».

В. Огрызко

СОДЕРЖАНИЕ

О ком и о чем говорят мои книги?	
Слово к моему читателю	5
<i>Е. Косинцева.</i>	
Е. Д. Айпин: «Главная книга еще впереди...»	8
Рассказы	25
Медвежье горе	26
Последний рейс	31
Волки	45
Вурмане	56
Конец рода Лагермов.....	72
Старшой	93
Во тьме.....	107
Время дождей.....	122
Клятвopреступник.....	132
Бездомная собака	161
Божье Послание	173
Русский Лекарь. <i>Рассказ Сардакова Иосифа</i>	197
На пороге в другую жизнь	263
В тени старого кедра. <i>Повесть</i>	267

Красная нарта. <i>Пьеса</i>	325
Штрихи к портретам	349
Обереги от Геннадия Райшева	349
Три штриха к портрету А. Г. Григорьевой	352
Тропа Вождя	355
Первый врач народа ханты Е. М. Сагандукова ...	357
«В моем сердце вся природа...»	361
Солнце, Театр... ..	363
К Величию Великой княжны	365
Совесь России Валентин Распутин	369
Настоящий человек Алексей Маресьев.....	370
Последний маршал Советского Союза.....	372
Краx перестройки	374
На старой площади, возле Кремля.....	380
Неистовая Гаер	384
«Поэт в России – больше, чем поэт»	387
Габо и Мече. Габриэль Гарсиа Маркес	390
Здравствуй, Франсуаза!.....	392
<i>В. Огрызко.</i> Комментарии.....	395

- Айпин, Еремей Данилович.**
А 37 Собрание сочинений : в 5 томах / Еремей Айпин ; вступ.
ст. Е. Косинцевой. – Ханты-Мансийск : Издательский
дом «Новости Югры», 2020.
ISBN 978-5-6045403-1-2
Том 1 : В тени старого кедр. – 404 с. : ил.
ISBN (т. 1) 978-5-6045403-2-9

*Издание приурочено к 90-летию
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры*

12+

Издание не рекомендуется детям младше 12 лет

Еремей АЙПИН

Собрание сочинений в пяти томах

Том 1

«В тени старого кедр»

**Ответственный редактор Л. Р. Нурутдинова
Компьютерная верстка Е. Ю. Захарова
Корректор И. Х. Ачибакиева**

Подписано в печать 30.11.2020. Формат 13х20 см. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Адрес издательства:

Тюменская область, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46
тел. +7 (3467) 350-280

Отпечатано в ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск».
Тюменская область, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46
Тел. +7 (3467) 331-772